ЛИЦЕЙ
П491
135449
УрГУ

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.

КОМНАТА С | ШКАФЪ XXX
ПОЛКА 3 | № ИНВЕНТАРЯ 1114

135449.
1970

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

II.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ.

Сочиненіе

Ксенофонта Полевого.

Томъ II.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.
1836.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, 18 Января 1836 года.

Цензоръ Павелъ Щепкинъ.

Пр. 1940

Пр. 2010

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

Глава I.

Дворецъ въ Петербургѣ блисталъ огнями. Ряды оконъ, освѣщенныхъ ярче обыкновеннаго, заставляли смиренныхъ пѣшеходовъ обходить лишнюю улицу, только-бы не ступить на свѣтлые пропивъ оконъ круги земли, съ которыхъ могли неучтиво согнать ихъ грозные рейтары. Не смотря на большой съѣздъ, вокругъ дворца было все тихо, какъ передъ строемъ солдатъ, ожидающихъ своего начальника. Оклики стражи, да рокотъ запоздалой кареты, подъѣзжавшей ко крыльцу, одни нарушали это спокойствіе на площади.

Но что дѣлалось во дворцѣ? Тамъ былъ царскій вечеръ у Императрицы Анны Іоанновны, уже болѣзненной, близкой къ своей кончинѣ, и какъ-бы старавшейся разсѣять себя, забыть

свои страданія среди блеска и веселья. Для того, въ послѣднее время жизни своей, она чаще собирала во дворцѣ избранное общество и приказывала ему ушѣшать себя. Можетъ быть и ловкій Биронъ употреблялъ это какъ политическое средство: при шумѣ веселья такъ удобно иногда испросить согласіе на многое, въ чемъ откажутъ по-утру, въ кабинетѣ, въ серьёзное время работы ума. На что не могъ всесильный царедворецъ преклонить умъ Императрицы, съ тѣмъ обращался къ ея чувствамъ.

Собраніе было многочисленное и по видимому веселое. Вельможи и придворные расхаживали по заламъ, съ такимъ самодовольствомъ, обращались другъ къ другу съ такимъ радушіемъ, что посторонній сказалъ-бы: они оставили за порогомъ всѣ страсти свои, и предались одному желанію: развеселить Императрицу. Между тѣмъ она, окончивши партію пикета съ Остерманомъ, облокотилась на стоявшаго подлѣ нея Пажа, и глаза ея упали на Камергера Корфа, который приближался съ улыбающимся видомъ.

— А что-же, Баронъ! — сказала она: — принесли-ли вы мнѣ *то сочиненіе*?...

«Приказаніе Вашего Величества исполнено!» отвѣчалъ Корфъ, подавая небольшую кипку печатныхъ листочковъ.

Императрица взяла ихъ, немного опикапилась на креслахъ своихъ ошъ столика, за которымъ играла, и обратила рѣчь къ окружавшимъ ее.

«Вотъ, господа, я подарю вамъ чудо. Вчера, при нашемъ новомъ торжествѣ надъ Турками, Баронъ Корфъ поднесъ мнѣ стихи, написанные рыбачьимъ сыномъ....

—Рыбачьимъ сыномъ!...— воскликнуло нѣсколько голосовъ. Но въ этихъ словахъ не было выраженія, потому что еще не знали, какое придать имъ: шутливое или торжественное. Императрица любила иногда приводить въ недоумѣніе своихъ придворныхъ шутками и загадочными словами, и они ждали объясненія.

—Да, рыбачьимъ сыномъ!—повторила она.— Вотъ, возьмите: это стихи на взятіе Хотина и побѣду надъ Турками. Да какіе стихи!... Такихъ не пишетъ Тредьяковскій, ни Грекъ Антіохъ Кантемиръ.

Придворные съ благоговѣніемъ стѣснили принимать изъ рукъ Императрицы листочки, вдругъ сдѣлавшіеся для нихъ святынею. Она сама раздала ихъ нѣкоторымъ и отдавая остальные опять Корфу, сказала:

—На! дай имъ всѣмъ!... Я нарочно велѣла Корфу напечатать ихъ больше, чтобы вы всѣ, господа, могли полюбоваться новымъ стихотворцемъ нашимъ.

Между шѣмъ, получившіе стихотвореніе прежде другихъ, спѣшили къ канделабрамъ, къ свѣчамъ; старики надѣвали очки, а иные уже разбирали по складамъ: *Враче .... врачеб .... ной да.....ли.... мнѣ.... воды.* И отвсюду слышно было: «Безподобно!... удивительно!... прекрасно!»

Между шѣмъ Императрица сама снова отзывалась о стихахъ Ломоносова чрезвычайно благосклонно, и наконецъ сказала Корфу:

— А гдѣ-нибудь теперь этотъ Ломоносовъ!

«Въ Марбургѣ, Ваше Величество: учится у Профессора Вольфа стихотворству.

— Въ Марбургѣ! стихотворству! у Профессора! — повторяли многіе.

«Ну, да разскажи имъ, какъ получилъ ты эти стихи. Разскажи подробно. Это страхъ какъ любопытно, господа!

Уши всѣхъ настроились; Корфъ съ поклономъ къ Императрицѣ началъ:

«Ломоносовъ учится на счетъ Академіи, щедротами Всемилостивѣйшей нашей Государыни. Онъ присылаетъ ко мнѣ, какъ къ Президенту Академіи, отчеты о своихъ успѣхахъ. Въ послѣдній разъ, при письмѣ и отчетѣ, я получилъ отъ него и стихи, написанные имъ, когда услышалъ онъ о преславной побѣдѣ, одержанной войсками Ея Императорскаго Величества. Онъ говоритъ, что побѣда отозвалась въ Германіи какъ громъ, и что онъ, въ

избышкѣ чувствъ, осмѣлился воспѣть торжество Россійскаго оружія.

«Удивительно! превосходно!...» начались опять восклицанія.

Между тѣмъ Корфъ, напередъ выучившій свой разсказъ, оправилъ попъ, и съ торжествомъ поглядывалъ на придворныхъ собраніовъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ ксташки поднесъ стихи Ломоносова, что уже многіе были готовы жать ему руку, и успѣхъ этотъ равнялся развѣ успѣху его выучить довольно длинную Русскую рѣчь.

— Но кто этотъ Ломоносовъ? — спросилъ наконецъ Остерманъ, остававшійся на своемъ мѣстѣ противъ Императрицы, за каршочнымъ столомъ, потому что подагра давала ему право меньше другихъ утомлять свои ноги, даже при Императрицѣ.

«Ломоносовъ, Холмогорскій урожденецъ, сынъ рыбака,» отвѣчалъ Корфъ. «Въ достославное царствованіе нашей Всемилостивѣйшей Государыни, когда науки вмѣстѣ со всѣми другими отраслями государственнаго хозяйства....

Императрица улыбнулась; но Корфъ, ни мало не смѣшавшись, продолжалъ:

«Когда все процвѣтаетъ и благоденствуетъ, и науки находятъ покровительство, Ломоносовъ пришелъ пѣшкомъ въ Москву, изъ Архангельска....

— Пѣшкомъ? — спросили нѣкоторые.

« Да , Мм. Гг., пѣшкомъ. Въ Москвѣ , разумѣется, встрѣтилъ онъ покровительство , и опредѣлился въ Духовную Академію , отсюда , какъ отличнаго ученика , отправили его въ нашу Академію. Мы , для вящшаго усовершенствованія , послали его въ Марбургъ , къ Профессору Вольфу, и тамъ-то онъ написалъ оду...

Бирономъ , всесильный Бирономъ слушалъ съ нетерпѣніемъ разскащика, боясь чтобы многословіе его не утомило Императрицы. Онъ уже хотѣлъ перемѣнить разговоръ , когда она сказала :

— Нѣтъ , разскажи , какъ удивилъ онъ васъ своими стихами.

«Да, Ваше Величество! Я истинно удивился, прочитавши стихи его , и отдалъ ихъ на разсмотрѣніе господамъ Академикамъ. Они единогласно подтвердили мое мнѣніе , что стихи прекрасны и даже достойны воззрѣнія Всемилостивѣйшей нашей Государыни. Я велѣлъ напечатать ихъ , и удостоился , во вчерашній торжественный день , поднести Ея Величеству. . . .

— А я велѣла напечатать побольше этихъ листочковъ , и поздравляю васъ , господа , съ новымъ стихотворцемъ! — прибавила Императрица благосклонно.

Глубокій поклонъ былъ отвѣтомъ на эти слова.

Корфъ разсказалъ почти все справедливо; только нѣкоторыя стороны представилъ по своему. Онъ, какъ Нѣмецъ, даже плохо понимавшій Русскія дѣловыя бумаги, тѣмъ меньше могъ судить о стихахъ Ломоносова, и получивши ихъ, отдалъ на разсмотрѣніе Академіи. Но тамъ засѣдали также почти все Нѣмцы, и они едвали могли-бы оцѣнить первый брилліантъ Русской Поэзіи, если-бы одинъ изъ нихъ прямодушно не посовѣтовалъ отдать стихи на разсмотрѣніе учителю Академической Гимназіи Ададурову. Этотъ человѣкъ, бывшій впослѣдствіи учителемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, и наконецъ вельможею, первый угадалъ поэтическій порывъ юноши, и съ изумленіемъ къ новости языка, величію образовъ, и, всего больше, необычайному размѣру стиховъ, представилъ Академіи, что ода Ломоносова достойна всякаго одобренія и поощренія. Онъ прочиталъ ее Академикамъ, не понимавшимъ языка, но понимавшимъ размѣръ стиховъ. Они заспорили было, что Русскій языкъ не способенъ къ размѣрамъ, и что въ немъ существуетъ только тоническое стихотворство. Но почти въ одно время съ стихами получено было отъ Ломоносова *Письмо о правилахъ Россійскаго стихотворства:*

онъ какъ будто предчувствовалъ, что оно будетъ нужно для убѣжденія Гг. Академиковъ. Ададуровъ перевелъ это письмо на Нѣмецкій языкъ, и совершенно удостовѣрилъ ихъ въ огромности подвига перваго Русскаго поэта. Они поняли это, и рѣшились наградить изобрѣтеніе размѣра для Русскихъ стиховъ своимъ одобреніемъ. Послѣ того уже Корфъ рѣшился представить оду Ломоносова Императрицѣ, и сдѣлалъ это такъ удачно.

Одобрительный говоръ не умолкалъ, послѣ того какъ услышали, что Императрица искренно любуется стихами на громкую побѣду войскъ ея. Даже Бирономъ, не любившій ничего Русскаго, хвалилъ по-Нѣмецки мужика, одареннаго такимъ *искуснымъ умомъ*. Русскіе патріоты восхищались отъ чистаго сердца, можетъ быть не столько стихами, сколько побѣдой Русскаго ума надъ предубѣжденіемъ, которое бывало готово иногда отнять у нихъ сообщественниковъ всѣ способности.

— Все прославляетъ царствованіе Ваше, Государыня!—сказалъ Остерманъ.

«Русскій умъ воскресаетъ!» примолвилъ Трубецкой.

—Онъ и не бывалъ распятъ — возразилъ Бирономъ. — Къ тому-же стихотворцы, какъ всѣ искусники, имѣютъ особенныя способности, и

имъ надобно только благопріятныя обстоятельства, въ какихъ, напримѣръ, находится теперь Россія. Этотъ мужикъ уже не первый: Тредьяковскій также пишетъ стихи.

«Конечно, Ваша Свѣтлость,» отвѣчалъ Трубецкой смиренно. «Все отъ Бога! Овому талантъ, овому два.... Но у насъ до сихъ поръ не было стихотворцевъ, кромѣ старинныхъ псалмослагателей.»

— Потому что еще не наставало время для этого — сказалъ Биронъ.— Да и Русскій языкъ вообще мало способенъ къ выраженію тонкихъ мыслей.

«На немъ однакожъ выражены всѣ красоты божественныхъ писателей» — осмѣлился замѣтить Трубецкой.

Биронъ взглянулъ на него грозно, потому что не вдругъ нашелъ отвѣтъ; однакожъ тотчасъ прибавилъ, соображаясь съ образомъ мыслей Императрицы:

—Но вы говорите о людяхъ святыхъ, потому что переводчики священныхъ книгъ таковы. А что такое стихотворцы?... Неужели ихъ ставите вы наряду съ святыми?

Трубецкой смолчалъ въ свою очередь, и потомъ отвѣчалъ въ полголоса:

— Можетъ быть мы сами недостойны появленія святыхъ людей.

—Не о томъ рѣчь, Князь — пылко возразилъ Бирономъ.—Вы смѣшиваете людей вдохновенныхъ съ стихотворцами. Я говорю только, что въ Россіи не было до сихъ поръ стихотворцевъ. Даже въ славное царствованіе Императора Петра I-го не писали стиховъ. И только теперь, когда науки поощряются, когда Россія начинаетъ истинную жизнь Европейскаго Государства, и когда благоденствіе народа прочно, онъ начинаетъ пѣть.

«Справедливо! справедливо!» раздалось со всѣхъ сторонъ.

—Наукамъ необходимо поощреніе, такъ-же какъ и всему другому — продолжалъ Бирономъ, довершая свою побѣду. — *У васъ въ Россіи* до сихъ поръ не понимали этого.

Увлеченный живостью разговора, онъ не замѣтилъ неприличнаго своего выраженія, потому что не привыкъ быть осторожнымъ въ словахъ, и какъ будто хотѣлъ сказать, что только онъ показываетъ Русскимъ свѣтъ Божій.

Императрица была такъ снисходительна къ своему любимцу, что позволяла ему забываться даже въ собственномъ ея присутствіи. И теперь, видя что разговоръ принимаетъ оборотъ не совсѣмъ пріятный, она спѣшила сказать:

— Такъ надобно-же, Герцогъ, подтвердить ваши слова и всячески поощрять этого умнаго рыбака.

«Воля Вашего Величества священна для каждаго изъ насъ,» благоговѣйно отвѣчалъ Бирономъ, наклоняя голову.

— Поощреніе раждаетъ науки! — прибавилъ Остерманъ. — Это доказанная, святая истина. Счастливому царствованію Вашего Величества предоставлено соединить и славу наукъ, со всѣми другими славами Россіи.

«Да, я хочу, чтобы этотъ рыбакъ не пропалъ за-даромъ. Надобно имѣть его въ виду. Спасибо, Корфъ, тебѣ, что ты доставляешь намъ новый случай изъявить наше благоволеніе къ успѣхамъ, какого-бы рода ни были они.

Восторженный Корфъ палъ на колѣни и прикоснулся губами къ рукѣ Императрицы.

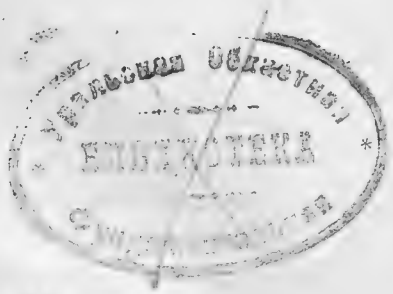
—Имѣй въ виду нашего рыбака, и при случаѣ донеси мнѣ о его успѣхахъ; а когда возвратишься онъ изъ-за границы, доложи мнѣ объ этомъ.

Бѣдный Ломоносовъ!... Для чего не былъ онъ тутъ, среди этого блестящаго собранія придворныхъ, которые слышали милостивыя для него слова Императрицы! Они осыпали-бы его поздравленіями и окружили готовностью пособлять на тернистомъ пути жизни. Но онъ

былъ далеко; онъ не слыхалъ поощреній; они не дошли до него.

—Спасибо всѣмъ вамъ, господа, что пособили провести время! — сказала Императрица, необыкновенно милостивая во весь этотъ вечеръ. Но слова ея были знакомъ, что вечеръ кончился. Съ глубокими поклонами начали удаляться придворные, между тѣмъ какъ Императрица склонилась на спинку своихъ креселъ, и какъ-бы въ утомленіи закрыла рукою глаза.

На другой день, во всѣхъ придворныхъ кругахъ, во всемъ высшемъ обществѣ разговаривали о необыкновенномъ сынѣ рыбака. Ода Ломоносова восхищала всѣхъ, понимавшихъ и не понимавшихъ ея. Но еще больше удивлялись, и можетъ быть даже завидовали, благосклонности, съ какою приняла ее Императрица. Это былъ первый примѣръ милостиваго вниманія къ Русской Поэзіи. И въ самомъ дѣлѣ, если вспомнимъ, что стихи Ломоносова произвели такой шумъ при Дворѣ почти *за сто лѣтъ* до насъ, то удивимся-ли говору, какой продолжался о нихъ до самаго вечера слѣдующаго дня? Въ этотъ вечеръ былъ назначенъ маскарадъ у кого-то изъ придворныхъ, и на другой день разговоръ былъ уже о маскарадѣ. Поэтъ, поэзія, и счастливый сынъ рыбака не занимали больше никого.



Глава II.

Но между тѣмъ какъ люди, окруженные великолѣпіемъ и пышностію восхищались стихами Ломоносова, мы видѣли каково было бѣдному поэту! Онъ бродилъ по Германіи, часто безъ куска хлѣба, нищимъ; былъ въ рукахъ Прусскаго Вахмистра, страшась свиста палки, или, что̀ едва-ли не хуже, въ рукахъ своихъ кредиторовъ, которые хотѣли упрятать его въ тюрьму. Онъ бѣжалъ отъ нихъ къ первому Рускому, котораго могъ встрѣтить, и возвратился въ Россію.

Но уже два года прошло послѣ описаннаго нами вечера. Императрица Анна Іоанновна скончалась; регентство Бирона, и потомъ Принцессы Правительницы, сдѣлались прошедшимъ, и Ломоносовъ вышелъ на берегъ Невы почти при самомъ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны. Сколько перемѣнъ случилось въ это время! Почти всѣ придворные

Анны Іоанновны были въ заточеніи или въ Сибири, или по крайней мѣрѣ удалены отъ Двора, и слѣдовательно всѣ, видѣвшіе торжество дарованія рыбака, не могли даже ободрить его разсказомъ о томъ, не только помочь ему. А до него-ли было новымъ вельможамъ? Ихъ озабочивали дѣла, столько важныя для нихъ, что они даже не знали, да и не захотѣли-бы знать, существуетъ-ли на свѣтѣ какой-то Михайло Ломоносовъ, за два года (это вѣчность при Дворѣ!) расхваленный покойною Императрицею и всѣми придворными ея. Можетъ быть даже, кто и могъ-бы разсказать объ этомъ, не разсказалъ-бы, опасаясь напоминанія о прежнемъ порядкѣ дѣлъ, о прежнихъ сильныхъ людяхъ, упавшихъ съ высоты почестей и власти. Такимъ образомъ Ломоносовъ ничего не зналъ о своемъ успѣхѣ, когда пробирался къ Академическимъ зданіямъ, и несъ въ узелкѣ, подъ мышкой, все свое богатство: пары двѣ бѣлья, двѣ-три книги и нѣсколько свертковъ бумагъ. Онъ спросилъ прежде всего о Президентѣ Корфѣ. Ему сказали, что Корфа уже нѣтъ; что теперь Президентомъ Г. Фонъ-Бревернъ, который живетъ не въ Академіи. Гдѣ Эйлеръ? Недавно уѣхалъ къ Фридриху Прусскому, въ Берлинъ. Путешественникъ спросилъ о нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему другихъ лицахъ: нѣтъ никого! Байеръ умеръ, другіе

оставили службу или путешествуютъ въ далекихъ земляхъ.

Невольная грусть запала въ сердце Ломоносова. «Неужели я осужденъ быть вѣчно чужимъ посреди людей?» подумалъ онъ. Къ счастію, въ этотъ день было засѣданіе въ Академіи. Онъ явился туда, объявилъ, или лучше сказать долженъ былъ растолковать, кто онъ, и наконецъ успѣлъ вручить свои аттестаты и нѣкоторыя другія бумаги, доказывавшія, что онъ точно тотъ, за кого выдаетъ себя. Всѣ Нѣмцы обрадовались, что молодой человѣкъ очень хорошо говоритъ по-Нѣмецки. Это было важною рекомендаціею для Ломоносова. Естественно и простительно: Члены Русской Академіи почти не говорили по-Русски.

Президента не было въ это засѣданіе, и потому Ломоносову должно было на другой день идти къ нему на домъ. Онъ жилъ довольно далеко. Хотя Петербургъ не былъ тогда неизмѣримъ какъ теперь, но размѣры его были обширны съ самаго основанія. На краю города, среди пустырей и нѣсколькихъ новыхъ домиковъ, жилъ Г. Фонъ-Бревернъ, потому что тамъ земля отдавалась тогда безплатно, и чѣмъ больше кто занималъ мѣста, тѣмъ больше были рады. Почтенный Президентъ Академіи, Нѣмецъ, любитель садовъ, лужаекъ и экономіи, расчелъ, что онъ можетъ имѣть соб-

ственное хозяйство, и даже огородъ, слѣдовательно дома цвѣтную капусту, не говоря уже о чемъ другомъ. А это казалось важно для него, потому что въ Петербургѣ еще не было горъ всякой зелени на Сѣнной и *зеленыхъ рядовъ* по рынкамъ.

Когда Ломоносовъ явился къ нему въ домъ, и попросилъ доложить о себѣ, ему сказали, что Его Превосходительство въ саду, куда можно идти къ нему прямо. Онъ пошелъ, и на прекрасномъ болотѣ, кой-гдѣ превращенномъ въ чистое поле, въ гряды, кой-гдѣ усаженномъ нѣсколькими деревцами для красы, увидѣлъ своего начальника, одѣтаго въ широкій домашній сюртукъ. При видѣ незнакомца, Г. Фонъ-Бревернъ съ вопросительнымъ лицомъ пошелъ къ нему на встрѣчу, какъ-бы ожидая отзыва.

Ломоносовъ отрекомендовался ему по-Нѣмецки, и сказалъ наконецъ, что онъ ожидаетъ распоряженій и приказаній Его Превосходительства.

— Очень хорошо, очень хорошо! — сказалъ Президентъ.— Я подумаю объ этомъ.

«Ваше Превосходительство.... я чрезвычайно нуждаюсь въ деньгахъ....

— Очень хорошо — отвѣчалъ Президентъ. — Я соображусь и сдѣлаю все что̀ зависитъ отъ меня.

«Гдѣ прикажете мнѣ помѣститься теперь?

—Гдѣ? Да гдѣ вы теперь помѣщаетесь?»

«Въ первой или лучше сказать передней комнатѣ Академіи,» отвѣчалъ Ломоносовъ съ нетерпѣніемъ. «Правду сказать, у меня и нечего размѣщать по угламъ самой маленькой комнаты; но для занятій необходима удобная квартира.

—О, конечно! — воскликнулъ Президентъ не измѣняя своему хладнокровію. — Я завтра позабочусь о васъ.... у меня столько занятій.... —прибавилъ онъ, усердно выпятивая дымъ изъ трубки.—Но завтра я непремѣнно помѣщу васъ и сдѣлаю всякое удовольствіе. Иванъ!—сказалъ онъ обращаясь къ работнику. — Что-же эти куски остаются безъ поливки?

Ломоносовъ раскланялся и пошелъ назадъ. — Они все тѣ-же! — думалъ онъ, съ досадой шагая по улицѣ.—Такъ-же беззаботны обо всемъ, что̀ не относится къ нимъ лично!... Ни одного вопроса о моихъ успѣхахъ, о моихъ занятіяхъ въ Германіи! Это больно, больно!... Бревернъ знатный человѣкъ; онъ могъ-бы многое, а я не смѣю теперь надѣяться отъ него ничего. На кого-же надѣяться?... На кого? Михайло! Неужели ты еще не привыкъ надѣяться только на себя, и на Того, Кто выше насъ! Да, на Него, и на свою голову, на свою грудь полагаюсь я во всемъ.

Утѣшенный этою мыслію, Ломоносовъ почти весь день бродилъ по Петербургу, съ любопытствомъ разсматривая успѣхи юнаго гиганта, который выросталъ изъ своего болота, и уже показывалъ чѣмъ будетъ нѣкогда. Но Ломоносовъ не встрѣтилъ ни одного знакомаго лица въ своемъ отечественномъ городѣ, и это навело на него тоску. Да! тяжелое чувство закрадывается въ душу, когда, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, вы пріѣзжаете въ знакомый городъ, видите прежнія мѣста, прежніе домы, и кажетесь сами себѣ чужимъ, бѣглецомъ подъ шатромъ роднаго неба.

Но Президентъ былъ человѣкъ истинно добрый, не смотря на свою спартанскую представительность. На другой-же день онъ явился въ Академію, отвелъ компанію Ломоносову, велѣлъ выдать ему все заслуженное жалованье, распрашивалъ его о Германіи, и наконецъ сказалъ, чтобы онъ приготовилъ отчетъ о своемъ путешествіи.

Ломоносовъ ожилъ, и съ жаромъ принялся сочинять свой отчетъ, на Латинскомъ языкѣ. Это заняло его нѣсколько дней, и черезъ недѣлю по пріѣздѣ онъ представилъ Академіи не просто отчетъ, а мастерское произведеніе ученаго, гдѣ какъ въ ясномъ зеркалѣ отражались всѣ предметы, видѣнные глазами просвѣщеннаго, высокаго человѣка, и всѣ впечатлѣнія,

всѣ завоеванія сильнаго, могучаго ума его. Это была цѣлая поэма, конечно выше писанной имъ послѣ на заказъ. Тутъ говорила его душа, озаренная свѣтомъ Науки, укрѣпившей рѣдкій его умъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, самый кропотливый ученый могъ удовлетвориться отчетомъ Ломоносова, потому что онъ показалъ въ немъ глубокія свѣдѣнія по всѣмъ частямъ знаній, которыми занимался въ Германіи; а чѣмъ онъ не занимался тамъ? Философія и Стихотворство, Астрономія и подземный міръ — онъ коснулся всего.

Въ Академіи начались разсмотрѣнія и сужденія ученыхъ, а Ломоносовъ обратился между тѣмъ къ предмету, который не переставалъ наполнять и тягостить его душу. Сонъ, видѣнный имъ на кораблѣ, при возвращеніи въ Россію, не выходилъ изъ ума его. Онъ съ самаго пріѣзда искалъ какихъ нибудь Холмогорцевъ, и наконецъ нашелъ нѣсколькихъ пріѣзжихъ изъ деревни, близкой къ мѣсту его рожденія. Это были рыбные торговцы, знавшіе отца его, и припомнившіе, что у Василья Ломоносова былъ сынъ. Но они не хотѣли вѣрить, чтобы съ ними говорилъ этотъ сынъ, котораго увидѣли они молодымъ, статнымъ господиномъ.

— Не о томъ дѣло, ребята! — сказалъ имъ Ломоносовъ.—Скажите мнѣ объ отцѣ моемъ?... А я точно Михайло, сынъ Василья Ломоносо-

ва. . . . Давно ушелъ я съ своей родины, много странствовалъ по свѣту, и вотъ, недавно, возвращаясь сюда, видѣлъ такой страшный сонъ, который не даетъ мнѣ покоя. Скажите, живъ-ли мой отецъ?

«Не знаемъ, благодѣтель!» отвѣчали земляки его. «А коли хочетъ знать ваша милость, такъ мы скажемъ что̀ знаемъ. Родитель твой отправился нынѣшней весной, какъ только вскрылись рѣки, на промыселъ. Такъ вѣдь онъ всегда дѣлывалъ. Но ужь минуло послѣ его ухода въ море четыре мѣсяца, когда мы поѣхали изъ своей деревни, а о немъ и объ его аршели ни слуху ни духу не было.

Эти слова поразили Ломоносова. Онъ зналъ, какъ производились на родинѣ его рыбные промыслы, и потому отсутствіе, столько продолжительное, ужаснуло его. Сонъ казался ему вѣщимъ. Онъ распросилъ рыбаковъ, по какому направленію отправился отецъ его, и догадывался изъ ихъ словъ, что онъ долженъ былъ приставать и къ тому острову, на которомъ во снѣ видѣлъ его бездыханнымъ.

Въ пылкой душѣ его тотчасъ родилась мысль: ѣхать отыскивать своего отца, потому что онъ навѣрное почиталъ его погибшимъ. Мертвый, оставшійся безъ погребенія отецъ, безпрестанно представлялся ему, и преслѣдовалъ

его даже во снѣ, будто укоряя за свое одиночество и въ жизни и по смерти.

Обстоятельства однакожъ никакъ не позволяли ему ѣхать въ то время, когда въ Академіи рѣшалась его участь. Онъ долженъ былъ многое пояснять въ своемъ отчетѣ, писать новыя бумаги, оффиціяльныя и ученыя, словомъ, бодрствовать надъ своимъ жребіемъ. Но нѣсколько мучительныхъ дней превозмогли все. Онъ явился въ присутствіе Академіи и объявилъ, что имѣетъ непремѣнную надобность съѣздить на время къ отцу своему, который, по слухамъ, находится въ опасности жизни. Онъ не хотѣлъ болѣе пояснять темнаго своего опасенія, боясь, что его не только не поймутъ, но и станутъ еще смѣяться; потому, просто какъ милости, просилъ онъ отпуска.

Это оказалось невозможнымъ. Академики рѣшили, что дѣла *службы* важнѣе семейственныхъ, и что Г-ну Ломоносову даже неприлично отлучиться въ такое время, когда должно давать отчетъ, съ пользою-ли употребилъ онъ благодѣянія Академіи. Онъ повиновался; но глубокая тоска овладѣла душою его. Чтобы сколько нибудь успокоить себя, онъ пошелъ къ своимъ землякамъ, и зная, что они скоро отправляются домой, началъ просить ихъ отыскать отца его.

«А гдѣ мы станемъ отыскивать его?» спросили добродушные рыбаки.

— Я скажу вамъ — отвѣчалъ Ломоносовъ, и началъ подробно описывать островъ, видѣнный имъ въ малолѣтствѣ нѣсколько разъ. — Тамъ, гдѣ нибудь, въ пустынномъ мѣстѣ, найдете вы пѣло моего отца — прибавилъ онъ со слезами на глазахъ. — Дай Богъ, чтобы предчувствіе мое было несправедливо!... Но если оно, къ несчастію, сбудется, похороните его съ должною честію и положите на могилѣ камень.

«Мы рады-бы услужить вашей милости, но вѣдь не нарочно-же ѣхать за этимъ.

— Знаю; но вы вѣрно нынче-же осенью поѣдете на промыселъ?

« Поѣдемъ.

— Ну, такъ заверните на этотъ островъ; а чтобы вы не даромъ трудились и издерживались для меня, вотъ вамъ деньги.

Онъ высыпалъ изъ кошелька все, что было у него денегъ. Мужики изумились богатству его, потому что онъ дарилъ имъ больше десяти серебряныхъ рублей, и послѣ этого дали непремѣнное обѣщаніе исполнить просьбу *земляка-господина*. Еще разъ повторилъ онъ имъ всѣ примѣты острова, и съ тоской въ сердцѣ простился съ своими Холмогорцами.

Вскорѣ послѣ этого назначено было Ломоносову читать пробную лекцію о Химіи. Онъ

съ жаромъ принялся сочинять ее, и сердечная тоска, обладавшая имъ, придавала новую силу и торжественность выраженіямъ его. Черезъ нѣсколько дней представилъ онъ свою лекцію. Ее одобрили и назначили день для торжественнаго чтенія. Еще бѣдный учеными Петербургъ, гдѣ едва-ли было десять человѣкъ, понимавшихъ Ломоносова, видѣлъ, можетъ быть, въ первый разъ ученое торжество Русскаго ума. Ломоносовъ блистательно прочелъ свою лекцію, и нѣкоторыя возраженія Академиковъ завязали споръ, еще больше показавшій обширныя свѣдѣнія, умъ и краснорѣчіе диспутанта. Это вышло настоящее ученое состязаніе, какихъ можетъ быть немного бываетъ и въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, если вообразимъ перваго Русскаго естествоиспытателя, истиннаго ученаго человѣка, словомъ Ломоносова, и прошивъ него тогдашній цвѣтъ Нѣмецкой учености, то это представитъ намъ картину торжественную и умилительную.

Испытаніе кончилось одобреніемъ со стороны Академиковъ, и поздравленіями нѣсколькихъ человѣкъ знатныхъ, присутствовавшихъ тутъ-же. Между прочимъ Лестокъ, Лейбъ-Медикъ Императрицы, побудившій ее принять бразды правленія, подошелъ къ Ломоносову и сказалъ нѣсколько лестныхъ словъ. Хладнокровный Фонъ-Бревернъ казался довольнымъ и обѣ-

щалъ *позаботиться* о молодомъ ученомъ. Петръ Ивановичъ Шуваловъ также изъявилъ свое удовольствіе. Но всѣхъ больше восхищался, по видимому, и радовался юноша, лѣтъ пятнадцати, въ пажескомъ мундирѣ, бывшій съ П. И. Шуваловымъ. Онъ просто подошелъ къ Ломоносову, пожалъ ему руку и просилъ его знакомства: это былъ знаменитый впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносову казалось, что голова его была увита лаврами послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій. Онъ уже мечталъ объ академическомъ тріумфѣ, и грудь его облегчилась на нѣсколько дней отъ угнетавшей ее тоски. Но возвращеніе къ обыкновенной жизни скоро заштмило эти свѣтлыя минуты.

Академія рѣшила, послѣ всѣхъ разсмотрѣній и сужденій, что студентъ Михайло Ломоносовъ достоинъ повышенія въ ученыхъ степеняхъ, и потому награждается званіемъ Адъюнкта-Профессора, съ опредѣленіемъ въ Академическую Гимназію преподавателемъ Химіи и Физики. Можетъ быть, онъ ожидалъ чего нибудь больше, хотя не имѣлъ къ этому никакого повода, потому что не всякій счастливецъ изъ студента дѣлается Профессоромъ, Академикомъ; но какъ-бы то ни было, эта ученая степень не очень обрадовала его. Онъ заслужилъ ее тяжелымъ трудомъ! Это была

только *справедливость*, а онъ, можетъ быть, ожидалъ *награды*; можетъ быть!... Страсти человѣческія непонятны и всего чаще безконечны.

Между тѣмъ, новый Адъюнктъ приступилъ къ своему занятію ревностно, съ совершеннымъ знаніемъ дѣла, потому что самъ прошелъ весь лабиринтъ школъ высшихъ и низшихъ. Голова его, всегда легко воспламенявшаяся, тотчасъ составила множество плановъ, которые думалъ онъ исполнить, при помощи ученыхъ собратій своихъ и покровительствѣ знатныхъ. Онъ хотѣлъ многое перемѣнить, пополнить въ преподаваніи, ввести новыя методы, выписать необходимыя книги, снаряды, но на первый случай удержалъ свою ревность, потому что опытъ умѣетъ обуздывать самыя пылкія души. Онъ рѣшился сначала дѣйствовать тѣми средствами, какія находились у него подъ руками, оказать нѣкоторыя заслуги, сблизиться съ сильными людьми, и потомъ уже приступить къ нововведеніямъ. Увидимъ, многое-ли сбылось изъ этихъ мечтаній.

Но занимаясь преподаваніемъ своихъ наукъ, Ломоносовъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и членомъ Академіи, хотя младшимъ. Онъ долженъ былъ, по временамъ, читать нам разсужденія объ ученыхъ предметахъ. Это составляло для него не трудъ, а отдыхъ, отраду. Какъ Адъюнктъ

Химіи, онъ почти овладѣлъ лабораторіею, наконецъ поселился въ самомъ зданіи ея, и во всѣ свободные часы производилъ опыты. Они раждали въ немъ новыя мысли, новыя идеи, и Химія, Металлургія являлись у него не въ однихъ плавильныхъ горшкахъ, но и въ диссертаціяхъ, сильныхъ взглядомъ, опытностью, и блестящихъ изложеніемъ. Въ первый разъ наука говорила въ Россіи такимъ языкомъ.

Среди этихъ занятій, не поглощавшихъ всей дѣятельности Ломоносова, прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда зимою получилъ онъ ударъ, растерзавшій его сердце.

Рыбаки, взявшіе на себя развѣдать объ отцѣ его, явились, и послѣ множества поклоновъ, вздоховъ, предувѣдомленій, сказали, что Василья Ломоносова нѣтъ на свѣтѣ.

Ломоносовъ упалъ на стулъ и закрылъ лицо руками. Нѣсколько минутъ оставался онъ въ такомъ положеніи и наконецъ спросилъ у своихъ земляковъ, какъ удостовѣрились они въ этомъ несчастіи.

Въ простыхъ словахъ, но съ непритворнымъ участіемъ разсказали они ему, что осенью, отправившись въ море, на рыбный промыселъ, они подплыли къ тому пустынному острову, который описалъ онъ имъ такъ подробно. Долго не находили ничего; наконецъ, въ углубленіи одного залива, на берегу, нашли тѣло Ва-

силья Ломоносова, поплакали надъ прахомъ стараго пріятеля, и съ теплою молитвою зарыли его въ землю. Тутъ-же отыскали они большой камень, и положили его на могилу. Какимъ образомъ погибъ Василій Ломоносовъ? Гдѣ аршель его? Неизвѣстно. Вѣроятно, что корабль разбило, и всѣ бывшіе на немъ потонули. Только прахъ хозяина ихъ сохранился, какъ-бы въ оправданіе чуднаго, пророческаго сновидѣнія сына его.

Ломоносовъ не распрашивалъ болѣе. Онъ далъ еще денегъ своимъ землякамъ, и велѣлъ имъ помнить, что отецъ его былъ добрый человѣкъ. Онъ зналъ, что послѣ него осталось нѣкоторое имѣніе, но не могъ и думать о немъ, предоставляя своей злой мачихѣ прожить имъ печальный остатокъ ея дней. Въ такой высокой душѣ, какая оживляла Ломоносова, могли гнѣздиться малѣйшее помышленіе о деньгахъ отца, особенно когда онъ лишился его столько несчастнымъ образомъ? Нѣтъ, это было далеко отъ него, недоступно ему. Иныя мысли тягостили его душу. Не раскаяніе, а тоска, что онъ бѣжалъ въ юности отъ своего родителя, и лишилъ его отрады и утѣшенія, никогда не оставляла Ломоносова. Самою лестною мечтой, которую ласкалъ онъ много лѣтъ въ сердцѣ, было: явиться къ своему отцу въ блескѣ новой своей жизни, въ довольствѣ, въ

почестяхъ (потому что простой умъ не понялъ-бы величія просвѣщенія), и сказать, цѣлуя грубыя руки старика: «Видишь-ли, что я достойный тебя сынъ? . . . Благослови-же меня, и радуй, счастливь, наслаждаясь удобствами, которыя предлагаю тебѣ со всею покорностью добраго сына!»

Но всѣ эти мечты разрушились. Ломоносову не суждено было встрѣтить своего отца на землѣ! Эта мысль о разлукѣ *вѣчной*, убила на нѣсколько времени умъ и способности души его. Онъ не плакалъ, но по цѣлымъ днямъ сидѣлъ или ходилъ опустивъ голову, сложивъ руки, и только иногда восклицалъ:

«Добрый, почтенный отецъ! Я никогда не увижу тебя больше! . . . Никогда. . . .

И слова замирали на губахъ его; онъ опять впадалъ въ свою тяжкую скорбь.

Это несчастное состояніе наконецъ разсвѣвило и товарищей его. Они давно замѣчали въ немъ грусть, но толковали ее по своему; теперь, узнавши, что сокрушаетъ Ломоносова, они стали приходить къ нему съ утѣшеніями и развлеченіями. Человѣкъ всегда добръ, когда видитъ истинное несчастіе; но онъ бываетъ несносенъ этимъ самымъ чувствомъ доброты, когда оно выходитъ на свѣтъ пустыми фразами. Ломоносовъ былъ готовъ бѣжать отъ своихъ утѣшителей! Гораздо умнѣе поступали

тѣ изъ нихъ, которые приходили къ своему собрату потолковать о какомъ нибудь новомъ открытіи въ Химіи или Физикѣ, о новомъ опытѣ въ раскрытіи тайнъ природы. Онъ невольно обращалъ на это вниманіе, начиналъ разговаривать и на минуту забывалъ свое горе.

Наконецъ сила души его побѣдила это тяжелое состояніе. Надолго, навсегда осталась въ сердцѣ скорбь о погибшемъ отцѣ, но ея уже не замѣчали другіе. *Чудовище привычка!* говоритъ сердцевѣдецъ Шекспиръ. Да, ужасна мысль, что можно привыкнуть къ самому, при первомъ взглядѣ неприблизимому для человѣка положенію! И природа дѣлаетъ это какъ коварный врагъ, постепенностью, временемъ. Но чѣмъ глубже чувствуетъ сердце, тѣмъ трудпѣй владѣльцу его свыкаться съ тяжкимъ для него состояніемъ.

Уральская Областная Библіотека

Глава III.

Ломоносовъ не любилъ элегій ни въ жизни, ни въ стихахъ. Но во многихъ стихотвореніяхъ его видно чувство борьбы съ жизнью. Оно-то особенно заставляло его обращаться къ поэзіи божественныхъ пѣвцовъ, этихъ утѣшителей прешедшихъ по землѣ милліоновъ, грустившихъ такъ-же какъ мы, и находившихъ утѣшеніе въ пѣсняхъ Давида, въ мудрыхъ наставленіяхъ Соломона, въ страдальческой жизни философа Іова. Кажется Вольтеръ сказалъ, что въ книгѣ Іова больше поэзіи, нежели во всемъ, что̀ написали и напишутъ пѣвцы бывшіе и будущіе. Едва-ли не справедливо!

Грустныя чувства послѣ смерти отца заставили Ломоносова переложить въ стихи большую часть псалмовъ, которые находимъ въ сочиненіяхъ его; тогда-же, съ особеннымъ вдохновеніемъ написалъ онъ *Оду изъ Іова*. Это перлъ въ немногихъ дошедшихъ до насъ его стихотвореніяхъ!

По чувства его мало по малу успокоивались, яснѣли, и по возвращеніи Императрицы Елисаветы Петровны изъ Москвы, гдѣ короновалась она, Ломоносовъ написалъ оду на ея прибытіе. Послѣ страшныхъ временъ Бирона, послѣ интригъ и неустройствъ въ краткое властвованіе Принцессы Анны Леопольдовны, юная Царица, дочь Великаго Петра, казалась Русскимъ ниспосланною для ихъ блаженства. Удивительно-ли, что Ломоносовъ одушевился восторгомъ и благословеніями народа, написалъ торжественную оду, и хотѣлъ, чтобы она была поднесена Императрицѣ? Тогда громкія оды почитались необходимостью во всей Европѣ, такъ что Буало просилъ наконецъ Людовика XIV *не побѣждать*, увѣряя, что у него, у поэта Буало, не достанетъ ни словъ, ни звуковъ воспѣть всѣ побѣды Великаго Короля. Сверхъ того, Ломоносовъ выучился писать стихи по торжественнымъ одамъ, и спѣшилъ снова показать свое искусство въ нихъ.

Ода написана; черезъ кого поднести ее Императрицѣ? Ломоносовъ перебралъ въ головѣ своей того, другаго, изъ извѣстныхъ ему вельможъ, и наконецъ остановился на Лестокѣ. Да, Лестокъ самый приближенный къ трону придворный; онъ-же такъ милостиво сказалъ Ломоносову нѣсколько словъ.... Къ нему, къ нему!

Поэтъ отправился съ одою въ карманѣ къ Лестоку.

Толпа, обыкновенное украшеніе передней всякаго вельможи, немного озадачила гордаго поэта. Онъ спросилъ у какого-то раззолоченнаго лакея, можно-ли видѣть Его Высокопревосходительство.

—Не принимаетъ!— отвѣчалъ лакей глядя въ окно.

Ломоносовъ задумался. Сердце его кипѣло; но онъ скрѣпился и спросилъ опять, чего-же хочетъ эта толпа?

— Спросите у нихъ! — отвѣчалъ лакей безстыдно.

«Но если не льзя видѣть Его Высокопревосходительство, то по крайней мѣрѣ могу-ли увидѣть Секретаря его?

Лакей смѣрялъ просителя глазами, и какъ-бы удивляясь просподушію его, сказалъ:

—Секретарь не принимаетъ никакихъ просьбъ безъ приказанія Его Высокопревосходительства.

«У меня и нѣтъ никакой *просьбы!*» возразилъ Ломоносовъ. «Мнѣ нужно сказать ему только нѣсколько словъ.

—Такъ подите къ нему, вотъ въ эту дверь: на лѣво въ переньей комнатѣ. Этотъ принимаетъ всѣхъ!—съ неуваженіемъ произнесъ лакей отворачиваясь.

Такія слова въ устахъ лакея — похвала. Ломоносовъ бодрѣй пошелъ въ указанную комнату, отворилъ дверь, и остановился, думая что не туда зашелъ. Онъ увидѣлъ знакомое, драгоцѣнное для него лицо— Селлія! Но онъ еще не вѣрилъ глазамъ своимъ и въ замѣшательствѣ сказалъ:

«Извините.... можетъ быть я ошибаюсь.... Я искалъ Секретаря Его Высокопревосходительства.

— Это я и есть!... Вы удивляетесь? или можетъ быть не узнаете меня, старый знакомый?... Садитесь, садитесь!» продолжалъ Селлій поцѣловавъ Ломоносова и указывая ему стулъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ странно видѣть почти-монаха Селлія Секретаремъ у вельможи! Не правда-ли?...

«Признаюсь!... тѣмъ больше удивляюсь я встрѣчая васъ здѣсь, что въ Александро-Невскомъ монастырѣ мнѣ не умѣли сказать гдѣ вы.

—А вы думали, что такой важный человѣкъ, какъ Секретарь Лестока, долженъ быть извѣстенъ вездѣ?

«Правду сказать, я ничего не подумалъ объ этомъ, и только жалѣлъ, что не могъ отыскать васъ....

— Да, Г. Ломоносовъ!... Много перемѣнъ! много!... Я также пылинка въ этомъ политическомъ вихрѣ!... Самъ смѣюсь этому!

«Но, мнѣ кажется, при новой, благодѣтельной перемѣнѣ въ Россіи, когда люди надобны для всѣхъ частей управленія, вы можете сдѣлать много добра.

Селлій усмѣхнулся и помолчавъ сказалъ: — Ежели это не сепшенція изъ стараго архива мыслей, то вѣрно вы еще худо узнали людей, мой любезный другъ! Я Секретаремъ у Лестока, потому что люблю этого человѣка и былъ пріятелемъ его еще въ то время, какъ онъ былъ простымъ лекаремъ. Но я и остаюсь только пріятелемъ его. Надѣюсь скоро опять переселишься въ свою келью и совершенно посвятишь себя Богу. Вы знаете, что это мое давнее желаніе.

«Но почему-же, позвольте спросить, если это не нескромно съ моей стороны, вы не хотите дѣйствовать на новомъ поприщѣ добра?

— Потому что не могу. Я облегчаю нѣкоторыя прудности въ новыхъ занятіяхъ Лестока, но не могу ничего сдѣлать больше. А между тѣмъ мѣсто, которое занялъ я, есть предметъ зависти для многихъ, и они окружаютъ меня всякими непріятностями. Да и самъ Лестокъ умѣлъ дѣйствовать только тамъ, гдѣ

была нужна рѣшительность, смѣлость, минутная сила духа; но онъ не способенъ отводить удары дворскихъ козней, тянуть проволоку службы, и даже не способенъ прудиться.... Одинъ насмѣшливый умъ его есть уже такая помѣха.... Но полно объ этомъ! Скажите лучше мнѣ, какъ вы провели всѣ эти годы, въ которые мы не видались съ вами?

Не надобно удивляться, что Селлій такъ откровенно заговорилъ съ Ломоносовымъ при первой встрѣчѣ. Если разсмотримъ тайныя струны сердца человѣческаго, то увидимъ, что онъ не могъ говорить иначе *съ нимъ*, съ Ломоносовымъ, но есть съ человѣкомъ, видѣвшимъ его погруженнаго въ ученыя занятія, въ философическія и богословскія изслѣдованія. И вдругъ этотъ философъ и ученый уже кабинетный Секретарь вельможи!... Это ударъ, это униженіе въ нѣкоторомъ смыслѣ!... Можетъ быть краснѣя, хотя и незамѣтно, Селлій спѣшилъ представить Ломоносову свое новое положеніе съ благовидной стороны, то есть какъ печальность, въ которую онъ завлеченъ на время. Въ самомъ дѣлѣ, ни чѣмъ не льзя оправдать преданнаго наукѣ человѣка, если не случайность, а собственная воля переселяетъ его изъ ученаго кабинета за канцелярскія бумаги времещика, или какого-бы то ни было вельможи. Это предательство, и хотя оно встрѣчается

въ наше время можетъ быть чаще, но о немъ никогда не льзя думать безъ негодованія. Чувство это существовало также за сто лѣтъ, и Селлій, можно сказать, уловленный, прилученный явленіемъ молодаго знакомца, которому такъ усердно проповѣдовалъ онъ о преданности къ наукѣ, о высокихъ цѣляхъ, Селлій уже готовъ былъ отречься отъ всѣхъ честолюбивыхъ побужденій, только-бы явиться чистымъ въ глазахъ человѣка, уважаемаго имъ именно за то благородное стремленіе, передъ которымъ самъ онъ являлся предателемъ. Думая, что онъ довольно хорошо оправдалъ себя, старикъ спѣшилъ перемѣнить разговоръ и завелъ рѣчь о путешествіи Ломоносова.

Ломоносовъ разсказывалъ уже извѣстное намъ, отвѣчалъ на вопросы, но разговоръ не вязался. Еще не давая себѣ никакого отчета, онъ чувствовалъ какой-то холодъ въ бесѣдѣ, по видимому искренней. Наконецъ, говоря о своихъ занятіяхъ, онъ упомянулъ объ одѣ, написанной имъ на прибытіе Императрицы изъ Москвы.

— Что-же? представьте ее кому нибудь для поднесенія Императрицѣ, и, можетъ быть, она будетъ имѣть такой-же успѣхъ, какъ ода на взятіе Хотина.

«А какой успѣхъ имѣла та ода?» спросилъ Ломоносовъ? «Я слышалъ отъ Ададурова, что

она была представлена покойной Императрицѣ и принята благосклонно. Больше не знаю ничего.

—А какого-же успѣха желали-бы вы?— возразилъ Селлій. — Но вамъ спало быть не сказывали, что первая ода ваша сдѣлала много шуму въ кругу Императрицы, которая сама раздала ее приближеннымъ своимъ и велѣла имѣть автора въ виду.

«Я не слыхалъ ничего этого, и до сихъ поръ не вижу ни отъ кого *вниманія*. . . .

— Довольно, что объ этомъ говорили, любезный другъ. Это уже высокая награда въ мнѣніи свѣта. . . .

«Который смѣнился другимъ свѣтомъ, и новые люди приняли меня какъ чужеземца! Награда не ободрительная. . . .

—Но мнѣніе, Г. Ломоносовъ! мнѣніе важнѣе всего. Оно предшествуетъ славѣ или. . . .

«Безславію!... О, я столько гордъ, что умѣю быть равнодушнымъ къ вѣтреной извѣстности, которую можно называть и славой, и молвой, и мнѣніемъ. Я хочу только, чтобы Императрица видѣла мои вѣрноподданническія чувствованія. . . .

И Ломоносовъ и Селлій говорили не искренно. Первый чувствовалъ, можетъ быть не ясно, однако чувствовалъ какое-то иное побужденіе,

желая представить Императрицѣ свою оду; другой понималъ это и не хотѣлъ договорить. Наконецъ Ломоносовъ сказалъ, что онъ надѣялся черезъ него и черезъ Лестока поднести Императрицѣ свою оду. Селлій не задумываясь возразилъ:

— Этого я не совѣтую вамъ дѣлать. Зная отношенія при Дворѣ, увѣряю васъ, что Лестокъ не возьмется за такое дѣло, а если-бы и взялся, то худо исполнитъ его, и вы не можете ожидать никакого успѣха. При Дворѣ есть для всего свои стихіи: просвѣщеніе покуда стихія Шуваловыхъ. Къ нимъ должно и относиться.

Самолюбіе Ломоносова оскорбилось.

«Не довольно-ли и того,» сказалъ онъ, «что я приходилъ къ одному вельможѣ? Неужели должно идти и къ другому, вымаливать, чтобы прочли мое маранье?

Селлій почти разсмѣялся, а это было у него большою рѣдкостью.

— Если хотите успѣха, то должно сдѣлать такъ!— сказалъ онъ.— Не всякій разъ можете вы надѣяться, чтобы стихи ваши дошли до Императрицы, какъ ода на взятіе Хотина. То была счастливая случайность.

— Но если и вы очутились здѣсь случайно, если и моя ода имѣла, какъ вы говорите, успѣхъ случайно, то неужели здѣсь всѣмъ

управляетъ случай? Я не вѣрю этому фатализму.... Я готовъ оказаться онъ всѣхъ такъ называемыхъ *успѣховъ*, только-бы остаться въ чувствахъ тѣмъ-же простодушнымъ сыномъ природы, какимъ былъ до сихъ поръ. Я надѣюсь только на себя, на свои собственные труды и заслуги!...

«Но они останутся безвѣстными, какъ-бы ни были велики, если вы не станете сближаться съ тѣми людьми, которые *оцѣняютъ* заслуги и могутъ показать ихъ съ блестящей стороны.

Ломоносовъ былъ готовъ сказать неучтивость; но онъ удержалъ себя и только возразилъ съ притворнымъ униженіемъ:

— Мнѣ-ли мечтать о блескѣ? Довольно, если я могу быть полезенъ въ своемъ маленькомъ кругу дѣйствій.

«Но, любезный другъ! вы, мнѣ кажется, увлекаетесь своимъ чувствомъ, и какъ будто недовольны моими словами.... Повѣрьте опытности моей: не льзя быть и полезнымъ безъ нѣкоторой снисходительности къ людямъ, и слѣдовательно къ ихъ маленькимъ страстямъ и слабостямъ.

— Опытность приходитъ съ лѣтами: ей не льзя научиться изъ наставленій, Г. Селлій. Но я покуда вѣрю, что съ истиннымъ желаніемъ добра, съ прудолюбіемъ и кой-какими познаніями, можно быть полезнымъ, особенно у насъ

въ Россіи, гдѣ ни что и не начато еще! На какомъ угодно поприщѣ ожидаютъ всякаго трудолюбца подвиги, прекрасные и великіе.

«Дай Богъ, чтобы надежды ваши исполнились!» отвѣчалъ Селлій.

— Да, напримѣръ, у насъ въ Академіи. О, я надѣюсь тутъ сдѣлать многое! Вы не можете представить себѣ, сколько труда ожидаетъ Русскихъ ученыхъ! Исторія, Землеописаніе, Хронологія, Археологія, все это не початыя мины! Впрочемъ, вы сами занимались изслѣдованіемъ Русской старины и можете подтвердить слова мои.

«Такъ, такъ!... Но, дай Богъ, чтобы хоть *не мѣшали* вамъ другіе!... Не удивляйтесь словамъ моимъ....

Въ эту минуту два чиновника вошли къ Селлію: одинъ съ кипой бумагъ, другой съ приказаніемъ идти къ Лестоку.

— Приходите ко мнѣ, когда вамъ будетъ свободно—сказалъ Селлій.—Сегодня вы видѣли меня въ канцеляріи, и разговоръ нашъ отзывался мѣстностью. Приходите ко мнѣ въ квартиру, по вечерамъ.... нашъ разговоръ будетъ намъ ближе къ сердцу.... До свиданія!... Онъ пожалъ руку Ломоносова и они разстались.

Съ недовольствомъ, почти съ отчаяніемъ въ душѣ удалялся Ломоносовъ изъ дому Лестока.

Можетъ быть ни что не бываетъ такъ прискорбно для благородной, возвышенной души, какъ видѣть нравственное паденіе человѣка. Это больше нежели измѣна обожаемой любовницы, при самомъ сильномъ разгарѣ страсти, и можетъ быть больше нежели смерть друга, самаго драгоцѣннаго. Въ обоихъ изъ этихъ случаевъ есть что-то вещественное, земное. Напротивъ, падшій съ высоты стремленія къ добру на обыкновенный, ничтожный путь жизни, есть оскорбитель достоинства человѣка, и въ самомъ себѣ онъ оскорбляетъ все человѣчество, или, еще больше, все, что̀ есть благороднаго въ немъ.

Можетъ быть, Ломоносовъ думалъ несправедливо; но онъ имѣлъ право на это, потому что наружность казалась жестоко обвинительною для Селлія. Какъ промѣнять келью мудреца на кабинетъ вельможи, съ которымъ, по собственному признанію его, не льзя было сдѣлать никакого добра? Къ чему-же это стремленіе, это мученичество для обладанія далекою цѣлью, если ее можно забыть для первой обаятельной встрѣчи?

Такъ *юношески* разсуждалъ Ломоносовъ, и — подивившись странности противорѣчій въ человѣкѣ! — рѣшился доставить свою оду Шувалову! Да, самъ возставая противъ угожденія вельможамъ, онъ отсылалъ произведеніе своего духа

къ значительнѣйшему изъ нихъ и слѣдовательно слушался Селлія. Онъ запечаталъ свою оду въ пакетъ, вмѣстѣ съ учтивымъ письмомъ къ Петру Ивановичу Шувалову, и просилъ его обратить воззрѣніе Императрицы на слабый трудъ усерднаго поэта.

Глава IV.

Прошло нѣсколько дней. Ломоносовъ простодушно ждалъ отвѣта отъ Шувалова, впрочемъ не переставая заниматься науками и своею должностью. Иногда невольно спрашивалъ онъ у себя: должно-ли было отсылать оду къ Шувалову? и оправдывалъ поступокъ свой тѣмъ, что желалъ только Всемилостивѣйшаго возрѣнія. Ему не приходило въ мысль спросить себя: прилично-ли было это въ настоящихъ отношеніяхъ его, то есть не могло-ли это повредить ему въ глазахъ сильнаго человѣка? Нѣтъ, такіе разсчеты не касались души Ломоносова. Онъ только желалъ оправдывать себя передъ самимъ собою, какъ передъ человѣкомъ.

Между тѣмъ первыя встрѣчи въ Академіи не радовали его. Приходя въ засѣданія, уже какъ принадлежащій къ Академіи и членъ ея, онъ видѣлъ, что дѣла идутъ очень тихо. Академики и Профессоры исполняли свою должность, но не ревновали дѣлать больше, не увлекались

пылкими стремленіями за границы начертаннаго имъ круга. Это были, по большей части, люди хорошіе, и нѣкоторые изъ нихъ даже отличались рѣдкими познаніями и превосходнымъ умомъ; но они были какъ-то спокойны на своихъ мѣстахъ, и какъ будто чужды Россіи.... Это сердило пылкаго Ломоносова, у котораго каждое желаніе превращалось въ страсть, и надъ всѣми другими желаніями господствовало одно, непстребимое никакими препятствіями: обнять умомъ и наукой цѣлый міръ, для драгоцѣннаго отечества, и освѣтить лучами просвѣщенія всѣ темные углы его, которыхъ было еще такъ много. Онъ желалъ-бы предложить своимъ товарищамъ заняться Русскимъ языкомъ; но они почти всѣ были Нѣмцы, и, сверхъ того, это уже не входило въ *кругъ ихъ обязанностей*. Онъ видѣлъ недостаточность пособій ученыхъ, потому что въ Академіи не было ни хорошихъ физическихъ, ни астрономическихъ инструментовъ, ни достаточнаго числа книгъ, ни даже снарядовъ для милыхъ его химическихъ опытовъ; онъ видѣлъ это и говорилъ, но ему отвѣчали, что Академія не имѣетъ средствъ на пріобрѣтеніе чего-либо. Онъ предлагалъ имъ сходиться иногда не по должности, а для сообщенія другъ другу ученыхъ наблюденій; но не каждый былъ такъ всеобъемлющъ какъ Ломоносовъ, котораго занимали и Химія

и Поэзія, и Металлургія и Словесность, и Физика и Краснорѣчіе, Древности Греціи, Рима и Россіи, Исторія и Искуства. Сверхъ того, многіе отзывались, что занятія, должность поглощаютъ у нихъ все время. Ломоносовъ обращался иногда къ Президенту, и тотъ, соглашаясь съ каждымъ его предложеніемъ, обыкновенно откладывалъ все до времени, ссылаясь на свои недосуги, на свои многочисленныя занятія; онъ не прибавлялъ шагу ни въ чемъ, *сберегая время,* которымъ дорожилъ Богъ знаетъ для чего. «Надобно дорожить каждой минутой!» говаривалъ онъ и спѣшилъ оставить Академію. «Это отыметъ слишкомъ много времени!» восклицалъ иногда онъ, посреди самыхъ любопытныхъ сужденій, закрывалъ засѣданіе, обѣщая подумать, посудить, и дѣла оставались безъ движенія.

Но Ломоносовъ не уставалъ быть дѣятельнымъ, потому что живость, пылкость во всѣхъ дѣлахъ составляла его жизнь. Видя какое нибудь неустройство, какой нибудь недостатокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность поправить ихъ, онъ тотчасъ предлагалъ свое искреннее мнѣніе. Сначала его оспоривали, но, видя что это заводитъ иногда въ жаркія пренія, изобрѣли вѣрнѣйшее средство укрощать неумѣстный жаръ сослуживца: обѣщали сообразить, подумать, и всего чаще просто молчали.

Можно представить себѣ, какое дѣйствіе производила на него эта тяжелая медлительность.

Однажды былъ онъ въ самомъ невесломъ расположеніи отъ разныхъ своихъ неудачъ, когда къ нему явился курьеръ отъ П. И. Шувалова, съ просьбой явиться къ Его Превосходительству. Ломоносовъ немножко встревожился, и уже досадуя, что можетъ быть накликалъ на себя непріятность, явился къ П. И. Шувалову.

Въ богатомъ кабинетѣ своемъ встрѣтилъ его этотъ вельможа, и съ первыхъ словъ его исчезли всѣ опасенія Ломоносова, потому что онъ услышалъ похвалы и даже благоволеніе за свою оду.

«Дарованіе ваше, Г. Ломоносовъ, дѣлаетъ честь Россіи,» сказалъ П. И. Шуваловъ. «Продолжайте такъ-же хорошо какъ вы начали свое поприще, и я увѣряю васъ, что мы не будемъ завидовать иностранцамъ.

—Ваше Превосходительство! я не имѣю такихъ честолюбивыхъ надеждъ. Все желаніе мое было: выразить восторгъ души Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей....

«И вы исполнили это какъ не льзя лучше. Я имѣлъ счастіе представить оду вашу Государынѣ: она благоволила удостоить ее благосклоннаго воззрѣнія. Передаю вамъ это, какъ драгоцѣннѣйшую награду для вѣрноподданнаго.

— Я не могу и выразить своего счастія....

«Да.... Но вы занимаетесь не однимъ стихотворствомъ!... Я помню вашу пробную лекцію. Какъ идутъ ученыя ваши занятія въ Академіи?

— Я дѣлаю что могу, Ваше Превосходительство....

Ломоносовъ хотѣлъ было воспользоваться этимъ случаемъ, и передать Шувалову жалобы души своей; но, при всей своей неопытности, онъ сообразилъ, что не прилично, при первомъ сближеніи съ знатнымъ человѣкомъ, явиться у него жалобщикомъ. Онъ смолчалъ и задушилъ внутреннюю борьбу свою.

«Вы Профессоръ Химіи?

— Адъюнктъ, В. П.

«Но вы можете надѣяться всего, при вашихъ дарованіяхъ, при вашей учености....

Ломоносовъ кланялся.

«Да, у меня есть еще къ вамъ просьба!» сказалъ Шуваловъ улыбаясь, съ тою благосклонностью, которая обыкновенно бываетъ при такихъ случаяхъ на успѣхахъ вельможъ.

— Ваше Превосходительство можете приказывать.

«Нѣтъ, я только прошу васъ, и узнавши предметъ, вы вѣрно сами воспламенитесь должнымъ восторгомъ. Скоро торжественный день рож-

денія Его Высочества Петра Ѳеодоровича, недавно прибывшаго изъ Голштиніи. . . . Неужели этотъ день останется безъ отзыва со стороны любимца Музъ? . . .

—Отвѣтомъ моимъ на это будетъ посильный трудъ, и мнѣ остается только благодарить Ваше Превосходительство за милостивое воспоминаніе, и за новый случай для меня изъявить свою вѣрноподданническую ревность.

«Да, я прошу васъ, Г. Ломоносовъ, доставить мнѣ вашъ трудъ, который вѣрно уже теперь на половину готовъ въ піитической головѣ вашей. Я увѣренъ, что онъ еще больше подтвердитъ выгодное мнѣніе о вашемъ дарованіи. Когда надѣетесь вы доставить мнѣ его?

— Завтра-же, В. П.

«Прекрасно! . . . А, кстати. . . .

Въ эту самую минуту вошелъ въ кабинетъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, тотъ самый Пажъ, который восхищался лекціею Ломоносова.

— Рекомендую тебѣ, братецъ, Г-на Ломоносова! Ты давно желалъ познакомиться съ нимъ! — сказалъ П. И. Шуваловъ.

Молодой Пажъ подошелъ къ Ломоносову и съ самою пріятною скромностью сказалъ:

«Я почитаю особеннымъ счастіемъ знакомство съ необыкновеннымъ человѣкомъ; а вы, Г. Ломоносовъ, не принадлежите къ разряду людей

обыкновенныхъ! Я удивляюсь вамъ во всемъ: въ вашей жизни, въ вашихъ стихахъ и занятіяхъ.

Это привѣтствіе юноши, котораго природа одарила самою привлекательною наружностью, милымъ выраженіемъ лица, и скромностью, рѣдкимъ украшеніемъ свѣтскаго обращенія, это привѣтствіе отозвалось въ сердцѣ Ломоносова.

Онъ не зналъ, что̀ отвѣчать, но повинуясь сердцу, лучшему путеводителю въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно играетъ первую роль, промолвилъ:

— Я принимаю ваши слова не иначе, какъ ободреніемъ къ будущимъ трудамъ моимъ. Чувствую, что нынѣшній день есть начало новой эпохи въ моей жизни.

П. И. Шуваловъ съ улыбкой смотрѣлъ на это объясненіе двухъ человѣкъ, понимавшихъ другъ друга съ первой встрѣчи. Онъ сказалъ обращаясь къ нимъ обоимъ:

— Ну, я радъ, что вы сошлись у меня, господа! Рекомендую и вамъ, Г. Ломоносовъ, моего Ванюшу, большаго любителя наукъ. Приходите къ нему иногда побесѣдовать. Если завтра вы не застанете меня дома, отдайте стихотвореніе ваше ему.

«Стихотвореніе? новое стихотвореніе Г-на Ломоносова?» спрашивалъ съ удовольствіемъ молодой человѣкъ.

—Да, да! И которое вѣрно будетъ достойно своего сочинителя? Не правда-ли, Г. Ломоносовъ?

«Не знаю, В. П.» отвѣчалъ Ломоносовъ улыбаясь. «По крайней мѣрѣ отвѣчаю вамъ за свое усердіе.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько глубокихъ поклоновъ, и, поручая себя благосклонности обоихъ Шуваловыхъ, вышелъ, провожаемый ихъ учтивостями. Юноша смотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ будто жалѣя, что такъ мало видѣлъ человѣка, столько занимательнаго для него.

Возвратившись домой, Ломоносовъ тотчасъ сочинилъ планъ оды, расписалъ станціи для своего восторга (такъ приказывала Пиитика!) и въ тотъ-же вечеръ кончилъ свое стихотвореніе. На другой день, рано утромъ, онъ пересмотрѣлъ его, выправилъ еще разъ, и съ сожалѣніемъ, что не можетъ послѣдовать правилу Горація, спѣшилъ исполнить приказаніе Шувалова и доставить оду поскорѣе. Онъ не засталъ Петра Ивановича самого.... по крайней мѣрѣ ему сказали въ передней, что Г. Камергеръ уже выѣхалъ изъ дому. Впрочемъ, это не было потерей для нашего поэта: онъ пошелъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, который принялъ его какъ другъ и какъ человѣкъ выше лѣтъ своихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ знаменитый въ Исторіи Русскаго просвѣщенія человѣкъ отличался необыкновенною зрѣлостію ума въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ. Онъ былъ родственникъ — кажется племянникъ—Петра и Александра Ивановичей Шуваловыхъ, но не имѣлъ почти никакого состоянія, хотя отецъ его, воинъ Петровыхъ временъ, служилъ съ отличіемъ и даже на виду у великаго преобразителя Россіи. Когда Шуваловы оказали важныя услуги при восшествіи на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны, и сдѣлались могущими людьми, они взяли своего родственника ко Двору, гдѣ онъ вскорѣ былъ сдѣланъ Пажемъ и Камеръ-Пажемъ, потому что столь ободренія, если-бы и не имѣлъ сильнаго покровительства. Онъ прежде учился въ Москвѣ, и, что̀ замѣчательно, у одного учителя съ славнымъ Суворовымъ. Поселившись въ Петербургѣ, онъ жилъ у Петра Ивановича Шувалова и продолжалъ учиться, уже гораздо основательнѣе, потому что имѣлъ для этого больше средствъ. Но главнымъ пособіемъ въ ученьѣ была собственная его воля. Онъ жаждалъ познаній и старался сближаться съ людьми, отъ которыхъ могъ пріобрѣсти ихъ. Въ юныхъ лѣтахъ онъ уже любилъ просвѣщеніе; это была главная, господствующая страсть его. Удивительно-ли, что видя въ Ломоносовѣ человѣка рѣд-

каго умомъ и ученостью, онъ хотѣлъ сблизиться съ нимъ, и въ пятнадцать лѣтъ понималъ его, можетъ быть, лучше нежели всѣ другіе современники?

Они прочли оду вмѣстѣ. Образованный умъ Шувалова удивлялся красотамъ стихотворства, неслыханнаго на Руси, потому что извѣстно *каково* писали *прежде* и даже во время Ломоносова! Это было поводомъ къ разговору о языкѣ, о стихосложеніи Русскомъ, объ открытіяхъ, сдѣланныхъ въ немъ Ломоносовымъ, наконецъ о Нѣмецкомъ стихотворствѣ, которое подало ему поводъ къ тому, о житьѣ нашего поэта за границей, и такъ дальше. Если-бы давно не настало время разстаться двумъ новымъ знакомцамъ, они проговорили-бы цѣлый день. Прощаясь съ Ломоносовымъ, Шуваловъ дружески пожималъ его руку, и просилъ вѣрить, что онъ всегда будетъ радъ и даже счастливъ побесѣдовать съ такимъ человѣкомъ, отъ котораго можетъ многаго ожидать Россія. Ломоносовъ чувствовалъ, что эти слова не были только учтивостью. Онъ благодарилъ съ обыкновеннымъ своимъ прямодушіемъ, безъ чванства и ханжества, что̀ еще больше понравилось Шувалову. Оба они были восхищены другъ другомъ.

«Надобно-же оправдать вниманіе этихъ почтенныхъ людей, тѣмъ больше, что сама Им-

пераприца обращаетъ милостивый взоръ на мои труды!» Такъ думалъ возвратившись домой нашъ поэтъ. «Да, я кажется нашелъ теперь, кто составляетъ истинный цвѣтъ общества: это люди знатные и богатые. Очень естественно! Имъ нѣтъ надобности работать изъ куска хлѣба, какъ нашей братьѣ ученымъ, которые сверхъ того стѣснены всякими отношеніями и живутъ вѣчно въ зависимости отъ кого нибудь. Должно признаться и въ томъ, что обращая свой умъ на одинъ какой нибудь предметъ, человѣкъ ученый дѣлается односторонень, себялюбивъ, странень. Онъ только и хорошъ въ своемъ углу. Напротивъ человѣкъ знатный, свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, потому что ему остается желать не многаго, можетъ вполнѣ удовлетворять своимъ благороднымъ страстямъ. Таковы Шуваловы! Они надѣются многаго отъ меня, а я надѣюсь еще больше отъ нихъ.»

Нѣтъ надобности пояснять, ошибался-ли Ломоносовъ думая такъ высоко о людяхъ знатныхъ; но какъ-бы то ни было, а онъ хотѣлъ отличить себя передъ ними, оправдать доброе ихъ мнѣніе, и чѣмъ-же? трудами! «Надобно показать имъ, что они не ошибаются во мнѣ!» говорилъ онъ и съ новымъ усердіемъ принимался за свои ученыя занятія, за свои многочисленные труды и сочиненія.

Онъ написалъ нѣсколько разсужденій о разныхъ предметахъ Натуральной Исторіи и Химіи, представилъ ихъ въ Академію, и самъ читалъ передъ своими сочленами тѣ изъ нихъ, которыя были писаны по-Латини. Его хвалили, ободряли къ дальнѣйшимъ трудамъ; Бревернъ обѣщалъ позаботиться о немъ; но когда Ломоносовъ относился къ нему или къ Академикамъ съ разными предложеніями и требованіями, его встрѣчало равнодушіе. Мы уже видѣли, что требованія Ломоносова были безчисленны; онъ хотѣлъ вдругъ обнять все, преобразить все, а обыкновенная лѣность ума человѣческаго не любитъ этого, и она-то встрѣчала съ убійственною холодностью пылкіе его планы.

«Почтеннѣйшіе господа!» сказалъ однажды Ломоносовъ. «Вы ободряете мои труды, стараетесь поощрить къ новымъ, и я премного благодаренъ вамъ за то; однако зачѣмъ-же обрѣзывать крылья у моей ревности къ Наукѣ? Зачѣмъ не даешь новыхъ средствъ, о которыхъ прошу васъ?

Это смѣлое воззваніе сначала изумило всѣхъ Гг. засѣдавшихъ съ нимъ. Наконецъ они стали мало по малу опускать возраженія, которыя всѣ ограничивались тѣмъ, что надобно повременить, подождать благопріятныхъ обстоятельствъ, что лучше *спѣшить медленно,* слушаясь мудреца-поэта, и что они-бы рады рвать

звѣзды съ неба, да руки не достаютъ. Такія пошлости совершенно разсердили Ломоносова, и онъ, гнѣвно улыбаясь, сказалъ:

«Господа! Когда я пришелъ въ Москву, въ нагольномъ тулупѣ, и не имѣлъ куска хлѣба, мнѣ точно то-же говорилъ одинъ добрый мужичекъ; только его философія облекалась не такими запѣйливыми фразами. Онъ не умѣлъ сказать мнѣ по-Латини: festina lente, но говорилъ то-же по-Русски, и былъ въ правѣ хорохориться надо мной, потому что я по его милости не умеръ съ голоду; однако я доказалъ ему собственнымъ примѣромъ, что можно побороть многое силой воли, трудолюбіемъ, неутомимостью въ достиженіи къ предположенной цѣли. Если-бы, напротивъ, я послушался его, то остался-бы Холмогорскимъ рыбакомъ. Неужели вы также хотите оставить Академію въ неподвижномъ состояніи?

Нѣмцы вполовину поняли его, сколько отъ того что онъ говорилъ по-Русски, а еще больше отъ непривычки слышать такія мысли. Только одинъ изъ нихъ сказалъ: «Das iſt nicht akademiſch (это не по-Академически),» а другой взялъ лежавшій на столѣ Словарь Памвы Берынды и началъ искать слова: *хорохориться*, тихонько повторяя: *коро-корокориться*. Но молчаніе было главнымъ отвѣтомъ на выходку Ло-

моносова, и только въ сердца сочленовъ его запало непріятное чувство.

Онъ началъ объяснять имъ подробнѣе свои предположенія, но не могъ извлечь воды изъ камня, и превратить въ кровь воду, которая, можетъ быть, у многихъ изъ нихъ текла въ жилахъ. Презрительная улыбка была отвѣтомъ на всѣ его воззванія. Даже тѣ, которые не хотѣли ссориться съ нимъ, дали ему замѣтить, что они знаютъ не хуже его что̀ должно и чего не должно имъ дѣлать.

Но въ человѣкѣ сильнаго ума есть какая-то неприступность, которая служитъ для него волшебнымъ кругомъ и удерживаетъ нападенія людей обыкновенныхъ. Такъ и эта маленькая сцена не имѣла никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что на Ломоносова стали смотрѣть непріязненно многіе изъ его сочленовъ. Они знали однакожъ, что къ нему благосклонны нѣкоторые изъ знатнѣйшихъ людей: это служило новой защитой ему, и даже безъ его вѣдома. Сверхъ того, всѣ они, больше или меньше, отдавали справедливость уму и познаніямъ упрямаго собрата, а особенно люди отличные изъ Академиковъ и Адъюнктовъ, всегда вѣрные цѣнители дарованій.

Онъ, съ своей стороны, былъ *принужденъ* слѣдовать ихъ совѣту и ждать обстоятельствъ больше благопріятныхъ. Надежда на помощь

знанныхъ людей также сдѣлалась мечтою его. Но все это не могло-бы успокоить ума и тревожной души молодаго, пылкаго ученаго, если-бы занятія, сами занятія науками не были отрадою, услажденіемъ его въ настоящихъ обстоятельствахъ, такъ-же какъ и во всѣхъ прежнихъ. Работая въ лабораторіи, производя физическіе опыты, углубляясь въ изученіе древнихъ писателей, наставниковъ человѣчества, онъ забывалъ всѣ волненія, всѣ бури и тревоги жизни. Тутъ чёлнъ его былъ въ надежной пристани, и потому-то, можетъ быть, онъ переложилъ и въ стихи и въ прозу знаменитыя слова Цицерона: «Науки питаютъ юношу, даютъ отраду старцу, утѣшаютъ въ несчастіи, бываютъ прекрасны вездѣ: и въ уединеніи и въ шумѣ свѣта, и въ деревнѣ и въ городѣ.» Ломоносовъ чувствовалъ все это вполнѣ, потому что былъ истинный мученикъ науки, узнавшій всю сладость и горечь ея.

Въ Академіи приготовлялось большое празднество, въ честь дня коронованія Императрицы. Ожидали, что она сама осчастливитъ своимъ присутствіемъ собраніе Академіи, и хотѣли показать ей новое и первое ученое заведеніе въ Россіи со всею пышностью и торжественностью. Академики писали рѣчи, гимназисты готовились пѣть кантату, а Ломоносову было поручено перевести съ Нѣмецкаго

стихи, написанные Членомъ Академіи, Надворнымъ Камернымъ Совѣтникомъ, Интендантомъ Соляныхъ дѣлъ, Готлибомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Юнкеромъ. Стихи эти: *Вѣнчанная Надежда Россійскія Имперіи,* были напечатаны вмѣстѣ съ переводомъ Ломоносова. Въ день торжества, Императрица въ самомъ дѣлѣ пріѣхала въ Академію, слушала рѣчи Лашинскія, отчетъ Академіи, и наконецъ приняла стихи Юнкера, поднесенные Президентомъ. Перевернувъ листокъ, она увидѣла Русскій переводъ и подпись: *Съ Нѣмецкихъ Россійскими стихами перевелъ Михайло Ломоносовъ, Академіи Наукъ Адъюнктъ.* Хотя стихи эти довольно длинны, однако Императрица просмотрѣла ихъ, и обратившись къ бывшему вблизи отъ нея П. И. Шувалову, сказала:

«Это твой?... Мастеръ своего дѣла! Скажи ему спасибо отъ меня.... Да не забудь и Автора.

Мы уже знаемъ, что П. И. Шуваловъ поднесилъ Императрицѣ стихи Ломоносова на коронацію ея. Имя его осталось у нея въ памяти; она была въ пріятномъ расположеніи, и потому очень естественна лаконическая похвала ея Ломоносову, сказанная въ Академіи. Но немногія слова ея, тотчасъ переданныя поэту, совершенно осчастливили его. Когда, послѣ отъѣзда Императрицы, въ залахъ Академіи

былъ накрытъ столъ и началось пиршество; когда вино поразогрѣло умы и сердца; когда стали осушать заздравные кубки и начались обниманія, цѣлованье, тогда и Ломоносовъ, забывая все прежнее, и также обнимая сочленовъ своихъ какъ братьевъ, просилъ забыть, если онъ чѣмъ нибудь огорчалъ ихъ. Они то-же были готовы плакать, и примиреніе казалось совершеннымъ.

Было-ли это въ самомъ дѣлѣ примиреніемъ, увидимъ дальше; но Ломоносовъ отъ чистаго сердца забылъ всѣ досады на сочленовъ своихъ и началъ обходиться съ ними искренно. Какъ-бы пользуясь этимъ добрымъ расположеніемъ, нѣкоторые изъ нихъ обращались къ нему съ просьбами разрѣшить разные ихъ вопросы, о состояніи того и другаго въ Россіи. Онъ, какъ просвѣщенный Рускій, могъ сдѣлать это легко, и съ готовностію объяснялъ имъ все, что только могъ.

Одинъ изъ ученыхъ собратовъ его, почтенный человѣкъ въ пудреномъ парикѣ, сказалъ однажды ему, что онъ рѣшился издать книгу о Русской Литературѣ, и уже началъ собирать для этого *матеріялы*. Это объявилъ онъ ему за тайну, въ Академіи, и прибавилъ: «Приходите ко мнѣ сегодня, побесѣдовать о *моемъ* предметѣ.»

Ломоносовъ удивился. Онъ зналъ, что этотъ человѣкъ, сбирающійся писать о Русской Литтературѣ, не знаетъ трехъ словъ по-Русски. Однако онъ пришелъ по его приглашенію. Профессоръ былъ очень радъ, подчивалъ своего гостя трубкою, пивомъ, и наконецъ вынулъ бумажку съ разными вопросами (разговоръ и вопросы были на Нѣмецкомъ). Угодно-ли знать что̀ это были за вопросы? Вотъ образчикъ нѣкоторыхъ.

«Какъ называется по-Русски *Литтература?*

«Кто писалъ по-Русски Исторію Литтературы?

«Гдѣ и какія есть книги въ пособіе для этого?

«Однимъ-ли языкомъ писали древніе Руссы и нынѣшніе Рускіе?

Ломоносовъ едва не расхохотался, выслушавши десятокъ такихъ вопросовъ, которые ясно показали, что Г. Историкъ долженъ начинать съ азбуки того предмета, для котораго онъ уже *сбиралъ матеріялы.* Но удержавши свою веселость, Ломоносовъ сказалъ:

— Любезный другъ! Я готовъ отвѣчать на всѣ эти вопросы; но совѣтовалъ-бы вамъ собрать побольше *матеріяловъ. . . .*

«О чемъ-же я и хлопочу, почтенный другъ?» сказалъ съ удовольствіемъ Нѣмецкій ученый.

«Планъ у меня уже готовъ, система давно составлена: остается только вставлять имена и числа!... Я очень радъ, что мы сошлись съ вами въ мнѣніяхъ! очень радъ!

— Но какъ-же вы составили систему, не имѣя еще никакихъ.... свѣдѣній о предметѣ?

«Свѣдѣній? Но развѣ вы не знаете, любезный другъ, что свѣдѣнія уже дѣло второстепенное; главное система. Надъ нею-то я трудился полтора года, и можетъ быть просижу еще два, и все-таки не отвѣчаю, что она будетъ довершена. Но позвольте продолжать нашъ разговоръ методически. Мы начали вопросами, которые, по благосклонности, вы обѣщались рѣшить мнѣ....

— Извольте; но я лучше напишу на этой-же бумажкѣ и отвѣты....

«Э, ни, ни!» сказалъ Профессоръ, отдергивая свою драгоцѣнную бумажку. «Тутъ все занято!... для всего свое мѣсто.

—Но, кажется, еще остается его довольно!...

«Помилуйте: это все въ графахъ; это для отмѣтокъ.... Вотъ»— продолжалъ онъ, вынимая сложенную вдвое четвертку бумаги—вотъ, здѣсь, подъ буквой В., должны быть пространные отвѣты, потому что я буду просить васъ отвѣчать пространнѣе. Напримѣръ: «Какъ называется по-Русски Литература?

— Да такъ-же и называется: Литтература. Иные говорятъ: Словесность.

«А! *Зловесность*. . . .» писалъ Нѣмецъ, выговаривая это по своему.

Ломоносовъ хотѣлъ было поправлять его, но увидѣлъ, что это завлечетъ далеко, и потому спѣшилъ отдѣлаться какъ нибудь отъ своего друга. Тотъ тщательно записывалъ все, что̀ говорилъ ему Ломоносовъ наобумъ, и отчасти иронически, зная, что изъ этого не выйдетъ ничего, и слѣдовательно все равно, какъ ни отвѣчать.

Но ему хотѣлось послѣ этого испытать своего друга не со стороны ума, а со стороны души, и онъ завелъ рѣчь, какъ хорошо было-бы сдѣлать разныя улучшенія въ Академіи, распространить кругъ дѣятельности ея, и воспользоваться благопріятными обстоятельствами для истиннаго добра.

«Императрица благосклонно ободряетъ наши труды; вельможи ея, просвѣщенные, мудрые, готовы на все благое,» прибавилъ Ломоносовъ.

—Да, да! — отвѣчалъ Профессоръ.— Но, любезный другъ! трудно! . . .

«Что̀-же можно сдѣлать безъ труда?. . . А я не вижу невозможности. Надобно только дѣйствовать прямодушно, откровенно, смѣло.

—Смѣло! Но какъ покажется это инымъ. . . .

«Кому инымъ? Вельможамъ или нашимъ товарищамъ?

— Да тѣмъ и тѣмъ. . . .

«Хорошее должно показаться хорошимъ. А если-бы и случилось что нибудь затруднительное, то мы посвятили себя наукѣ и должны не щадить для нея ничего.

— Такъ! однакожь, лучше пользоваться тѣмъ что есть. Тише ѣдешь дальше будешь. Можно быть полезнымъ и въ маленькомъ своемъ кругѣ.

«Но у насъ руки связаны! . . . Мы удаляемся отъ цѣли. . . .

Профессоръ готовъ былъ заткнуть себѣ уши.

«Право, Г. Ломоносовъ!» сказалъ онъ: «надобно подумать о томъ, какъ-бы потихоньку прожить свой вѣкъ.

—Любезный Профессоръ! объ этомъ думаетъ уже столько людей, что надобно иногда дѣлать что нибудь другое. Надобно жертвовать собой для того дѣла, которому посвятили мы себя.

«Да, да! Однакожь. . . . довольно если удастся сдѣлать хоть что нибудь. Слава Богу и за то!

Ломоносовъ замолчалъ и вскорѣ ушелъ отъ этого любезнаго друга Профессора.

«Вотъ люди! . .» думалъ онъ возвращаясь домой. «Можно-ли предпринять съ ними что нибудь огромное, великое! Къ чему служатъ

этимъ ученымъ ихъ знанія, если они всего больше дорожатъ своею бѣдною, ничтожною жизнью, своимъ жалкимъ спокойствіемъ, и сверхъ того кидаются въ пустяки! Этотъ историкъ Русской Литературы можетъ привести въ отчаяніе всякаго, кто любитъ считать свои дни только успѣхами, пользою. Въ самомъ дѣлѣ: стоитъ-ли влачиться по землѣ восемьдесятъ лѣтъ, для того, чтобы постоянно выкуривать трубку и выпивать кружку пива, да цѣлый вѣкъ дѣлать пустыя замѣтки по системѣ?... А они почти всѣ такови, исключая ....

Тупъ Ломоносовъ назвалъ въ головѣ своей нѣсколько человѣкъ изъ своихъ товарищей; но и они были не всѣ надежны. Одинъ былъ слабъ, уязвимъ съ одной стороны, другой съ иной. Такія размышленія всегда наводили на него мрачную тоску, и онъ спѣшилъ снова углубить свой умъ въ науки, потому что съ ними чувствовалъ себя лучше, былъ счастливымъ владѣльцемъ въ своемъ царствѣ.

Глава V.

Уже около двухъ лѣтъ Ломоносовъ жилъ въ Петербургѣ, и еще никому не сказывалъ, что онъ женатъ. Нѣжныя сердца могутъ обвинять его, что онъ *забылъ* свою бѣдную жену, оставленную съ маленькимъ ребенкомъ и почти безъ куска хлѣба. Да, это было-бы ужасно, если-бы было такъ. Напротивъ, Ломоносовъ каждый день вспоминалъ о своей вѣрной подругѣ и своей милой дочери; но что могъ онъ сдѣлать для нихъ? Ужасный недостатокъ угнеталъ его почти во весь первый годъ жизни въ Петербургѣ; а потомъ, когда началъ онъ получать жалованье по мѣсту Адъюнкта-Профессора, онъ долженъ былъ заплатить долги, обзавестись необходимымъ и утвердиться на своемъ мѣстѣ, чтобы объявить о своей преждевременной женитьбѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ. Между тѣмъ онъ старался скопить столько денегъ, чтобы жена могла пріѣхать къ нему. При его ограниченныхъ доходахъ это было довольно

трудно. За всѣмъ тѣмъ, онъ почиталъ себя виновнымъ противъ жены, и эта мысль наконецъ сдѣлала прискорбнымъ воспоминаніе о ней. Удивительная слабость души человѣческой! Виновный почти не можетъ любить оскорбленнаго имъ человѣка. Тотъ самымъ именемъ своимъ напоминаетъ вину его, и чтобы забыть объ этомъ, оскорбитель, виновникъ старается забыть о немъ или охладѣть къ нему, даже оклеветать его въ собственныхъ глазахъ. Къ несчастію, такъ легко открыть слабости въ каждомъ, и, въ свою очередь, онѣ становятся предлогомъ къ оправданію виновнаго передъ судомъ собственной его совѣсти.

Ломоносовъ не читалъ этихъ ужасныхъ чувствованій; однако мысль о женѣ стала для него тяжелою, и онъ старался оправдать себя тѣмъ, что не въ его силахъ сдѣлать для нея что нибудь. Онъ откладывалъ, вмѣстѣ съ мыслію о ней, и мысль о бѣдственномъ ея положеніи, даже мысль о помощи ей. Но сердце его, столь чистое, полное любви ко всему благородному и прекрасному, страдало; образъ жены и маленькой дочери безпрестанно былъ передъ его глазами, не смотря на то, что онъ не говорилъ о нихъ никому и какъ-бы таилъ отъ самого себя мысль объ этихъ драгоцѣнныхъ для него существахъ.

Однажды, въ своей компанѣ, онъ перечитывалъ какого-то изъ древнихъ ораторовъ и готовился выбрать изъ него лучшія мѣста, для рѣчи на будущемъ торжествѣ Академіи, когда къ нему вошелъ высокій, полненькій человѣкъ, въ парикѣ, гладко насаленномъ и напудренномъ, въ опрятномъ Французскомъ кафтанѣ, съ длинными манжетами, съ лицомъ веселымъ, довольнымъ; счастливымъ. Наклонившись въ половину туловища, онъ поднялъ голову и спросилъ улыбаясь:

— Имѣю честь видѣть знаменитаго Россійскаго стихотворца Г-на Ломоносова?

«Я Ломоносовъ, и если угодно стихотворецъ, только не знаменитый, котораго можетъ быть вы лучше.

—О, позвольте судить объ этомъ *намъ*, публикѣ! Ваша слава уже вознесла имя любимца Музъ, любимца фантазіи. . . .

«Позвольте перебить вашу рѣчь: ко мнѣ-ли вы обращаетесь?

— Къ кому-же какъ не къ вамъ, если вы Г. Ломоносовъ, Адъюнктъ Санктпетербургской Академіи Наукъ, знаменитый. . . . Кто у насъ можетъ заслонить вамъ путь къ славѣ?

«Но, что-же угодно вамъ?

—И такъ вы Г. Ломоносовъ?... Прежде всего надобно знать это.

«Да, да, я Ломоносовъ!

—Теперь—сказалъ великолѣпный разскащикъ, вынимая изъ кармана письмо и держа его двумя пальцами, почти выше головы своей — теперь имѣю честь вручить вамъ, отъ Его Сіятельства Г-на Канцлера Графа Бестужева, письмо, присланное къ нему на ваше имя, отъ Графа Головкина изъ Гаги. . . .

« Письмо? Изъ Гаги?... Позвольте, позвольте! » вскричалъ Ломоносовъ, почти выхватилъ письмо изъ рукъ несноснаго говоруна, и взглянулъ на адресъ: рука жены его! Это было ея письмо.

Онъ пробѣжалъ письмо, и невольно вырвались у него слова: « Боже мой! Могу-ли я покинуть ее? Обстоятельства мѣшали мнѣ до сихъ поръ не только вывезть ее сюда, но и писать къ ней. Теперь-же пусть она пріѣдетъ! Завтра-же пошлю 100 *рублевъ* на дорогу.»

Между тѣмъ улыбающаяся фигура восхищалась глядя на Ломоносова.

—Человѣкъ великій! . . . позвольте мнѣ такъ назвать васъ.... человѣкъ великій! Я вижу, что это письмо драгоцѣнно для вашего сердца?

« Какъ-же не драгоцѣнно, М. Г.! Оно отъ жены моей.

— Отъ вашей.... супруги?... О, такъ я понимаю, что̀ значили слова единственнаго, великаго человѣка, моего начальника Графа Бестужева. «Поди, Колѣссовъ, сказалъ онъ мнѣ,

отдай это письмо Г-ну Ломоносову, что̀ служитъ въ Академіи; да скажи чтобы онъ написалъ отвѣтъ и доставилъ мнѣ-же.» Я, безъ души, бѣгу, вижу васъ, восхищаюсь, и слышу вожделѣнную новость! . . .

Не смотря на свое сердечное волненіе, Ломоносовъ не могъ безъ смѣха слушать высокопарнаго Колòссова.

«Доложите Графу, что я завтра-же явлюсь къ нему съ письмомъ, въ отвѣтъ на полученное мной. Но какимъ образомъ я получаю это письмо черезъ Графа Бестужева?

—О, вѣроятно, слава, которою озарено ваше имя. . . .

«Помилуйте! лучи моей славы не достигаютъ такъ высоко.

—Позвольте, позвольте, драгоцѣнный пінтъ! Слава, распространяясь подобно свѣтилу, проницаетъ всюду. Графъ. . . . о, если-бы вы знали Графа. . . .

«Вы конечно служите у него?

—Въ приватной канцеляріи, при полученіи бумагъ, и всякій день приношу корзину пакетовъ къ Его Сіятельству — отвѣчалъ скороговоркой Колòссовъ.— Я, М. Г., самъ нѣсколько изъ ученыхъ: учился въ Кіевской Академіи, получилъ въ награду применованіе *Колòссова,*

вмѣсто прежней прозаической фамиліи *Колосова*, и нѣсколько времени былъ учителемъ Риторики въ высшихъ классахъ. . . . но судьба. . . . о, судьба!

Ломоносовъ спѣшилъ отдѣлаться отъ этого восторженнаго пустослова, который въ нѣсколько минутъ успѣлъ разсказать ему почти всю свою жизнь, наговорить похвалъ цѣлому свѣту, и поручить себя благосклонности *царя ученыхъ и поэтовъ*, какъ назвалъ онъ наконецъ Ломоносова. Когда онъ ушелъ, царь поэтовъ и ученыхъ предался вполнѣ своимъ чувствамъ. Онъ почти плакалъ перечитывая письмо жены. Что̀ писала она? Что обыкновенно пишутъ женщины, когда перомъ ихъ управляетъ любовь и встревоженное чувство. Никогда мужчина, съ своимъ логическимъ умомъ, не выразитъ того, что̀ можетъ сказать одушевленная женщина. У нихъ своя логика, свой синтаксисъ, свое краснорѣчіе, которыхъ законы еще не описаны. Безпорядокъ есть правильный выводъ ихъ, который такъ-же убѣдителенъ, какъ сильна ихъ слабость, эта истинная сила женщины. Бѣдная жена Ломоносова два года не имѣла ни какой вѣсти о своемъ мужѣ, для котораго пожертвовала она всѣмъ, котораго любила больше самой себя. Можно представить себѣ, какъ краснорѣчива была ея душа послѣ такого долгаго страданія, какъ выразительны

были слова и вѣрны мысли, которымъ училась она два года и наконецъ выговорила ихъ въ своемъ письмѣ къ мужу.

Отвѣтъ Ломоносова былъ конечно достойнымъ отзывомъ на это письмо. Онъ умолялъ жену проститъ его за всѣ горести, которыя перенесла она для него, благодарилъ ее за мужество въ несчастіи, и описывалъ свое настоящее положеніе, которое обѣщало имъ наконецъ радостные дни. «Пріѣзжай, скорѣе пріѣзжай дѣлить со мной счастіе, потому что время бѣдствій, при помощи Бога, кажется миновало для насъ.» Этимъ заключилъ онъ свое письмо и приложивши къ нему 100 рублей отправился къ Графу Бестужеву.

Онъ нашелъ въ Графѣ человѣка, сердитаго видомъ, строгаго въ выраженіяхъ. Сначала Бестужевъ стадъ было выговаривать Ломоносову, какъ могъ онъ забыть свою жену; но потомъ смягчился отъ сердечныхъ отвѣтовъ его, и уже говорилъ съ выраженіемъ добраго семьянина:

«Вѣтреникъ! Женишься и бросаешь женъ! Бѣдная не знала куда дѣваться ей! Хорошо что Головкинъ такъ добръ и позаботился отыскать тебя. А сказалъ-бы, что Богъ знаетъ куда унесло тебя, такъ что сталось-бы съ ней? Да скажи, пожалуста, почему онъ знаетъ тебя такъ подробно?

— Я жилъ у Графа Головкина при возвращеніи въ Россію. Онъ зналъ мои семейныя обстоятельства.

«Вотъ эти добряки балуютъ вашу братью!... Вымылъ-бы тебѣ голову, такъ было-бы лучше. А то еще разнѣжился!... Семейныя обстоятельства! Какія обстоятельства у бѣдняка?

Такое обхожденіе не удивительно при вельможахъ старыхъ временъ, когда ихъ окружали шуты, поклонники, и когда всякій писчій почиталъ за счастіе сгибаться передъ ними. Но Ломоносовъ еще не совсѣмъ привыкъ къ этому и вмѣсто отвѣта сказалъ:

—Позвольте, Ваше Сіятельство, спросить: не пишетъ-ли Графъ Головкинъ къ вамъ о женѣ моей, или обо мнѣ?

Эта смѣлость понравилась Бестужеву, который самъ обладалъ характеромъ больше нежели смѣлымъ и любилъ въ другихъ видѣть свою характерную черту. Однакожъ онъ поглядѣлъ на Ломоносова и какъ-бы съ удивленіемъ отвѣчалъ:

«Какъ-же, братецъ! Онъ пишетъ мнѣ даже особенное письмо объ этомъ. Жена твоя оставалась цѣлые два года въ страхѣ и неизвѣстности, куда дѣвался ты? Наконецъ она рѣшилась обратиться къ Графу, черезъ котораго получила отъ тебя когда-то письмо, и слезно умоляла его, чтобы онъ сдѣлалъ милость,

утѣшилъ ее въ печали и облегчилъ бѣдственное состояніе увѣдомленіемъ, гдѣ находится мужъ ея, Россійскій студентъ Ломоносовъ: еще-ли у него въ Гагѣ, или гдѣ именно въ иномъ мѣстѣ. Пріобщила къ этому и письмо къ тебѣ. Графъ зналъ только, что ты уѣхалъ изъ Амстердама въ Петербургъ. Онъ справедливо полагалъ, что ты долженъ быть здѣсь, и переслалъ письмо жены твоей ко мнѣ, съ просьбой отыскать тебя и взять отвѣтъ. Вотъ, братецъ, сколько хлопотъ надѣлалъ ты намъ, сиарпкамъ! Я еще долженъ теперь писать къ Головкину. Ну, а свое письмо и деньги, которыя посылаешь къ женѣ, отдай въ моей канцеляріи.

— Примите, Ваше Сіятельство, искреннюю, глубокую мою благодарность!...

«Хорошо, хорошо! Нѣкогда мнѣ съ тобой разговаривать....

Ломоносовъ былъ готовъ уйдти, когда въ кабинетъ Графа вошелъ почтенный видомъ, сановитый человѣкъ, по видимому также знатный вельможа: это доказывало обращеніе его съ Графомъ Бестужевымъ, свободное, почти дружеское.

—Я помѣшалъ вамъ— сказалъ онъ, думая что прервалъ разговоръ.

«Нѣтъ, Графъ, мы уже все кончили съ Г-мъ Ломоносовымъ....

— Какъ? это Г. Ломоносовъ?— спросилъ незнакомецъ и дружески протянулъ руку къ смиренному ученому. — Давно желалъ я познакомиться съ вами, и радъ этому случаю, Г. Ломоносовъ! Вы видите усерднаго вашего почитателя. Я Графъ Воронцовъ.

«А вы, Графъ, какъ знаете его?» спросилъ Бестужевъ, удивленный больше Ломоносова этимъ привѣтствіемъ Графа Воронцова.

«О, я знаю Г-на Ломоносова, хоть и не имѣлъ удовольствія быть знакомъ съ нимъ. Его необыкновенная судьба, его глубокія познанія въ наукахъ, его стихотворенія во славу нашей Всемилостивѣйшей Государыни, все даетъ ему право на уваженіе.

—О, конечно, конечно! — прибавилъ Бестужевъ, хотя въ первый разъ слышалъ объ этомъ.

«Скажите, Г. Ломоносовъ: какъ теперь идутъ ваши занятія?» спросилъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ.

— Мои занятія, Ваше Сіятельство, такъ ограниченны, что имъ вездѣ уютно.

«Однакожъ область ваша отъ неба до глубины земли. Вы особенно занимаетесь Металлургіей, какъ слышалъ я?

—Да, люблю эту науку, но собственное мое занятіе Химія.

«Извините,» возразилъ Графъ вѣжливо: «собственно вы поэтъ, и только потому занимаетесь нашей землей, что живете на ней.

— Въ качествѣ человѣка и любителя науки, Ваше Сіятельство, я вообще люблю знанія. Поэзія только отдыхъ для меня.

Бестужевъ слушалъ ихъ и понималъ вполовину. Желая сказать что нибудь, онъ спросилъ въ свою очередь:

«Вѣдь вы учите чему нибудь?

— Да, Графъ, Химіи и отчасти Физикѣ.

«И еще мастеръ писать сверхъ того?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Да вы годны на все!... Право, этакихъ людей не много, Графъ Михайло Ларіоновичъ!» прибавилъ онъ обращаясь къ Воронцову. «Какъ напримѣръ я бьюсь съ своими канцелярскими! Пишу́тъ нѣкому.

Не отвѣчая на это обращеніе, Графъ Воронцовъ сказалъ Ломоносову:

— Я очень, очень доволенъ встрѣтившись съ вами. Пожалуста, приходите ко мнѣ, Г. Ломоносовъ! такъ, запросто, безъ церемоній. Я надѣюсь учиться изъ вашихъ разговоровъ.

«Я принимаю это на оборотъ, Графъ, и непремѣнно исполню ваше приказаніе.

Разговоръ продолжался еще нѣсколько минутъ, въ учтивостяхъ Графа Воронцова, въ

благодарныхъ отзывахъ Ломоносова, и въ нетерпѣливыхъ перерывахъ Графа Бестужева. Наконецъ Ломоносовъ ушелъ, очень довольный своимъ посѣщеніемъ, и не забылъ отдать въ канцеляріи Графа Бестужева сто рублей для пересылки къ женѣ.

Глава VI.

Дѣла Академіи шли не всегда благопріятно для членовъ ея. Надъ ними было много разныхъ властей, но всего больше стѣсняло ихъ Правленіе Хозяйственное. Это былъ родъ опеки надъ учеными людьми, которые, сказано было въ Уставѣ, «о произведеніи наукъ стараются, но обычайно мало думаютъ на собственное содержаніе.» И потому этихъ господъ стѣсняли за каждую копѣйку, не только въ общихъ дѣлахъ Академіи, но даже въ томъ, что относилось къ нимъ собственно. Жалованье, чрезвычайно малое, было едва достаточно на содержаніе, и еще назначалось, такъ-же какъ и квартиры, по произволу Хозяйственнаго Правленія. Зачѣмъ много денегъ Профессору? Зачѣмъ огромную квартиру ученому? Довольно съ него двѣ, три комнаты, и то подешевле. Впрочемъ, наемныя квартиры давались только женатымъ людямъ, а холостыхъ помѣщали въ

Академіи, гдѣ часто они жили тѣснѣе нынѣшнихъ канцелярскихъ служителей. Нечего говорить послѣ этого объ ученыхъ и учебныхъ пособіяхъ: Академикъ, Профессоръ не смѣлъ купить линейки и циркуля, не только чего нибудь поважнѣе, безъ *протокола* Хозяйственнаго Правленія, которое состояло изъ Директора, двухъ товарищей его и казначея. Эти господа властвовали всѣмъ, и сановитая ученость смирялась передъ ними. Они часто сердили неуступчиваго Ломоносова, который помнилъ свое достоинство, безпрестанно ссорился съ *подъячими*, какъ называлъ онъ ихъ, и упрашивалъ своихъ товарищей обратиться къ высшей власти, съ просьбой обновить Академію новыми преимуществами и льготами. Тупъ встрѣчалъ онъ обыкновенныя ужимки и молчаніе людей, которые боятся сдѣлать неосторожный шагъ.

Но этимъ не ограничивались требованія поэтической головы Ломоносова. Онъ видѣлъ, что Академія занимается многимъ, чуждымъ для нея, и не дѣлаетъ того, что должно составлять ея занятіе. Напримѣръ, въ нее присылалось множество требованій о сочиненіи плановъ для увеселеній, для фейерверковъ, для садовъ и домиковъ. Въ царствованіе Анны, даже забавное празднество въ *ледяномъ домикѣ* не обошлось безъ помощи Академіи. И въ по-же

время, Академики не писали ничего для Россіи, не занимались распространеніемъ наукъ въ отечествѣ, не имѣли порядочной лабораторіи, хорошихъ инструментовъ и другихъ пособій ученыхъ, а преподаваніе наукъ въ Академической Гимназіи происходило на Латинскомъ языкѣ, непонятномъ для большей части учениковъ.

Разсуждая однажды объ этомъ съ товарищами, Ломоносовъ сказалъ:

«Господа! Половина трудовъ нашихъ гибнетъ по пустому. Труды Академіи и преподаваніе наукъ на Латинскомъ языкѣ важны; однако это больше важно для Европы, нежели для Россіи. Не льзя-ли намъ изъ насъ, которые знаютъ по-Русски, читать свои лекціи на Русскомъ языкѣ?

Товарищи его задумались, и наконецъ отвѣчали, что это невозможно, при необработанности Русскаго языка, въ которомъ даже нѣтъ ученой опредѣленности словъ. Это было справедливо; сверхъ того, Ломоносовъ обращался къ иностранцамъ, большею частію Нѣмцамъ, а для нихъ Русскій языкъ былъ *страною тмы*. Они подозрѣвали въ предложеніи своего собрата даже отдаленную мысль: заставить ихъ учиться по-Русски, и наконецъ почти единогласно заговорили, что Русскій языкъ не способенъ къ выраженію всѣхъ мыслей человѣческихъ, что на немъ не льзя писать объ уче-

ныхъ предметахъ, и что отъ времени должно ожидать усовершенствованія его, а потомъ дѣлать такія предложенія, какія слышатъ они отъ своего ученаго собрата.

«Господа!» съ пылкостью возразилъ имъ Ломоносовъ. «Позвольте сказать, что вы ошибаетесь, и отъ того именно, что не знаете предмета, о которомъ идетъ рѣчь.»

Отвѣчать на это было нечего, но досада выразилась на лицахъ спорившихъ.

«Да! если-бы вамъ извѣстны были красота и обиліе Русскаго языка, вы не назвали-бы его недостаточнымъ; если-бы знали вы, какое пособіе имѣетъ онъ въ Церковно-Славянскомъ языкѣ, то предпочли-бы его Латинскому, заимствующему столько словъ отъ Греческаго. Языкъ нашъ необработанъ, правда; но если мы оставимъ его въ косности, то и никогда не будетъ онъ гибокъ и способенъ къ выраженію всѣхъ утонченныхъ мыслей и ученыхъ терминовъ. Но начнемъ неукоснительно заниматься имъ, и вскорѣ увидимъ плоды этого.

— Но если начнете вы одни, то кто-же будетъ судьею вашимъ? потому что вы можете и ошибаться.

«Конечно вы не будете судить меня, господа! И я докажу вамъ, что говорю основательно о родномъ своемъ языкѣ.

Этотъ небольшой споръ возставилъ противъ Ломоносова всѣхъ Нѣмцевъ, товарищей его. «Что за гордость! что за самохвальство!» восклицали они послѣ этого всякой разъ. «И какъ будто онъ умнѣе всѣхъ! . . . Да развѣ онъ второй Пико де Мирандола? Развѣ онъ не намъ-же обязанъ всѣмъ?»

Такія слова показывали, что на Ломоносова обрушилась вся пошлость обветшалыхъ сентенцій. Можно было-бы не уважать ими, если-бы онѣ шли не отъ тѣхъ, съ которыми необходимо было встрѣчаться каждый день. И какое добро можетъ быть отъ людей, связанныхъ съ вами занятіями, дѣлами, но далекихъ, даже непріязненныхъ вамъ по чувствамъ, а вслучаѣ нужды и вѣрныхъ непріятелей вашихъ? Все это испытывалъ Ломоносовъ. Онъ видѣлъ непріятность своего положенія и даже иногда хотѣлъ сблизиться съ недругами; это удавалось ему, потому что они по большей части были добрые люди, которые только не любили чтобы запрогивали ихъ; но при первомъ случаѣ онъ опять сердился, начиналъ колоть ихъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и пріязненныя отношенія снова разрывались; снова Ломоносовъ встрѣчалъ угрюмыя лица, холодные отвѣты, и препятствія почти на каждомъ шагу своего поприща.

Между тѣмъ, онъ находилъ новое утѣшеніе

въ мысли о пріѣздѣ своей жены. Два года почиталъ онъ невозможнымъ свиданіе съ нею, и терпѣливо переносилъ разлуку; теперь, когда препятствія были удалены, когда тайна его стала извѣстна всѣмъ, отъ кого прежде скрывалъ онъ ее, для него казалась вѣчностью отсрочка нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мы уже имѣли случай много разъ замѣтить, что этотъ человѣкъ не умѣлъ чувствовать вполовину: каждая мысль, каждое желаніе овладѣвали имъ, и непремѣнно должны были исполниться или сжечь его. Такъ шелъ онъ въ своей жизни съ юныхъ лѣтъ, и одерживалъ побѣды, можно сказать, надъ самою судьбою. Но покуда желаніе или мысль его не осуществлялись, онъ мучился и страдалъ.

Разсчитывая, сколько времени должно было письмо его идти къ Христинѣ, сколько времени она употребитъ на сборы и на путешествіе до Петербурга, онъ нарочно полагалъ для всего дальніе сроки, чтобы не ошибиться. Такъ дѣлаемъ мы всѣ, ожидая письма отъ милыхъ сердцу, или пріѣзда друга, роднаго. По разсчету Ломоносова, жена его, добрая его Христина и съ маленькою дочерью, должна была пріѣхать къ нему около осени. Тогда сообщенія еще не были такъ поспѣшны и удобны какъ теперь. О пароходахъ еще не имѣли и мысли, а купеческіе корабли и даже транс-

порпныя суда не плавали стаями по Балтикѣ и Финскому заливу. Надобно сказать, что Ломоносовъ велѣлъ женѣ своей пріѣхать на кораблѣ, потому что это было и удобнѣе и дешевле. И каждый корабль, который приближался по Невѣ къ его жилищу, заставлялъ трепетать сердце его. Мы уже знаемъ, что онъ жилъ въ Академическомъ домѣ, подлѣ лабораторіи. Академія тогда была тамъ, гдѣ теперь Кунстъ-Камера, слѣдовательно почти у самой пристани для кораблей, подлѣ Исакіевскаго моста.

Еще далеко былъ срокъ, назначенный Ломоносовымъ для пріѣзда жены, когда, лѣтомъ 1743 года, онъ вышелъ однажды насладиться прекраснымъ вечеромъ, и едва отошелъ нѣсколько шаговъ отъ дома, какъ увидѣлъ, что Любскій корабль остановился близъ берега, и съ него пересѣзжаютъ на шлюпкѣ нѣсколько пассажировъ. Взглядъ Ломоносова былъ невольно прикованъ къ этой картинѣ. Онъ думалъ о своей милой Христинѣ, о своей малюпкѣ дочери, и терялся въ мысляхъ. Между тѣмъ пассажиры вышли на берегъ, и въ числѣ ихъ женщина съ маленькой дѣвочкой.... «Боже мой!» закричалъ Ломоносовъ. «Сердце мое чувствовало, что ты близко, Христина!

Говоря эти слова, онъ уже держалъ Христину въ своихъ объятіяхъ, глядѣлъ ей въ глаза, и еще не вѣрилъ своимъ чувствамъ.

«А это наша дочь?» воскликнулъ онъ бросившись къ малюшкѣ, робко прижимавшейся къ своей матери, и схватилъ ее на руки, цѣловалъ, смѣялся, плакалъ.

Прохожіе ласково улыбались и въ полголоса говорили глядя на эту сцену: «Вишь, къ барину пріѣхала жена.»

Между тѣмъ Христина оставалась нѣмою, и уже черезъ нѣсколько секундъ радостныя чувства ея и тревога ощущеній выразились рыданіемъ, и слезами, которыя въ два ручья покатились изъ ея глазъ.

«Пойдемъ, пойдемъ, другъ мой!» говорилъ Ломоносовъ, и держа на рукахъ дочь, привелъ жену въ свою квартиру.

«У насъ будетъ другая квартира, больше этой, а теперь, покуда, мы будемъ счастливы и здѣсь!» сказалъ онъ.

— Ахъ, Михайло! Не только въ этой квартирѣ, которая кажется мнѣ раемъ, но и въ самой убогой хижинѣ готова я жить, но только съ тобой. Ты ужь не покинешь меня больше?

«Милый другъ! ты знаешь, что̀ заставило меня покинуть тебя!... Теперь, слава Богу, обстоятельства совсѣмъ иныя. Я имѣю почетное мѣсто, довольно денегъ, и много покровителей. Что-же заставитъ меня разстаться съ тобой, милая Христина! Нѣтъ, никогда!

Да я ужъ и не въ силахъ былъ-бы сдѣлать это. Но, разскажи мнѣ, какъ доѣхала ты сюда? Получила-ли ты мое письмо и деньги?

— Какъ-же! Ахъ, этотъ добрый Графъ Головкинъ! Дай Богъ ему здоровья! Онъ тотчасъ прислалъ ко мнѣ твое письмо и деньги, да еще и отъ себя письмо, такое милостивое. Онъ-то присовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Любекъ, и тамъ сѣсть на корабль.

«Ты и сдѣлала такъ?

—Да. Трудно мнѣ было разставаться съ родителемъ.... но я превозмогла себя. О, Михайло! Сколько я перенесла горя въ это время!...

«Не говори объ этомъ, милый другъ! Я знаю, чувствую все!... Повѣрь, что мнѣ было не легче. Но, теперь уже прошло все. Станемъ радоваться и наслаждаться жизнью.

Въ самомъ дѣлѣ Ломоносовъ ожилъ, повеселѣлъ, и даже нѣсколько времени меньше ссорился съ своими сочленами, прощалъ имъ лѣность, неподвижность, любилъ ихъ за доброту и знанія. Ему отвели квартиру женатыхъ, то есть комнату или двѣ больше противъ прежняго. Христина съ восторгомъ принялась за новое свое хозяйство, и вскорѣ устроила все такъ удобно, какъ только можно было это въ ихъ небогатой жизни. Но ей не казалась эта жизнь небогатою. И точно, если сообразимъ переходъ ея отъ нищеты и совершенной без-

надежности къ довольству, къ удобствамъ жизни, то повѣримъ, что она почитала себя не только счастливою, но и богатою. Она еще никогда не жила такъ роскошно: у нея была даже прислуга!... Столъ умѣла она приготовлять порядочный и тогда какъ у нихъ не было ничего; а теперь, когда Ломоносовъ хотѣлъ въ немъ больше существенности, больше Русской сытности нежели Нѣмецкой изобрѣтательности, Христина была въ своемъ родѣ геніемъ не меньше мужа.

Среди удобствъ тихой семейной жизни, Ломоносовъ чувствовалъ еще большую охоту трудиться, и трудился неутомимо. Часто прерывали его присылками онъ вельможъ, съ просьбой написать стихи на тостъ или другой случай. Просьбы эти бывали равносильны приказаніямъ, особенно когда *просили* или *совѣтовали* написать стихи на иллюминацію, на торжественный день, на спускъ корабля, и проч.

«Я ужъ не радъ, что объявилъ себя стихотворцемъ!» говорилъ Ломоносовъ женѣ своей. «Что это въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ набраться мнѣ вдохновенія на всякую мысль, на всякое происшествіе?... Но дѣлать нечего!»

И онъ принимался за свою *громкую лиру*, какъ говаривали встарину, *бряцалъ въ струны*, пѣлъ, и морщился. Это видно во многихъ его стихотвореніяхъ, гдѣ явныя небрежности и

ошибки противъ языка, прозаическія мысли и растянутыя изображенія встрѣчаются слишкомъ часто. Вообще Ломоносовъ немного разъ былъ поэтомъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Но онъ *пѣлъ* много, и диво-ли что спадалъ съ голоса?

Для другихъ онъ говорилъ, и можетъ быть даже самъ вѣрилъ, что стихотвореніе было у него отдыхомъ, а науки занятіемъ и трудомъ. Но это выходило совершенно наоборотъ. Онъ писалъ стихи по Риторикѣ: возьмите любую оду его, и вы найдете школьное расположеніе, распространенія риторическія, и почти нигдѣ не откроете восторга. Въ наукахъ, напротивъ, сколько у него смѣлыхъ, великихъ мыслей! И съ какою ревностью, охотою, съ какимъ самоотверженіемъ занимался онъ ими! Къ этому предназначила его природа, и онъ оправдалъ ея назначеніе всею своею жизнью.

Онъ любилъ не только науки, но и людей, искренно, ревностно посвятившихъ себя имъ. Немного встрѣчалъ онъ такихъ изъ своихъ товарищей, но для этихъ немногихъ былъ вѣрнымъ другомъ. Одинъ сдѣлался особенно близокъ къ нему: это Профессоръ Рихманъ, издавна поселившійся въ Россіи, Нѣмецъ родомъ, но совершенно преданный своему новому отечеству. Самыя занятія сближали ихъ, потому

что Рихманъ былъ Профессоромъ Физики и особенно любилъ ее, занимался множествомъ новыхъ, важныхъ опытовъ, и передавалъ свои открытія Ломоносову, а этотъ, не смотря на разнообразіе своихъ изученій, больше всего былъ преданъ испытанію природы, и слѣдственно Физикѣ, не имѣвшей тогда предѣловъ. Она захватывала въ свою область и Механику, и Оптику, и Химію. Такимъ образомъ Рихманъ и Ломоносовъ сдѣлались братьями по наукѣ, столько-же какъ по душѣ и сердцу.

Бесѣды ихъ бывали продолжительны и пріятны для обоихъ. Они не ограничивались тѣмъ, что должны были дѣлать по должности, но проникали умомъ дальше самыхъ границъ своей науки. Въ то время едва открывалась теорія электричества. Оба друга ревностно трудились надъ нею, и какое счастье бывало, если одинъ изъ нихъ могъ сообщить другому новое наблюденіе свое!... Но и Рихманъ и Ломоносовъ чувствовали бѣдность своихъ средствъ, жаловались другъ другу на медленный ходъ дѣлъ, на слабость подвиговъ своей Академіи, на недѣятельность сочленовъ своихъ.

«Съ ними не выпьешь моря!» говаривалъ Ломоносовъ.

— Не сорвешь огня съ неба! — прибавлялъ Рихманъ.

«Подождемъ, посмотримъ: вотъ ихъ вѣчный отзывъ. Да будетъ-же нашимъ отзывомъ: спасемъ трудишься не для самихъ себя, а для науки и потомства. Больше этого не льзя.

Искреннимъ пріятелемъ Ломоносова былъ также почтенный Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, Адъюнктъ Математическихъ наукъ при Академіи, тотъ самый, который въ 1739 году одобрилъ и расположилъ Корфу первую Русскую оду нашего поэта. Ададуровъ былъ не глубокій ученый, но за то человѣкъ съ просвѣщеннымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Послѣ онъ возвысился въ чинахъ и достоинствахъ: былъ Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ, Куратором Московскаго Университета, вельможею. Но Ломоносовъ любилъ въ немъ еще молодаго ученаго, почти сверстника своего по лѣтамъ, и сочлена по Академіи, дѣятельнаго, готоваго къ добру. Ададуровъ не былъ такимъ гонителемъ неподвижности какъ Ломоносовъ, но соглашался съ нимъ почти всегда, уважалъ его дарованія, и охотно подсмѣивался надъ своими товарищами, такъ однакожъ, чтобы они не подслушали. Онъ того былъ онъ въ ладу со всѣми. Особеннымъ покровителемъ его прежде былъ Эйлеръ, потому что у него въ классѣ отличился Ададуровъ, учась въ Академической Гимназіи, и послѣ перевелъ на Русскій языкъ его

Руководство къ Ариѳметикѣ. Самъ бывши въ Гимназіи преподавателемъ этого предмета, Ададуровъ принялъ въ руководство Эйлерову книгу.

Ломоносовъ, напротивъ, ни сколько не зналъ искуства *уживаться* со всѣми, и онъ того терялъ много выгодъ, встрѣчалъ много непріятностей и препятствій на пути своемъ. Онъ не умѣлъ всегда укрощать себя и часто даже составлялъ оппозицію высшей Академической аристократіи, то есть старшимъ Академикамъ и Профессорамъ. Они хотѣли не только науки, но и смиренія, хотя управляли не монастыремъ; а Ломоносовъ не научился этому и живши долго въ монастырѣ. При всякомъ случаѣ онъ говорилъ смѣло и даже рѣзко, не одобрялъ того, что̀ находилъ дурнымъ, молчалъ, если имѣлъ силы, видя посредственное, явно хохоталъ надъ глупостью. Сколько причинъ къ несогласію!

Однимъ изъ самыхъ непріятныхъ для него людей былъ Секретарь Академіи, Василій Кириловичъ Тредьяковскій. Природа создала его какъ совершенную противуположность Ломоносову! Сколько въ этомъ было пылкости, дарованій, генія, столько-же отличался Тредьяковскій бездарностью, ничтожествомъ, неподвижностію ума. Сама жизнь ихъ шла въ діаметральной противуположности. Съ малолѣт-

сина имѣлъ Тредьяковскій отличныхъ учителей, и въ ранней юности путешествовалъ по образованной Европѣ. Въ Парижскомъ Университетѣ былъ онъ однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго въ свое время Ролленя. Возвратившись въ Россію, въ Петербургъ, онъ сдѣлался студентомъ Академической Гимназіи, гораздо прежде Ломоносова, и потомъ, уже лѣтъ десять до описываемаго нами времени, занималъ должность Секретаря Академіи Наукъ. Это былъ человѣкъ не глупый, но совершенно лишенный *ума*, потому что не надобно смѣшивать этой высокой способности съ другою, низшею, съ *разсудкомъ*, или съ здравымъ смысломъ. Можно быть очень не глупымъ, даже разумнымъ человѣкомъ, и не имѣть ни искры ума. Разсудокъ есть способность различать видимое, перенимать что дѣлаютъ другіе, подражать дѣйствіямъ другихъ, короче, идти общимъ, проложеннымъ для всѣхъ путемъ; но во всемъ этомъ нѣтъ никакого отношенія къ тому высокому въ человѣкѣ дару, который называютъ умомъ, и который даетъ ему возможность проницать въ сокровенную глубь вещей, находить новыя стороны въ предметахъ, давать направленіе общему ходу дѣлъ и событій, а не рабски слѣдовать заведенному порядку. Съ такою способностію Ломоносовъ соединялъ еще даръ поэзіи, способность приходить въ

восторгъ, и въ этомъ состояніи дѣлаться творцомъ, то есть производить то, чего до него никто не видѣлъ, не воспигалъ и не подозрѣвалъ.

Можно представить себѣ, какъ глядѣлъ онъ на Тредьяковскаго, жалкаго раба общепринятыхъ мнѣній, повѣрій, преданій, какія случилось ему узнать, и то съ величайшимъ трудомъ, посвятивши на изученіе ихъ все свое вниманіе и годы жизни. Но и за это онъ былъ-бы достоинъ уваженія, если-бы съ трудолюбіемъ своимъ не соединялъ глупой гордости, которую придала ему случайность: имѣть въ юности хорошихъ наставниковъ и вообще много средствъ учиться. Набивши свою голову громадою свѣдѣній, изучивши нѣсколько языковъ и прочитавши гору фоліантовъ, Тредьяковскій возмечталъ, что онъ очень уменъ. Это было первымъ недостаткомъ его, потому что чужой книжный умъ придалъ ему только смѣшную самоувѣренность, а не могъ переродить разсудка въ высшую способность. Потомъ, онъ воображалъ себя чрезвычайно ученымъ человѣкомъ; но что значитъ ученость безъ ума? Правда, онъ зналъ много собственныхъ именъ, много испытаннаго, изобрѣтеннаго, открытаго другими, но все это отражалось въ головѣ его такъ неясно, тускло, что думая примѣнять свои знанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ ви-

дѣлъ Эпопею въ *Телемахидѣ*, стихи въ варварскихъ виршахъ своихъ, торжественныя рѣчи въ безтолковыхъ сплетеніяхъ словъ, и роясь какъ червь въ книгахъ, обшачивая какъ муравей встрѣченную имъ пылинку, посвящалъ на такія занятія всѣ свои способности. Къ довершенію смѣшнаго онъ воображалъ себя поэтомъ, потому что научился приводить въ размѣръ слова, вопіющія отъ ужаса!... И все это стоило ему величайшихъ трудовъ, усилій; все это оставалось памятникомъ бездарности! Тредьяковскій исчезалъ въ ничтожествѣ, и вмѣсто того чтобъ быть почтеннымъ трудолюбцемъ, мечталъ быть ученымъ, оратоpомъ, поэтомъ, теоретикомъ!... Всему виной была гибельная для него случайность, что онъ имѣлъ учителемъ Ролленя и подобныхъ ему славныхъ мужей, которые не могли изъ камня сдѣлать золота.

Но Тредьяковскій не имѣлъ этого сознанія, и потому, высоко думая о себѣ, называлъ успѣхи Ломоносова не заслуженными и даже смѣялся надъ ними. Онъ не хотѣлъ скрывать этого, и явно оказывалъ нашему поэту холодность и даже презрѣніе. Между ними зародилась непріязнь, которую еще больше увеличивалъ своими притѣсненіями велемудрый Тредьяковскій какъ Секретарь Академіи.

Въ это время возвратились, изъ отдаленнаго путешествія по Сибири, нѣсколько замѣчательныхъ человѣкъ: Герардъ Фридрихъ Миллеръ, Профессоръ Русской Исторіи, знаменитый своими познаніями въ ней, Іоганнъ Георгъ Гмелинъ, Профессоръ Химіи и Натуральной Исторіи, и студентъ Степанъ Петровичъ Крашенинниковъ. Ломоносовъ уже зналъ имя Миллера, и нашелъ въ немъ испытнаго ученаго, умнаго человѣка, одареннаго неутомимымъ, но всегда разсудительнымъ трудолюбіемъ. Миллеръ былъ Нѣмецъ родомъ; но пріѣхавши въ Петербургъ при началѣ образованія Академіи, и прожившій въ Россіи уже лѣтъ двадцать, онъ совершенно выучился Русскому языку: въ немъ осталась только Нѣмецкая ученость. Но при всѣхъ своихъ необыкновенныхъ способностяхъ, Миллеръ отличался положительнымъ, холоднымъ умомъ и не имѣлъ никакого чувства поэзіи. Встрѣтившись съ Ломоносовымъ, онъ понялъ и оцѣнилъ его, но не могъ сдѣлаться другомъ его: этому совершенно противились ихъ характеры.

Гмелинъ, знаменитый своими свѣдѣніями въ Естествознаніи, особенно въ Ботаникѣ, творецъ *Сибирской Флоры*, человѣкъ еще молодой, страстно любилъ свою науку, но не былъ привязанъ къ Россіи, какъ Миллеръ, и безпрестанно мечталъ о возвращеніи въ отечество, въ

свой милый Тибингенъ. Онъ пріѣхалъ въ Россію около 1730 года, вмѣстѣ съ Бильфингеромъ и Дювернуа, но почиталъ жизнь свою шамъ ученымъ путешествіемъ, не больше, и вскорѣ по пріѣздѣ изъ Сибири началъ требовать отпуска. Онъ, правда, оставался еще въ Петербургѣ года три-четыре, но велъ жизнь уединенную, почти не приходилъ въ Академію, и потому Ломоносовъ, не смотря на все свое желаніе сблизиться съ знаменитымъ естествоиспытателемъ, зналъ его очень мало.

Крашенинниковъ былъ по сердцу Ломоносова. Онъ учился сначала въ Заиконоспасской Академіи, такъ-же какъ Ломоносовъ, потомъ въ Петербургѣ въ Академической Гимназіи, и въ званіи студента отправился съ Профессорами Делилемъ, Гмелиномъ и Миллеромъ въ Камчатку. Это путешествіе встрѣтило множество затрудненій, такъ что Крашенинниковъ одинъ, съ посланнымъ послѣ Адъюнктомъ Стеллеромъ, обозрѣвалъ Камчатку. Черезъ десять лѣтъ онъ возвратился въ Петербургъ и привезъ съ собой кипу разныхъ замѣтокъ и описаній. Ломоносовъ нашелъ въ немъ истаго Рускаго, добраго сердцемъ, умнаго человѣка и хорошаго естествоиспытателя. По крайней мѣрѣ Крашенинниковъ любилъ заниматься математическими и физическими науками, а

этого, при добрыхъ качествахъ сердца и хорошемъ умѣ, довольно было для привязанности Ломоносова. Онъ полюбилъ *Камчадала*, какъ сначала называли въ Академіи Крашенинникова.

Глава VII.

Петръ Ивановичъ Шуваловъ заказалъ нашему поэту стихи, на какое-то новое торжество, и Ломоносовъ, окончивши ихъ, пришелъ однажды утромъ въ его домъ, куда являлся онъ уже не разъ, довольно свободно. О немъ тотчасъ доложили, и Ломоносовъ приблизился къ дверямъ кабинета, когда услышалъ громкій смѣхъ и разговоръ нѣсколькихъ человѣкъ. Онъ остановился-было и не хотѣлъ входить, боясь попасть въ шумную толпу со своимъ смиреннымъ приношеніемъ; но слуга уже растворилъ дверь кабинета, и не войдти было не льзя; къ тому-же Петръ Ивановичъ вскричалъ, какъ только завидѣлъ его:

—Добро пожаловать, Г. Ломоносовъ, добро пожаловать!—

Ломоносовъ быстро вошелъ, и вѣжливо, но свободно привѣтствовалъ вельможу. Онъ увидѣлъ подлѣ него незнакомое ему, но чрезвычайно привлекательное лицо: это былъ Алек-

сандръ Ивановичъ Шуваловъ, Генералъ съ отличными военными познаніями, и, что̀ еще важнѣе, любимый Императрицею и потому самый могущественный изъ всѣхъ Шуваловыхъ. Ломоносовъ отдалъ ему глубокій поклонъ, а Петръ Ивановичъ, обратившись къ своему брату сказалъ:

—Вотъ онъ, соперникъ Василья Кириловича!

Дрожь пронзила Ломоносова, когда онъ услышалъ этотъ неожиданный комплиментъ! Его равняютъ или по крайней мѣрѣ ставятъ въ параллель съ Тредьяковскимъ! Онъ хотѣлъ было отвѣчать по первому движенію сердца, но, къ счастію, Петръ Ивановичъ предупредилъ его словами:

—Василій Кириловичъ! подойди, братецъ, къ намъ; что̀ ты все стоишь у дверей. . . .

Ломоносовъ оглянулся и увидѣлъ — Тредьяковскаго! Онъ стоялъ въ самомъ углубленіи двернаго перехода, подлѣ притворенной половинки дверей, стоялъ выпятившись въ струнку, недвижимо, безмолвно, и только при словахъ Петра Ивановича промолвилъ:

«Слишкомъ много чести для нашей брани, Ваше Высокопревосходительство!» Почти незамѣтное движеніе глазъ его показало, что онъ изумляется дерзости своего собрата *по ремеслу* и хочетъ быть благоразумнѣе его.

— Видишь, что и товарищъ не замѣшалъ тебя — прибавилъ Петръ Ивановичъ.

Между тѣмъ Ломоносовъ уже обмѣнялся поклономъ съ Тредьяковскимъ и сказалъ:

« Извините, Василій Кирилловичъ! право, не видалъ васъ сначала.

Тредьяковскій сдѣлалъ при этомъ такое смѣшное лицо, гдѣ выражались и гнѣвъ и робость и смущеніе, что Александръ Ивановичъ Шуваловъ только могуществомъ свѣтской опытности удержалъ себя отъ взрыва смѣха, и спѣшилъ обратиться къ Ломоносову съ словами:

— Очень пріятно познакомиться съ человѣкомъ, котораго уважалъ я заочно. Я давно просилъ брата объ этомъ; да мы оба такъ мало имѣемъ свободнаго времени. . . .

Ломоносовъ кланялся, не умѣя ничего отвѣчать на такія общія привѣтствія.

—А мы сей часъ говорили о васъ съ Васильемъ Кирилловичемъ — сказалъ Петръ Ивановичъ. —Онъ сердится за то, что вы пишете стихи и говорите рѣчи. . . .

«Извините, Ваше Высокопревосходительство, что я осмѣлюсь перебить вашу рѣчь!» возразилъ Тредьяковскій. « Вы сами удостоили шутить надъ мнимъ, *яко-бы* соперничествомъ съ Г-мъ Ломоносовымъ.

Петръ Ивановичъ искренно захохоталъ, потому что Тредьяковскій былъ особенно способенъ смѣшить своимъ важнымъ видомъ. Кто изъ насъ не видалъ этихъ любимцевъ веселости, которые имѣютъ даръ быть тѣмъ смѣшнѣе, уморительнѣе, чѣмъ больше стараются соблюдать важность?

— Ну, что правда, то правда — отвѣчалъ Петръ Ивановичъ. — Какъ ранняя пташка, Василій Кириловичъ раньше васъ, Г. Ломоносовъ, поднялся съ своего гнѣзда, и уже принесъ мнѣ оду на нынѣшній торжественный случай; когда-же я сказалъ ему, что уже просилъ васъ объ этомъ, онъ сталъ жаловаться, что ему предпочитаютъ васъ. Я хотѣлъ увѣрить его, что вы не думаете соперничать съ нимъ; что его высокопарящій геній не такъ легко подымается съ мѣста какъ вашъ, который умѣетъ все дѣлать на лету. Ну, какъ-бы это объяснить сравненіемъ. . . . да, вотъ, кстати артиллерійскій Генералъ,» продолжалъ онъ указывая на брата: «онъ скажетъ вамъ, что тяжелая и легкая артиллерія равно хороши и полезны въ своемъ мѣстѣ; а я прибавлю, что Василій Кириловичъ тяжелая артиллерія, такъ-же какъ Г. Ломоносовъ легкая! . . .

— Благодаренъ благосклонности Вашего Высокопревосходительства — сказалъ Тредьяковскій — но я съ Г-мъ Ломоносовымъ на ряду не

бывалъ. Онъ гораздо помоложе меня; онъ былъ еще въ пеленкахъ, когда я уже слушалъ лекціи у Ролленя.

» Да кто-же васъ и ставитъ рядомъ? Я, напротивъ, доказываю, что вы не похожи другъ на друга.

— Какъ угодно, В. В.! Но я многими заслугами уже доказалъ преданность свою Музамъ и опытность въ піитическомъ дѣлѣ; а Г. Ломоносовъ....

«Полно, полно сердиться, Василій Кирилловичъ!» перебилъ его Петръ Ивановичъ, все смѣясь.

Но Тредьяковскій, разгорячившись, продолжалъ:

— Еще при блаженной памяти Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ я уже былъ не въ *ординарныхъ*... да и самое стихотворство на Россійскомъ языкѣ мое изобрѣтеніе.

— Вы такъ хорошо доказываете права свои —сказалъ ему съ важнымъ видомъ А. И. Шуваловъ — что я прошу васъ вручить мнѣ новое ваше стихотвореніе, и постараюсь употребить его въ дѣло.

Восхищенный Тредьяковскій поспѣшно вынулъ изъ кармана большой исписанный листъ, и съ низкимъ поклономъ подалъ его Шувалову.

«Ну, доволенъ-ли теперь?» сказалъ Петръ Ивановичъ.

— Покровители Музъ и любимцевъ ихъ находятъ такихъ-же обожателей, какъ и сами Музы — отвѣчалъ Тредьяковскій, стараясь выражаться красно и не думая о смыслѣ.

Онъ началъ раскланиваться и подвигаться къ дверямъ спиной.

—Да наградитъ васъ премудрая Царица всѣми благами земными, а Небесная всѣми райскими — прибавилъ онъ сдѣлавъ послѣдній поклонъ, и вышелъ за двери, какъ нищій, которому бросили милостыню.

Петръ Ивановичъ между тѣмъ хохоталъ, а по выходѣ Тредьяковскаго разсмѣялся и бранъ его.

Во все время этой унизительной сцены, Ломоносовъ оставался почти онѣмѣлый, и не зналъ, какъ понимать ему странное обращеніе Шуваловыхъ съ Тредьяковскимъ. Видъ стихотворца, каковъ-бы ни былъ онъ, оскорбляемаго насмѣшками, и униженно принимающаго ироническое одобреніе, мрачно отразился на сердцѣ Ломоносова. Передъ нимъ не совѣстились унижать санъ поэта, когда онъ самъ явился такъ-же какъ Тредьяковскій, съ стихами, *заказными* стихами! Можетъ быть даже онъ не давалъ себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, но

ему было тяжело, и это сближеніе съ Тредьяковскимъ, на котораго онъ натолкнулся такъ не кстати, эта выставка передъ лицомъ гордыхъ вельможъ, почти въ смѣшномъ видѣ, это обхожденіе, покровительное безъ всякой нѣжности, все привело въ смущеніе Ломоносова.

Онъ оставался въ такомъ положеніи, когда Петръ Ивановичъ перестalъ наконецъ смѣяться и сказалъ своему брату:

—Но для чего ты взялъ у него это маранье, эту *оду*, какъ онъ называетъ ее?

«Надобно-же было чѣмъ нибудь ушѣшить дурака.

—Но что̀ ты станешь дѣлать съ ней? Неужели представишь?...

Александръ Ивановичъ подошелъ къ пылавшему камину и кинулъ въ него оду Тредьяковскаго, говоря:

«Вотъ самое благородное употребленіе для этой глупости.

—Помилуй, братецъ!... вѣдь ты и не читалъ ея.... можетъ быть въ ней было что нибудь доброе, или хоть.... смѣшное.

«Глупое не можетъ быть даже смѣшно. Лучше послушаемъ, что̀ написалъ Г. Ломоносовъ. Вѣрно его стихи не похожи на *оду* твоего Кирилыча....

Проговоря это съ обыкновеннымъ своимъ спокойнымъ видомъ, Александръ Ивановичъ

сталъ спиной къ камину, и съ ласковою улыбкой просилъ Ломоносова прочитать, что̀ написалъ онъ.

Но поэтъ не имѣлъ силъ для этого. Онъ сказалъ, что не смѣетъ утруждать почтенныхъ своихъ покровителей, и просто отдаетъ на ихъ судъ свое стихотвореніе, которое можетъ быть не лучше преданнаго огню.

Онъ не могъ удержаться отъ этихъ словъ: такъ сильно взволнована и оскорблена была его душа.

Александръ Ивановичъ, тонкій придворный, тотчасъ понялъ безпритворнаго поэта; но не давая ему замѣтить этого, онъ повелъ разговоръ о его занятіяхъ, успѣхахъ, надеждахъ, и говорилъ, по видимому, съ такимъ участіемъ, что Ломоносовъ увлекся, началъ самъ оправдываться, *говорилъ какъ Цицеронъ,* по выраженію одного изъ его современниковъ, и поселилъ въ холодной душѣ придворнаго самое выгодное о себѣ мнѣніе. Почтенный Петръ Ивановичъ только поддерживалъ этотъ разговоръ, потому что онъ уже довольно зналъ Ломоносова, и когда тотъ ушелъ, онъ спросилъ у своего брата, что̀ думаетъ онъ объ этомъ человѣкѣ. Мнѣніе А. И. Шувалова выразилось словами:

«Не дуракъ!»

—Нѣтъ, мало этого—прибавилъ Петръ Ива-

новичъ.— Это человѣкъ отличный, рѣдкихъ дарованій.

«Ну, да! Онъ можетъ быть полезенъ. Надобно поддерживать его.

Между тѣмъ, оставивши кабинетъ вельможи, Ломоносовъ шелъ домой въ странномъ расположеніи. Благосклонное, милостивое обхожденіе Шуваловыхъ не скрывало отъ него, послѣ сцены съ Тредьяковскимъ, какъ смотрятъ они на стихотворца. Эта сцена, столько непріятная для его благородной гордости, была откровеніемъ, показавшимъ ему, что никогда вельможа не забываетъ разстоянія, отдѣляющаго его отъ стихотворца.

«Что-же мы такое у нихъ?» думалъ онъ. «Шуты? или ремесленники, иногда нужные для своего дѣла, такъ-же какъ плотникъ или слесарь для своего? Меня предпочитаютъ Тредьяковскому: въ этомъ я не сомнѣваюсь; но это значитъ только, что я лучше въ своемъ ремеслѣ, что мои стихи нужнѣе имъ нежели его вздорныя вирши! Но гдѣ-же мое личное достоинство? Для чего не уважаютъ они меня просто какъ Михайлу Ломоносова, и видятъ только стихотворца, химика и металлурга въ томъ человѣкѣ, который не высокъ родомъ, но высокъ душой, и безкорыстно предалъ жизнь свою тяжкимъ трудамъ, для усовершенствованія себя и для воз-

вышенія науки въ своемъ отечествѣ? Они очень добры, очень благосклонны ко мнѣ, но безпрестанно напоминаютъ своимъ обхожденіемъ, что *я искатель* у нихъ, что они готовы *поощрять, хвалить* меня.... покуда я нуженъ имъ.... И какая позорная сцена съ Тредьяковскимъ! Они поставили меня на одну доску съ этимъ безтолковымъ ученымъ! Шпыняли, хохотали надъ нимъ, а я былъ при этомъ шѣнью, или какимъ-то необходимымъ лицомъ въ комедіи!.. Нѣтъ, господа! Я не буду впередъ для васъ игрушкой, и покажу вамъ, какое различіе между мной и тѣмъ человѣкомъ, надъ которымъ вы можете смѣяться.

Порывъ досады на людей, обыкновенно заставлялъ Ломоносова съ новою силою предаваться ученымъ занятіямъ, которыя любилъ онъ душой и сердцемъ. Теперь, какъ будто разсердившись на стихотворство, онъ былъ готовъ отказаться отъ него вовсе, для того чтобы совершенно посвятить себя наукамъ. Входя въ свою лабораторію, онъ точно забывалъ о стихахъ, но единственно потому, что съ увлеченіемъ глядѣлъ на таинства природы, которыя раскрывались передъ нимъ въ многочисленныхъ его опытахъ. Наука представляла ему также поэзію, и еще гораздо больше нежели стихотворство, въ которомъ, надобно признаться, не могъ онъ быть истиннымъ поэ-

томъ. Этому пропшвилось время, несчастная половина XVIII вѣка, когда Вольтеръ былъ Аполлономъ, а Буало какимъ-то Магометомъ со своимъ Алкораномъ Стихотворства, и поэзія, истинная стихотворная поэзія жила только въ преданіяхъ, а мѣсто ея заняло ремесло стихотворческое. Да, поэзію *учили*, какъ ремеслу, анатомировали каждое движеніе души, и подчинили ее условнымъ правиламъ, такъ что отступленіе отъ нихъ считалось ошибкой. Въ такое время, Тредьяковскій справедливо могъ быть стихотворцемъ, и даже хорошимъ, если-бъ только у него былъ умъ, а Ломоносовъ, этотъ дикій геній, по тѣмъ-же самымъ причинамъ не могъ сдѣлаться поэтомъ, когда у него были связаны и умъ, и душа, и вдохновеніе. Къ тому, Русскій языкъ пропшвился усиліямъ его. Онъ самъ создавалъ этотъ языкъ, потому что даже современники его, не только предшественники, не представляли ему никакого пособія. Но усиліямъ человѣка есть границы, и вдохновенный Ломоносовъ оставался современникомъ Тредьяковскихъ и Сумароковыхъ, не смотря на все раздѣлявшее ихъ пространство. Безотчетно бросалъ онъ перо и находилъ истинный свой міръ въ занятіяхъ природою, которая являлась ему со всею своею гигантскою поэзіею.

Усердно занимаясь науками для самого себя,

онъ такъ-же занимался и лекціями въ Академической Гимназіи, гдѣ находилъ многихъ молодыхъ людей, достойныхъ его цѣнителей. Надобно сказать, что можетъ быть ничѣмъ не наслаждался такъ Ломоносовъ, какъ успѣхами своихъ учениковъ. Передавать свои познанія, дѣлиться ими съ новымъ поколѣніемъ, было для него одною изъ наградъ за всѣ труды, какіе предпринималъ онъ въ своей жизни. Часто приводила его въ затрудненіе и даже въ отчаяніе недостаточность способовъ преподаванія, но онъ умѣлъ пособить и этому, самъ дѣлая многіе препараты и даже инструменты. Въ такихъ трудахъ и занятіяхъ, иногда размышлялъ онъ: «Поймутъ-ли наши потомки эти усилія? Оцѣнятъ-ли благо: безъ труда пользоваться средствами науки, и пріобрѣтать познанія не кровавымъ трудомъ, какъ мы?... О, когда настанетъ для моего отечества это блаженное время?... Но оно непремѣнно настанетъ! Неужели безплодны усилія мои и добрыхъ моихъ товарищей? Мы прокладываемъ путь, и эти юноши, которые слушаютъ меня, уже имѣютъ большое преимущество передо мной. Ихъ зовутъ, даютъ имъ средства учиться, и награждаютъ успѣхи ихъ!... А я!... Боже мой!... Я какъ тать укрывался со своими книжонками, какъ преступникъ уходилъ въ лѣса отъ гонителей ученья, и послѣ, чего стоило

мнѣ покинуть отца, разорвать всѣ связи родственныя, для того чтобы попасть въ Заиконоспасскую Академію! Да, вы счастливы, друзья мои!» говорилъ онъ обращаясь иногда къ молодымъ своимъ слушателямъ, «отъ васъ требуютъ только труда и прилежанія.

Непріязненность къ нему Тредьяковскаго увеличилась послѣ встрѣчи у П. И. Шувалова, и это было новымъ препятствіемъ во многихъ полезныхъ начинаніяхъ Ломоносова, потому что Тредьяковскій, какъ Секретарь Академіи, часто имѣлъ случай затруднять его приказными формами. Ни одна копѣйка, для какихъ-бы то ни было издержекъ преподавателя Химіи, не доставалась Ломоносову безъ многихъ каверзъ Тредьяковскаго, столь легкихъ для самаго глупаго человѣка, если онъ хочетъ вредить. Потомъ, составляя протоколы Академическіе, Секретарь находилъ средство представлять многіе труды и предложенія Ломоносова въ превратномъ видѣ; наконецъ онъ кололъ и язвилъ его словами безъ всякой пощады. Правда, Г-на Секретаря не любили многіе за его высокоуміе, и онъ ссорился точно такъ-же не съ однимъ Ломоносовымъ; но этому было не легче отъ того. Вообще раздоры въ Академіи усиливались болѣе и болѣе, и наконецъ это дошло до свѣдѣнія Императрицы. Она увидѣла, что Г. Фонъ-Бревернъ, при всей своей добротѣ, не

можетъ править Академіею, гдѣ сталкивалось такъ много различныхъ самолюбій и отношеній. Она рѣшилась назначить Президентомъ ея какого нибудь сильнаго вельможу, приближеннаго къ себѣ человѣка, и не долго запрудняласъ въ выборѣ: онъ палъ на Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

Прежде нежели познакомимся съ этимъ новымъ лицомъ, вспомнимъ что онъ былъ братъ сильнѣйшаго при Елисаветѣ Петровнѣ человѣка, Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который быстро возвысился на степень перваго вельможи изъ самаго простаго званія. Семейство Разумовскихъ, осыпанное почестями и богатствомъ, почти съ самаго начала царствованія Императрицы Елисаветы играло важную роль, и оправдывало эту улыбку судьбы многими хорошими, даже рѣдкими качествами.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ, на высотѣ почестей и могущества не оставлялъ добрыхъ привычекъ первобытнаго своего состоянія. Онъ остался Малороссіяниномъ и во дворцѣ; любилъ щеголять странностью своего Малороссійскаго выговора, который придаетъ Русскому разговору какое-то добродушное выраженіе, и, можетъ быть, даже прикрывалъ этимъ свою врожденную хитрость, которою былъ одаренъ въ высокой степени. Являясь добрякомъ, какимъто провинціяломъ въ придворномъ мірѣ, онъ не

рѣдко приводилъ въ затрудненіе самыхъ опытныхъ паркетныхъ жителей своими остроумными выходками, потому что отличался остроуміемъ необыкновеннымъ.

Назначеніе такого важнаго человѣка Президентомъ Академіи Наукъ, произвело страшную тревогу посреди Петербургскихъ ученыхъ, которые почти всѣ принадлежали къ Академіи. Тредьяковскій спѣшилъ написать *поздравительное пѣснопѣніе;* Нѣмцы-Академики готовили привѣтственныя рѣчи на всѣхъ возможныхъ языкахъ; Ломоносовъ ожилъ надеждой, что наконецъ Академія будетъ управляться Русскимъ умомъ. Когда указъ о назначеніи Графа Разумовскаго сдѣлался извѣстенъ, всѣ принадлежавшіе къ Академіи ученые и чиновники почли первымъ долгомъ явиться къ своему начальнику, съ поздравленіемъ.

Любопытно было-бы взглянуть на эту разнохарактерную толпу! Тутъ увидѣли-бы мы и умнаго Миллера, съ его холодною, строгою физіогноміею, и незабвеннаго Рихмана, и важнаго Гмелина, и добраго Крашенинникова, и почтеннаго В. Е. Ададурова, и пресловущаго Тредьяковскаго, въ его насаленномъ парикѣ съ кудрями, и свѣтлую звѣзду нашей учености, Ломоносова, еще молодаго, полнаго силъ! Увидѣли-бы многихъ оригиналовъ, забытыхъ временемъ по собственной ихъ ошибкѣ, но тогда

составлявшихъ лица значительныя, можетъ быть важныя, больше наименованныхъ нами, извѣстныхъ людей. А мы, неблагодарные потомки, не умѣемъ и назвать ихъ!

Новый Президентъ не долго заставилъ ждать себя. Вскорѣ дверь въ залу, гдѣ собрались Гг. ученые, растворилась, и Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій вышелъ къ нимъ.

Они знали, что Графъ былъ человѣкъ еще молодой, но все не ожидали увидѣть *семнадцати-лѣтняго* юношу. Да, ему было только 17 лѣтъ, когда Императрица назначила его Президентомъ Академіи; а черезъ пять лѣтъ онъ былъ уже въ Фельдмаршальскомъ *рангѣ*, Гетманомъ Малороссійскаго войска и главою Запорожской Сѣчи!

Ну, здравствуйте, добрые люди, здравствуйте!—сказалъ Графъ, между тѣмъ какъ всѣ ученыя головы преклонялись передъ нимъ. — Ну, вотъ я такъ и пойду рядкомъ, съ перваго до послѣдняго. Вѣдь надо со всѣми познакомиться. Ну, батюшко, вы кто? — спросилъ онъ у того, который, какъ старшій, стоялъ выше всѣхъ, и былъ готовъ представлять своихъ товарищей.

«Герардъ Фридрихъ Миллеръ, Профессоръ Исторіи,» отвѣчалъ спрошенный.

— Мыллэръ! — повторилъ Графъ, нарочно рѣзкимъ Малороссійскимъ выговоромъ. — Му-

дреная Нѣмецкая фамилія, а славно, батюшко, говоришь по-Русски: лучше меня!

«Имѣю честь представишь вниманію Вашего Сіятельства господъ Профессоровъ Академіи,» сказалъ Миллеръ и началъ именовать своихъ товарищей, прибавляя какою наукою который занимается. Точно такъ-же представилъ онъ Адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ. Графъ находилъ для каждаго ласковое слово, иногда приправленное остротой; но когда Миллеръ назвалъ Ломоносова, Графъ посмотрѣлъ на него пристально и молвилъ: — О-то голова! Да такихъ со свѣчкой не сыщешь! Добро, Г. Ломоносовъ: ужò мы съ вами будемъ за-панибрата! Я малый добрый; только ты полюби меня.

Ободренный простодушнымъ выраженіемъ Графа, Ломоносовъ отвѣчалъ:

«Ваше Сіятельство найдете во мнѣ такого-же усерднаго исполнителя вашей воли, какъ и во всѣхъ вашихъ подчиненныхъ. Да поможетъ намъ Богъ только оправдать ваше милостивое вниманіе.

—О-же, красно заговорилъ, батюшко! А мы люди задушевные: что̀ думаемъ, то и говоримъ.

Когда, передъ тѣмъ, очередь дошла до Тредьяковскаго, Графъ сказалъ, не дожидаясь объясненій Миллера:

— О, того ученаго мы знаемъ! Здорово, братъ! Будешь мнѣ писать вирши?

Тредьяковскій зналъ, что *вирши* въ устахъ Малороссіянина значатъ просто *стихи*, и, пользуясь вызовомъ Графа, потянулъ изъ своего кармана длинную поздравительную оду.

Миллеру была стрáхъ непріятна эта печаянность; но онъ успокоился, когда Графъ съ улыбкой взялъ изъ рукъ отчаяннаго стихотворца новые стихи его, и молвилъ, глядя на большой исписанный листъ:

— О, да лихой-же писака! Кабы всѣ писали по стольку, такъ и бумага вздорожала-бы!

Тредьяковскій проглотилъ эту пилюлю, позолоченную благосклоннымъ взглядомъ молодаго вельможи.

Аудіэнція кончилась скоро, и ученые стали раскланиваться, когда Графъ сказалъ прощаясь съ ними:

—Ну, теперь ждите меня къ себѣ въ гости! Я вашъ должникъ за визиты!

Этотъ непродолжительный разговоръ показалъ однакожъ господамъ ученымъ, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, не смотря на свою молодость, человѣкъ проницательный и хорошій цѣнитель людей. Таково было общее мнѣніе всѣхъ, бывшихъ у него; но не такъ мыслилъ Ломоносовъ, который, пораздумавши, не былъ очень доволенъ своимъ новымъ начальникомъ.

«Это мальчикъ,» думалъ онъ, «острый, и кажется умный мальчикъ; но какая отъ него можетъ быть помощь наукамъ! Такихъ-ли покровителей ожидаютъ онѣ у насъ, гдѣ все надобно строить съ фундамента, чтобы со временемъ воздвигнуть достойный храмъ Музамъ! Да, сверхъ того, онъ займетъ своими придворными отношеніями; у него уже столько почетныхъ мѣстъ и должностей, что ему, съ самымъ добрымъ желаніемъ, достанетъ времени развѣ посмѣяться иногда надъ нами. Бѣдныя науки!»

Глава VIII.

Опасенія Ломоносова были не напрасны. Графъ Кириллъ Григорьевичъ, благонамѣренный, добрый, умный человѣкъ, былъ почти слишкомъ молодъ, слишкомъ развлеченъ и, что всего хуже, ни сколько не способенъ для должности Президента Академіи Наукъ: эта должность служила для него только почетнымъ званіемъ. Онъ былъ очень хорошъ къ своимъ подчиненнымъ, любилъ шутить съ ними, но почти не занимался дѣлами, и отъ того благосклонность его часто упадала на пень и на колоду. Такъ, напримѣръ, къ большому огорченію Ломоносова, который все еще оспавался Адъюнктомъ, бездарный Тредьяковскій получилъ званіе и каѳедру Профессора Краснорѣчія, или *Елоквенціи*, какъ называлъ онъ Краснорѣчіе! И это было не просто распоряженіемъ начальства, но волею Императрицы, то есть именнымъ указомъ, который исходатайствовалъ Разумовскій. И что же побудило его къ этому, когда онъ, какъ

мы видимъ, давно зналъ цѣну пресловутому ученому и самъ трунилъ надъ нимъ? Что! Тредьяковскій ползалъ, унижался, позволялъ смѣяться надъ собой, надоѣдалъ, и наконецъ добился профессорства съ большимъ отличіемъ.

Такіе поступки начинали уже очень разочаровывать нашего поэта въ его удивленіи къ знатнымъ; но онъ еще цѣнилъ умъ и благородную привязанность къ просвѣщенію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Первыми въ этомъ были Шуваловы, то есть Графъ Петръ Ивановичъ, и особенно молодой его родственникъ, Камеръ-Юнкеръ Иванъ Ивановичъ. Пріязнь Ломоносова съ этимъ рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ поддерживалась постоянно, и послѣ каждаго свиданія съ нимъ, онъ чувствовалъ новое уваженіе къ нему. Въ Иванѣ Ивановичѣ не видалъ онъ знатнаго человѣка, потому что простота, искренность его обхожденія, и образованный, свѣтскій умъ, заставляли невольно быть съ нимъ откровеннымъ, любить въ немъ не столько покровителя, сколько роднаго сердцу. И. И. Шуваловъ уже вступалъ въ тѣ годы, когда склонности оправдываются для человѣка сознаніемъ, а у него первою склонностью было просвѣщеніе. Еще не занимая никакого значительнаго мѣста, онъ уже имѣлъ силу при Дворѣ, сколько по вліянію своихъ родственниковъ, столько-же и собственнымъ своимъ достоинствомъ.

Искреннимъ покровителемъ Ломоносова былъ также Графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, вельможа съ образованнымъ умомъ, и большой любитель Искуствъ. Онъ собиралъ у себя произведенія Живописи, Скульптуры, любилъ читать, сближался съ учеными людьми, и особенно отличалъ Ломоносова, котораго умъ и познанія какъ звѣзда блистали тогда, на разсвѣтѣ Русскаго просвѣщенія. Обремененный дѣлами по своей должности Вице-Канцлера, Воронцовъ не могъ удѣлять много времени на бесѣды съ нашимъ поэтомъ, и хотя довольно часто видался съ нимъ, но почти всегда мимоходомъ. Ломоносовъ однакожъ чувствовалъ, что этотъ человѣкъ любитъ его и желаетъ ему добра безкорыстно: довольно для души, умѣющей понимать такія ощущенія!

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и Ломоносовъ былъ назначенъ *Профессоромъ* Химіи и Физики.

Въ это время, однажды, явился къ нему молодой Шуваловъ. Онъ пришелъ запросто, какъ товарищъ въ прекрасномъ направленіи къ добру, котораго корень всегда скрывается въ просвѣщеніи. Посреди разговоровъ о землѣ и небѣ, о горныхъ работахъ и Поэзіи, Иванъ Ивановичъ сказалъ своему ученому пріятелю, что черезъ нѣсколько дней у Петра Ивановича будетъ большой балъ, гдѣ Ломоносовъ можетъ увидѣть все знатное Петербургское общест-

во, и всѣхъ чѣмъ нибудь замѣчательныхъ людей. «Я совѣтовалъ дядѣ пригласить и ученую братію,» прибавилъ Шуваловъ, «а въ этомъ числѣ вы первый.»

«Благодарю; но не буду-ли я тамъ лишнимъ?» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— О, нѣтъ! Ученые и писатели придаютъ оригинальный блескъ всякому празднику. Дядя мой согласился съ этимъ и поручилъ мнѣ пригласить васъ и нѣкоторыхъ другихъ.

— Выбирать не изъ чего!— улыбаясь сказалъ Ломоносовъ. — Наша братья всѣ на перечетъ. И подлинно явятся оригиналы!

« Тѣмъ лучше! Говорю вамъ: это придаетъ какое-то пріятное разнообразіе празднеству. При Французскомъ Дворѣ давно понимаютъ, что на большомъ балѣ ученые такъ-же необходимы какъ и танцовщики. Да, потому что на всякомъ балѣ разговариваютъ еще больше нежели танцуютъ. Съ кѣмъ-же пріятнѣе бесѣда какъ не съ человѣкомъ отличнымъ своими познаніями?

Ломоносовъ не зналъ обычаевъ большаго свѣта, а Шуваловъ можетъ быть нарочно старался представить ему съ блестящей стороны выставку *ученыхъ* посреди блистательнаго общества. Станется, что благородный юноша и самъ не подозрѣвалъ, какую жалкую роль играли

на праздникахъ Людовика XIV и Регентша Мольеръ, Расинъ, Буало! Faire dire au roi quelques belles paroles (доставить Королю случай сказать острое словцо): вотъ зачѣмъ звали ихъ поспоять у дверей бальной залы и онвѣсить нѣсколько поклоновъ раззолоченнымъ знатнымъ господамъ. Но ни самъ Буало, ни Расинъ, никто не понималъ тогда истиннаго значенія ученыхъ и литераторовъ посреди этого чуждаго для нихъ міра. Удивительно-ли, что прямодушный Ломоносовъ съ благодарностью согласился на приглашеніе Шувалова?

Въ назначенный день, въ тотъ часъ, когда обыкновенно онъ шелъ спать, надобно было одѣваться и ѣхать на балъ! Поэтъ самъ смѣялся этому, однакожъ надѣлъ свой парадный кафтанъ, прицѣпилъ шпагу, расправилъ дорогія манжеты, и не хуже другихъ явился въ великолѣпныхъ залахъ своего покровителя и милостивца, Графа Петра Ивановича Шувалова. Встрѣтившись съ нимъ, хозяинъ радушно протянулъ къ нему руку; но толпа новыхъ гостей скоро развела ихъ.

Въ какомъ странномъ положеніи увидѣлъ себя Ломоносовъ! Сначала, яркое освѣщеніе, блескъ золота, брилліантовъ, сіявшихъ въ нарядахъ дамъ и мужчинъ, богатство, разсыпанное въ украшеніяхъ комнатъ, веселый говоръ, движеніе, музыка, ослѣпили и оглушили чуждаго

г., напр. въ «*И то и се*», издававшемся его товарищемъ по Ярославлю М. Д. Чулковымъ (*).

Мих. Дм. Чулковъ (1726—1793) кромѣ еженедѣльника «И то и се» издавалъ въ 1770 г. ежемѣс. журналъ: «Парнасскій Щепетильникъ». Чулковъ замѣчателенъ, какъ составитель многихъ весьма полезныхъ книгъ (Ист. описаніе росс. торговли, Мнѳолог. словарь, Сл. рус. суевѣрій, Крат. исторія о рос. коммерціи, Словарь ярморокъ и мн. др.). Изъ его романовъ: «*Пригожая Повариха*» (вышла только 1-я ч.) такая рѣдкость, что теперь не возможно ея найти (*).

Притча: Два вора (стр. 17) перепечатана въ «*Досугахъ*» Мих. Попова (ч. 1-я, стр. 29 — 30), съ пропускомъ 3—7 стих. и съ замѣною 8 стиха: «Но *только что они* покроемъ не однимъ». Послѣ 10-го стиха прибавленъ новый: «*Одни политики другіе просто плуты*». Стихъ 12 читается: «И перво въ нихъ мое искуство покажу», а стихи 21 и 22:

Повѣрьте едако или такая мода
Есть у безсовѣстныхъ подъячихъ и судей.

3. *Тридцатилѣтняя дѣвушка гораздо меньше радуется* (стр. 18). Письмо это направлено противъ *Влад. Ив. Лукина*, автора и переводчика нѣсколькихъ посредственныхъ комедій, человѣка талантливаго, но пользовав-

(*) О Поповѣ см. «Опытъ словаря» Новикова (1772, стр. 170), «Словарь св. пис.», м. Евгенія (1845, ч. 2, стр. 133), «Основ. рус. театра», Карабанова (1849, стр. 24 и 34), «Біогр. замѣтки о рус. писат. XVIII в.» (Лѣтописи рус. лит. 1859 кн. 2, отд. 3, стр. 199).

(*) О Чулковѣ см. «Опытъ» Новикова (стр. 241), «Біографич. изв. при книгѣ: «Записки экономическія» и пр. (изд. 2-е, 1790), перепечат. въ «Лѣт. Рус. Лит.» (1859 г. кн. 2), Словарь м. Евгенія (1845 г., ч. 2) и «Рус. Сат. Ж.» г. Аѳанасьева (1859 г., стр. 7 и др.).

шагося нерасположеніемъ современной прессы за эгоистическій и самолюбивый характеръ. Лукинъ былъ секретаремъ при *Ив. Перф. Елагинѣ* (1725 — 1786) и пріобрѣлъ особое его расположеніе. Заносчивый и неуживчивый характеръ Лукина, а больше, кажется, расположеніе Елагина были причиною, что *Д. И. Фонъ-Визинъ*, поступившій въ 1763 г. на службу къ Елагину, тотчасъ же разошолся съ Лукинымъ и сохранилъ къ нему ненависть до конца жизни (Соч. Фонв., изд. 1852 г., стр. 510 — 511, 638). Сумароковъ не любилъ Лукина, потому что считалъ личною обидою имѣть совмѣстника на поприщѣ, которое считалъ своею безраздѣльною принадлежностью. За Сумарокова возставали на Лукина и еженедѣльники 1769 г., особенно же Новиковъ, ярый поклонникъ Сумарокова. Нѣкоторыя изъ пьесъ Лукина изданы были въ особомъ сборникѣ: «*Сочиненія и переводы Владимера Лукина*» (2 ч. Въ Спб. 1765 года, въ 8^{0}). Въ это собраніе вошли: «Мотъ, Любовію исправленный», «Пустомеля», «Награжденное постоянство» и «Щепетильникъ», всѣ съ огромными предисловіями (при послѣдней комедіи — ввидѣ письма къ Ельчанинову). Кромѣ того отдѣльно изданы комедіи: «Менехмы, или близнецы» (1763), «Ревнивой, изъ заблужденія выведенной» (1764), «Тесть и зять» (1768), «Разумной вертопрахъ» (1768) и «Задумчивой» (1769). Всѣ кромѣ «Мота» передѣл. съ франц. Лукину-же принадлежитъ переводъ 5 и 6 ч. «Приключеній Маркиза Г...», которыхъ 4 первыя части переведены И. П. Елагинымъ (*).

(*) *О Лукинѣ* см. «Владиміръ Лукинъ», 2 ст. А. Пыпина (От. Зап. 1853 № 8 и 9); здѣсь собрано все о немъ написанное до того времени Также: «Опытъ» Новикова (стр. 131), Словарь м. Евгенія (1845, ч. 2 стр. 36), Словарь Бантышъ-Кам. (1847,

стихотворенія и отдаю имъ справедливость; а самъ я еще ничего почти не печаталъ, и только въ своемъ кругу слыву пінпомъ. Но, дастъ Богъ, познакомимся, такъ прочту и вамъ кое-что.

Это странное объясненіе такъ поразило Ломоносова, что онъ не умѣлъ ничего пробормотать, кромѣ несвязныхъ: «Пріятно.... много чести.... почту большимъ удовольствіемъ....

Но Сумароковъ и не далъ ему ничего выговорить; онъ уже опять продолжалъ:

«Вотъ полчаса бьюсь и доказываю Его Высокородію и Превосходительнымъ господамъ, что мои ямбическіе стихи такъ-же благозвучны какъ александрійскіе Корнеліевы и Моліеровы.... Я, сударь, немножко прежде васъ началъ писать ямбомъ и хореемъ.... но не о томъ рѣчь, а вотъ о чемъ: могутъ-ли мои стихи равняться въ гибкости, напримѣръ, съ стихами Г-на Вольтера, и быть пріятны на театрѣ? Его Высокородіе изволитъ говорить, что у насъ нѣтъ театра и потому не льзя судить объ этомъ; а я отвѣчаю, что опытъ уже есть: въ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ играютъ мои трагедіи Гг. Кадеты. Стоитъ только сдѣлать опытъ, такъ сказать, en grand! Не правда-ли, мой господинъ?

— Я не могу быть судьей въ такомъ дѣлѣ, котораго не знаю — отвѣчалъ Ломоносовъ. —

Я не имѣлъ удовольствія читать ваши трагедіи. . . .

«Да я васъ и не избираю судьей!» возразилъ Сумароковъ. «Я только сослался на васъ, какъ на человѣка искуснаго. Вы, сударь, сами пишете стихи, и хотя, мимоходомъ сказать, въ нихъ много неправильностей, но все-таки вы очень искусный человѣкъ.

Ломоносовъ вспыхнулъ отъ этой глупой похвалы. Но онъ увидѣлъ, что окружавшіе ихъ засмѣялись не на его счетъ, и удержалъ свой гнѣвъ. Ему только непонятна казалась смѣлость, съ какою этотъ человѣкъ судитъ обо всемъ, и при первой встрѣчѣ обходится съ нимъ какъ учитель. Но таковъ былъ Сумароковъ: самохвальство и самоувѣренность его не имѣли границъ. Къ этому прибавлялось еще многословіе, съ какимъ онъ обыкновенно говорилъ.

«Я прошу васъ, Ваше Высокородіе,» началъ онъ опять, обращаясь къ Ивану Ивановичу, «довести до свѣдѣнія Высочайшаго Двора о моихъ попыткахъ. Я первый сдѣлалъ заслугу сочиненіемъ Россійскихъ трагедій; неужели-жъ трудъ мой пропадетъ безъ всякаго ободренія?

Шуваловъ засмѣялся и отвѣчалъ:

«Нѣтъ, почтеннѣйшій Александръ Петровичъ! Васъ наградитъ потомство, наградятъ и современники. Но вы знаете, что я не могу

исполнить вашего желанія. Говорите объ этомъ тѣмъ, кто постарше и посильнѣе меня.

—«Э, Ваше Высокородіе!» сказалъ почти съ огорченіемъ Сумароковъ. «Для поспѣшества я надѣюсь сдѣлать еще многое. Первые-то опыты мои требуютъ ободренія. А что вы ссылаетесь на старшихъ, я знаю, что это одна отговорка. Я *смышленя* нежели вы думаете.

«А для чего это вы произносите: *смышленя*, позвольте спросить?» сказалъ какой-то довольно дородный человѣкъ, со звѣздой, сидѣвшій тутъ-же на софѣ.

— Для того, Ваше Сіятельство, что это правильнѣе выходитъ на письмѣ; а мы должны въ разговорѣ такъ-же правильно выражаться какъ и въ книгѣ. Для этого и наука Грамматика.

«Вы, конечно, люди ученые, и знаете больше насъ; но я никогда не слыхивалъ, чтобы кто нибудь выговаривалъ такъ. Да, вотъ кстати!... Рекомендуюсь вамъ, Г. Ломоносовъ! Я Князь Яковъ Шаховской: прошу любить да жаловать Расположуйте, дайте ума: какъ надо говорить: *смышленя* или *смышленье?* Я хоть человѣкъ не ученый, но, знаете, въ приказныхъ бумагахъ у насъ такіи встрѣчаются разныя слова: на что-же писать ихъ не по правиламъ? Ну-ка, батюшко! скажи.

—Ваше Сіятельство!—отвѣчалъ Ломоносовъ. — Я почелъ-бы за особенную честь изъяснить вамъ предложенный вопросъ, но думаю, что и Г. Сумароковъ только шутитъ. Если никто не говоритъ *смышленяе*, то какъ можетъ попасть это въ Граммашику, и съ какой стати можетъ быть правильно?

«Э, э! Г. Ломоносовъ. . . . Такъ эшакъ-то?» воскликнулъ Сумароковъ. «Такъ вы больше вѣрите мужицкому навыку, нежели правиламъ? Да знаете-ли, что мы всѣ говоримъ неправильно? Да, неправильно! Правила заключаются въ книгахъ. . . .

—Да Богъ съ вами!—прервалъ Шаховской.— Я люблю правду, и скажу на отрѣзъ: коли что право, такъ право! Не правда-ли, Г. Ломоносовъ?

«Я не знаю, Ваше Сіятельство, въ какомъ смыслѣ изволите вы говорить. . . .

—Какъ въ какомъ смыслѣ! . . . Да вотъ и нашъ начетчикъ! Василій Кириловичъ! поди сюда! — закричалъ онъ увидѣвши Тредьяковскаго, который вошелъ и понизивъ голову озирался на всѣ стороны. На голосъ Князя Шаховскаго онъ поспѣшилъ приблизиться, униженно кланяясь.

«Ну-ка, скажи, какъ надо говорить по правиламъ: смышле*няе* или смышле*нье*?

Тредьяковскій разинулъ ротъ и не понималъ, о чемъ спрашиваютъ его.

—Ну-же, братецъ, говори!— продолжалъ Шаховской.

« Какъ изволите понимать, Сіятельнѣйшій Князь. . . . » сказалъ Тредьяковскій.

— Да, что тутъ понимать, братецъ? Ты знаешь, я люблю правду. Говори: какъ по вашей учености надо сказать: смышл*еняе* или смышл*еніе?*

« Да, какъ угодно Вашему Сіятельству! » отвѣчалъ Тредьяковскій.

—Ну, вотъ вамъ эти ученые! — сказалъ Шаховской, всталъ съ своего мѣста и пошелъ изъ комнаты.

Между тѣмъ Сумароковъ уже спорилъ съ кѣмъ-то опять о новомъ предметѣ. Окружавшіе эту *ученую* бесѣду хохотали, подходили, уходили, возвращались, и глядѣли на Гг. ученыхъ съ безподобною веселостью. И. И. Шуваловъ также ушелъ куда-то, и Ломоносовъ, не видя больше его, видѣлъ что ему тутъ нечего дѣлать. Онъ отдалился отъ спорившихъ, когда глаза его встрѣтили Графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, шедшаго съ Графомъ Воронцовымъ.

«Г. Ломоносовъ!... » сказалъ Воронцовъ, протягивая къ нему руку.

— Здорово, батюшко, здорово! — прибавилъ въ свою очередь Разумовскій.

« Вы совсѣмъ забыли меня, почтенный Профессоръ!» продолжалъ Воронцовъ.

Они остановились подлѣ Ломоносова, и дружескій разговоръ съ нимъ двухъ первѣйшихъ вельможъ обратилъ на себя вниманіе многихъ. Мало по малу приближались Графы, Князья, вельможи, желая познакомиться ихъ съ удивительнымъ человѣкомъ, и нашъ поэтъ, недавно одинокій посреди толпы, былъ окруженъ знатнѣйшими людьми и осыпанъ вѣжливостями. Природный, хотя и не свѣтскій умъ помогалъ ему поддерживать свою роль благородно. Тутъ онъ чувствовалъ себя *на своемъ мѣстѣ,* потому что видѣлъ уваженіе къ своимъ дарованіямъ, видѣлъ, что каждый изъ приближавшихся почитаетъ какою-то обязанностью выразить свое удивленіе къ человѣку, надѣленному такъ щедро способностями ума. Неопытный поэтъ не подозрѣвалъ въ этомъ удивленіи никакой угодливости знатнымъ людямъ, и не успѣлъ еще сообразить, что дань хвалы, которую разсыпали передъ нимъ, больше относилась къ двумъ вельможамъ, нежели къ нему, потому что если-бы, ошибкой, они обошлись дружески съ Тредьяковскимъ, то Тредьяковскій замѣнилъ-бы его для толпы. Нѣкоторыя восклицанія и нелѣпые вопросы могли-бы показать ему, что на него

смотрящъ больше какъ на фокусника, на фигуранта, нежели какъ на высокаго достоинствомъ поэта; но еще не имѣя мысли объ этомъ, онъ видѣлъ только лестныя изъявленія простодушныхъ цѣнителей.

—А что̀ вы пописываете теперь, батюшко?— спросилъ Разумовскій.

«Пишу очень мало, Ваше Сіятельство,» отвѣчалъ Ломоносовъ. «Больше занимаюсь экспериментами.

—А что̀ это за штуки такія, *эксперименты?*— сказалъ съ умышленнымъ простодушіемъ Графъ.

«Опыты въ наукахъ Естествословія вообще: въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи. . . .

— Такъ вы и Астрономіей занимаетесь, то есть ночью на звѣздочки глядите?

«Точно такъ, Ваше Сіятельство. . . .

—Ну, скажите, батюшко: правду-ли мнѣ говорили еще недавно, что наша земля вертится кругомъ солнца?

«Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, Графъ. Я увѣренъ, что это извѣстно Вашему Сіятельству, столько-же какъ мнѣ.

— Не ручайся за меня, батюшко. Я человѣкъ не ученый. Растолкуй, такъ пойму. А вѣдь дивно: кажется солнце идетъ, а земля стоитъ.

«Это самый обыкновенный обманъ зрѣнія.... Но я не смѣю доказывать этого серьёзно пе-

редъ такимъ достопочтеннымъ собраніемъ. Если позволите, Ваше Сіятельство, я докажу это шуткой.

— Ну, ну, пожалуста шуткой.... виршами! Вѣдь ты мастеръ виршами.... напиши сей часъ.

Воронцовъ улыбнулся слишкомъ-простонародной шутливости Президента Академіи, а между тѣмъ Ломоносову подали бумагу и карандашъ. Онъ подсѣлъ къ столу, и въ нѣсколько минутъ написалъ, подлинно *виршами*, экспромтъ, который послѣ вставилъ онъ въ одно изъ ученыхъ своихъ сочиненій. Толпа сблизилась, когда стихи были готовы, и Ломоносовъ прочелъ вслухъ:

Случились вмѣстѣ два Астронома въ пиру,
И спорили весьма между собой въ жару.
Одинъ твердилъ: земля вертясь кругъ солнца ходитъ,
Другой, что солнце всѣ съ собой планеты водитъ.
Одинъ Коперникъ былъ, другой слылъ Птоломей.
Тутъ поваръ споръ рѣшилъ усмѣшкою своей.
Хозяинъ спрашивалъ: ты звѣздъ теченье знаешь?
Скажи, какъ ты о семъ сомнѣньѣ разсуждаешь?
Онъ далъ такой отвѣтъ: что въ томъ Коперникъ правъ,
Я правду докажу, на солнцѣ не бывавъ.
Кто видѣлъ простака изъ поваровъ такова,
Который-бы вертѣлъ очагъ кругомъ жаркова?

Громкое одобреніе наградило мгновенный прудъ униженнаго поэша. «Прекрасно! очень хорошо! безподобно!» раздавалось со всѣхъ сторонъ. Искренно или нѣтъ, Президентъ Академіи былъ въ восторгѣ, благодарилъ Профессора и соглашался, что онъ доказалъ истину своихъ словъ.

—Дай мнѣ стишки свои—примолвилъ онъ.— Я ихъ выучу наизустъ: такъ вотъ тебѣ и Астрономія!

«И мнѣ позвольте списать!» сказалъ какой-то господинъ, по видимому то-же знатный.

—И мнѣ — примолвилъ третій.

Это наконецъ раздосадовало нашего поэша. Онъ почувствовалъ свое униженіе, сдѣлавшись забавникомъ, шутомъ, паяцомъ этихъ невѣждъ, которые не знали многолѣтнихъ, поэтическихъ его подвиговъ, а теперь за дурачество, награжденное одобреніемъ вельможи, были готовы признать въ немъ великаго человѣка. Онъ отдѣлался кой-какъ отъ ихъ благодарностей, и думалъ уже ускользнуть изъ этого собранія, гдѣ становилось ему тѣсно и душно. Переходя черезъ одну залу, онъ встрѣтилъ самого хозяина, Петра Ивановича Шувалова, который, увидѣвши его, сказалъ:

— Ну, Г. Ломоносовъ! Я, право, не успѣлъ еще сказать вамъ слова. Знаете-ли? Я увѣренъ,

что мой праздникъ не пройдетъ безъ того, чтобы вы не написали на него стиховъ?... А вы какъ думаете?

«Почту за счастіе повиноваться Вашему Сіятельству,» отвѣчалъ Ломоносовъ.

— Помилуйте! это не больше какъ мое желаніе. Я такъ дорожу каждымъ произведеніемъ вашимъ, что мнѣ было-бы очень пріятно, если-бы я далъ вамъ поводъ къ новому....

Желаніе это, равносильное приказанію, довершило для Ломоносова пріятности вечера. Онъ обѣщалъ на другой-же день доставить стихотвореніе, и исполнилъ свое слово. Но возвратившись домой, и на другой день, писавши стихи на праздникъ Графа Шувалова, онъ бѣсился на самого себя, на покровителей своихъ, на цѣлый свѣтъ.

«Вотъ для чего былъ я нуженъ имъ!» думалъ онъ съ досадой. «И какъ глупо съ моей стороны, являться въ эту пеструю толпу, къ этимъ знатнымъ, которые глядятъ на меня какъ на слугу!... Проклятая необходимость!... Не льзя не угождать имъ: отъ нихъ зависитъ все, даже и добро, которое можно сдѣлать въ мірѣ.... А Президентъ нашъ!... добрый человѣкъ; но что̀ пользы отъ этой доброты, и отъ ласковости, съ какой онъ всегда встрѣчаетъ меня! И надобно-же было встрѣтиться

мнѣ тутъ съ Сумароковымъ! Я ужъ слыхалъ объ этомъ закулисномъ стихотворцѣ, который увѣряетъ всѣхъ, что онъ прежде меня началъ писать настоящіе стихи. Если стихи его такови-же какъ творецъ ихъ—толку не много. Я не повѣрилъ-бы, что въ мірѣ есть подобный ему самохвалъ, если-бъ не слышалъ своими ушами, что̀ говорилъ онъ. Но его слушаютъ, можетъ быть удивляются, и говорятъ ему такія-же лестныя слова какъ мнѣ!... Правду сказать, отобьетъ охоту писать стихи для такихъ цѣнителей. Сколько невѣждъ изъ этихъ людей, которыхъ почиталъ я выше всѣхъ другихъ!

Онъ отдалъ свои стихи Ивану Ивановичу Шувалову, и при этомъ спросилъ его о Сумароковѣ.

— Скажите мнѣ, Ваше Высокородіе! откуда взялся этотъ новый поэтъ? Я ничего не знаю о немъ, ничего не читалъ изъ его сочиненій, и хоть благодаренъ вамъ за знакомство съ нимъ, но желалъ-бы знать напередъ, что̀ это за человѣкъ?

— Сумароковъ? добрый малый! Онъ сынъ одного Генерала; воспитывался въ Кадетскомъ Корпусѣ, и еще тамъ занимался Словесностью. Теперь онъ, кажется, въ отставкѣ, и страстно любитъ театръ; написалъ уже три или четыре трагедіи, которыя и были играны Ка-

детами. Онъ хлопочетъ, чтобы Государыня Императрица удостоила посѣтишь одно изъ этихъ представленій, и если оно понравится ей, то надѣется, что она прикажетъ устроишь настоящій театръ.

«Мысль хорошая. Но каковы трагедіи его?

— Первые опыты! Впрочемъ, у насъ теперь полезно и хорошо все, что относится къ умственной дѣятельности. Театръ также необходимъ, потому что для публики нѣтъ никакихъ зрѣлищъ.

«Для этого-то и надобно желать, чтобы первые опыты были привлекательны. Я признаюсь, не жду многаго отъ Г-на Сумарокова....

— Онъ скоро издастъ свои стихотворенія. Сверхъ того, я доставлю вамъ кой-что рукописное его. Онъ пишетъ во всѣхъ родахъ, и я долженъ вамъ сказать, что онъ почитаетъ васъ своимъ соперникомъ, даже критикуетъ....

»О, такъ я уже не былъ для него новостью, и теперь понимаю, отъ чего онъ такъ грубо обошелся со мной!

— Совсѣмъ нѣтъ! у него такое обхожденіе со всѣми. Онъ любитъ похвастать, покритиковать другихъ; но, увѣряю васъ, это человѣкъ добрый и не безъ дарованій.

«Можетъ быть, Ваше Высокородіе! Только моя душа не лежитъ къ нему!

— Я пожалѣю, если вы не сблизитесь.

Этотъ разговоръ, въ которомъ Шуваловъ старался представить Сумарокова съ хорошей стороны, поселилъ, напротивъ, самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что это хвастунъ, интриганъ, завистливый человѣкъ. Прочитавши стихи и трагедіи его, онъ еще больше утвердился въ своемъ мнѣніи, потому что не видѣлъ въ нихъ ни малѣйшаго дарованія, а между тѣмъ Сумарокова похваливали, и онъ имѣлъ успѣхи на своемъ поприщѣ. Не скрытный отъ природы, Ломоносовъ громко высказывалъ свое мнѣніе, и даже встрѣчаясь съ Сумароковымъ не щадилъ его, потому что присутствіе этого человѣка производило въ немъ какое-то судорожное неудовольствіе.

Таково было начало ихъ вражды, которая вскорѣ обратилась въ ожесточенную ненависть, когда Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ и началъ открыто дѣйствовать противъ своего соперника. Это сообщество бездарныхъ непріятелей до такой степени оскорбляло Ломоносова, что онъ уже не могъ думать о нихъ безъ негодованія.

Глава IX.

Около 1747 года, когда Ломоносовъ сдѣлался Профессоромъ Академіи, это знаменитое ученое заведеніе было совсѣмъ не таково, какъ при началѣ своемъ. Тамъ засѣдали, правда, Миллеръ, Ломоносовъ, Рихманъ, Крашенинниковъ, Штелинъ, Гришовъ, Профессоры, достойные уваженія, и Адъюнкты: Поповъ, Красильниковъ, Тепловъ, люди очень хорошіе; но уже не было славныхъ въ ученомъ мірѣ именъ Эйлера, Бернулли, Делиля, Гмелина, и другихъ. Сверхъ того, Академію раздирали несогласія, раздоры, и одною изъ главныхъ причинъ была неопредѣленность занятій Академиковъ. Они были вмѣстѣ и кабинетными учеными, и классными преподавателями, и услужниками въ чуждыхъ имъ дѣлахъ, какъ уже говорили мы прежде. Регламентъ, утвержденный Императрицею въ 1747 году, мало пособилъ этому. Профессоры ссылались другъ на друга, часто

выставляли свои заслуги одинъ передъ другимъ, добивались окладовъ за свои лишнія занятія, и ссорились. Другою изъ причинъ къ ссорамъ былъ — странно сказать! — Тредьяковскій, также *Профессоръ* своей знаменитой *Елоквенціи*. Этотъ человѣкъ безпрестанно порождалъ несогласія, бранился, жаловался, не былъ доволенъ ничѣмъ и никѣмъ. Въ одномъ находилъ онъ мало ума, въ другомъ мало учености, но больше всѣхъ ненавидѣлъ, порицалъ и старался унижать Ломоносова, потому что между ними дѣло шло о самомъ щекотливомъ предметѣ, литературной славѣ! Ломоносовъ былъ поэтъ; Тредьяковскій почиталъ себя поэтомъ. Послѣ этого неудивительно, что, при злобномъ характерѣ своемъ, послѣдній изыскивалъ всѣ средства вредить первому. Онъ вмѣшивалъ въ это и своихъ товарищей: надобно было или вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовать Ломоносова, или пристать къ другой сторонѣ, потому что не льзя сказать къ партіи Ломоносова. Его партію составляли: здравый умъ, правота, дарованія, а это никогда не соединится многихъ, и слѣдовательно иногда удавалось безтолковому, желчному Тредьяковскому вооружать страсти и вредить нашему поэту, хоть не прямымъ путемъ, потому что, надобно признаться, не всегда Ломоносовъ и самъ по себѣ жилъ согласно съ своими сочленами. Пылкость часто

увлекала его въ рѣзкія объясненія, которыми не могъ онъ угодить имъ, такъ что, почти можно сказать, единственнымъ другомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Миллеръ не держался ни чьей стороны и оказывалъ совершенное хладнокровіе и безпристрастіе при всѣхъ раздорахъ, хоть составлялъ важное лицо въ Академіи, потому что былъ однимъ изъ старшихъ членовъ ея и Секретаремъ Конференціи. Историческій классъ его былъ уничтоженъ, при новомъ преобразованіи Академіи, и Миллеръ, собственно, оставался безъ мѣста; но, какъ-бы въ замѣну этого, онъ получилъ званіе Исторіографа Имперіи. Другіе почти всѣ были незначительны. Шпелинъ не являлся въ Академію, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался однимъ изъ учителей Наслѣдника Престола, Петра Ѳеодоровича, и сохранялъ только званіе Профессора; Ададуровъ также удалился, потому что его опредѣлили учителемъ Русскаго языка при Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ самаго ея прибытія въ Россію. Ломоносовъ часто жалѣлъ объ ихъ отсутствіи, потому что и тотъ и другой искренно уважали и любили его, и съ ними онъ былъ-бы гораздо сильнѣе въ Академіи.

При такомъ порядкѣ дѣлъ прошло почти два года. Жаръ къ наукѣ и поэтическій огонь не угасали въ Ломоносовѣ, но онъ тяготился сво-

сю жизнью, потому что мало видѣлъ участія, защиты, покровительства. Знатные пріятели его, особенно Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, доставляли ему нѣкоторыя удобства въ жизни и даже пріятныя минуты; но извѣстная всѣмъ благосклонность ихъ къ нему была *гласнымъ* преимуществомъ, послѣднимъ выводомъ этой пріязни, и Ломоносовъ уже вполнѣ постигалъ, какъ не надежна такая опора. Онъ видѣлъ, что его раздѣляетъ множество разныхъ отношеній со всѣми, кто изъ высшихъ сановниковъ изъявлялъ ему самую вѣжливую пріязнь. Въ своемъ семействѣ, которое составляли жена и дочь его, находилъ онъ истинную отраду отъ заботъ и огорченій; тутъ отдыхалъ онъ отъ своихъ, часто тяжелыхъ трудовъ. Но время романическихъ, пастушескихъ обольщеній уже миновалось для него. Въ доброй своей Христинѣ онъ видѣлъ милую хозяйку, добрую мать своего дитяти, любящее его существо, и самъ любилъ ее, уважалъ, гордился ею; но эта любовь уже давно потеряла для него то очарованіе, которое видѣлъ онъ въ ней когда-то, въ Марбургѣ, когда Христина въ передничкѣ пробѣгала мимо его студенческой кельи, и онъ бывалъ готовъ отдать всю жизнь свою за то, чтобы она еще разъ прошла мимо его оконъ. Это была любовь уже отчетливая, благоразумная, разсудительная, недостойная

имени любви, любовь въ чепцѣ и блузѣ, подбитая ватой, съ ключами въ рукахъ, съ рабочимъ мѣшкомъ вечеромъ, съ напоминаніями о завтракѣ по утру.... О, это была уже не поэзія, а какая-то часть хозяйства, стащья изъ книги домашняго расхода....

Что оставалось еще для утѣшенія? Дочь? но это была поэзія будущаго, прелестная игрушка, Англійскій эстампъ для глазъ, милый слѣдъ жизни прошедшей.... священный залогъ, который требовалъ попеченій, забопъ, и награждалъ за это тихими, усладительными, но спокойными ощущеніями.

Спокойствіе!... Но было-ли оно участью души, ненасытимой ощущеніями новыми, сильными, огненными? Могъ-ли влачить обыкновенную цѣпь жизни человѣкъ, находившій услажденіе только въ бурной, кипучей дѣятельности? Ни оковы классицизма, ни тяжелыя испытанія судьбы, ни счастье семейственное, ни что не исправило его, и еще меньше могло исправить что нибудь въ то время, когда онъ былъ уже въ полной силѣ мужественныхъ лѣтъ, когда характеръ его принялъ твердыя формы, когда умъ освѣщалъ для него печальную существенность, сердце было разочаровано, а онъ еще видѣлъ себя далекимъ отъ цѣли, къ которой стремился съ юныхъ лѣтъ. Часто соображалъ онъ свои труды и невольно говорилъ самъ

себѣ: «Еще какъ мало сдѣлано!» А между тѣмъ роковыя *сорокъ лѣтъ* приближались! «Я все еще только приготовляюсь: когда-же начнется пора истинной дѣятельности? Знанія, которыя пріобрѣлъ я, не больше какъ средства. Нѣсколько стихотвореній, гдѣ не могло запасть много искръ моего духа, потому что большую часть ихъ писалъ я не по волѣ — вотъ почти все, что сдѣлалъ я до сихъ поръ! Гдѣ мои открытія въ наукахъ? Гдѣ важныя преобразованія въ Словесности? У меня нѣтъ плановъ, нѣтъ намѣреній, но какъ могу я исполнить ихъ, когда безпрестанно долженъ защищаться отъ этого роя мухъ и комаровъ, которые почитаютъ себя людьми!»

И тоска невольно западала въ его душу. Онъ начиналъ опять прибѣгать иногда къ пагубному средству: забыть свои душевныя тревоги. Но онъ помнилъ до какихъ ужасныхъ обстоятельствъ доводили его эти *средства забвенія*, и только самые непріятные случаи заставляли его топить въ винѣ часы горя. Ни кто не видалъ его хмѣльнымъ, но внимательные враги замѣчали въ немъ иногда несвоственное одушевленіе. Случалось, можетъ быть, что онъ приходилъ и въ собранія Академіи не съ однимъ своимъ природнымъ огнемъ. Довольно для злобы и зависти: изъ этого сдѣлали самые оскорбительные выводы.

Однажды, когда Ломоносова не было въ засѣданіи, Тредьяковскій осмѣлился сказать:

— Товарищъ нашъ Г. Ломоносовъ не приходитъ два засѣданія сряду.

«Можетъ быть боленъ,» возразилъ ему Рихманъ, не отводя глазъ отъ бумаги, которую читалъ онъ.

— Да, это то-же болѣзнь! — съ ядовитою усмѣшкою воскликнулъ Тредьяковскій.

«Что̀ хотите вы сказать?» спросилъ Рихманъ, поглядѣвши на него пристально.

—Я думаю, вы знаете это лучше меня. Вѣдь Михайло Васильевичъ другъ вашъ!

Онъ хладнокровно взялся за перо и будто хотѣлъ что-то писать.

Но пылкій Рихманъ не далъ ему такъ легко отдѣлаться. «Если вы хотите сказать что нибудь оскорбительное для моего друга, то я долженъ вступиться за отсутствующаго, а если вы говорите съ добрымъ намѣреніемъ, то почему не выразиться яснѣе?

—Дилемма! только невѣрная дилемма! — воскликнулъ насмѣшливо Тредьяковскій.

«Я уступаю вамъ названія всѣхъ логическихъ умозаключеній, только прошу васъ воздержаться отъ обидныхъ догадокъ о моемъ отсутствующемъ другѣ.

— Я не безчещу Г-на Ломоносова: онъ самъ любитъ говорить о себѣ, что родился отъ мужика и воспитывался между медвѣдями.

«Что-же? Развѣ отъ этого онъ самъ похожъ на звѣря?

—Я не скажу вамъ, какъ говорятъ Французы: vous-y-êtes, а предоставляю дѣлать какія угодно заключенія. Я сказалъ все.

«И вы говорите это въ Академической Конференціи?» вскричалъ Рихманъ.

— Dixi! Спорить не о чемъ, а въ Конференціи нѣтъ засѣданія, потому что насъ всего трое: вы, я, да Г. Поповъ.

«Я забылъ, что для злаго языка нѣтъ ни святости мѣста, ни славы, ни самаго священнаго для человѣка: добраго его имени,» произнесъ Рихманъ въ полголоса.

Въ это время Поповъ, погруженный въ чтеніе какой-то бумаги и почти не слыхавшій спора своихъ сочленовъ, вдругъ пробудился, когда произнесли его имя, и поспѣшно спросилъ:

— Что изволите говорить?... Вы что-то сказали мнѣ?... прибавилъ онъ обратившись къ Рихману.

Тотъ не могъ не улыбнуться. Напротивъ, на лицѣ Тредьяковскаго выражалась въ это время вся злоба мелкой души; губы его дро-

жали, и онъ съ судорожнымъ движеніемъ произнесъ:

—Вы, Г. Рихманъ, говорите конечно не обо мнѣ, потому что я не сказалъ ничего несправедливаго о Г-нѣ Ломоносовѣ: онъ точно былъ мужикъ, сынъ рыбака. . . .

«Я удивляюсь,» возразилъ Рихманъ, «какое право имѣете вы поносить своего сочлена? Человѣкъ, которымъ должна гордиться Россія, потому что изъ глубины невѣжества возвысился онъ до первыхъ геніевъ въ мірѣ, этотъ человѣкъ предметъ вашихъ порицаній! . . . И за что-же? Именно за то, что составляетъ въ немъ новое достоинство: его происхожденіе! Да, это достоинство, огромное достоинство въ томъ, кому не помѣшали никакія препятствія, ни сама судьба, занять одно изъ почетныхъ мѣстъ въ Петербургской Академіи и во всемъ ученомъ мірѣ.

—А я, право, и не зналъ, что Г. Ломоносовъ такой великій человѣкъ! — возразилъ Тредьяковскій съ глупою насмѣшливостью.

Непріязненный споръ этотъ, можетъ быть, продолжился-бы еще, если-бы не пришелъ Миллеръ, и не объявилъ съ поспѣшностью, что онъ сей часъ отъ Президента, который назначилъ на другой день чрезвычайное собраніе, и обѣщалъ самъ присутствовать; что предметъ со-

вѣщанія ему еще не извѣстенъ, но что, кажется, дѣло идетъ о торжествѣ, къ которому готовится Академія, въ день восшествія на престолъ Императрицы.

«Я сей часъ посылаю повѣстки ко всѣмъ Академикамъ, а Гг. присутствующихъ здѣсь лично прошу пожаловать въ завтрашнее собраніе,» сказалъ Миллеръ.

—Вотъ то-то, Г. Рихманъ!—сказалъ Тредьяковскій. — Не худо если-бы геніи-то хоть изрѣдка посѣщали Академію.

«Да, жаль, что у насъ мало ихъ!» отвѣчалъ Рихманъ, будто не понимая его намека.

Миллеръ строго взглянулъ на разговаривавшихъ и замѣтилъ имъ, что въ присутствіи Академіи нѣтъ мѣста для двусмысленностей.

— Хорошо, что вы, Г. Конференцъ-Секретарь—сказалъ Тредьяковскій—не были здѣсь за нѣсколько минутъ: вы еще не то услышали-бы.

«Я увѣренъ, что Гг. сочлены мои приходятъ въ Академію не для ссоры,» возразилъ Миллеръ.

—Меня загонялъ-было Г. Рихманъ! А я только намекнулъ, что Г. Ломоносовъ забываетъ свою должность. . . .

«Сдѣлайте милость, Г. Профессоръ, оставьте ваши нападенія!

— . . . И что забывчивость его происходитъ не отъ хорошихъ причинъ. . . .

Миллеръ вышелъ изъ терпѣнія отъ такой злости, и сказалъ, противъ своего обычая, съ жаромъ:

—Позвольте спросить: что̀ это такое? Доносъ или только пустые пересказы?

«Это, какъ мы Русскіе говоримъ: *Всякой Еремѣй про себя разумѣй!*» отвѣчалъ съ глупымъ смѣхомъ Тредьяковскій.

—Я не знаю вашего Еремѣя—возразилъ Миллеръ—да не хочу и знать. Прошу соблюдать благопристойность.

Онъ пошелъ къ своему столику, и не говорилъ больше ни слова. Но Тредьяковскій достигъ своей цѣли: онъ высказалъ ядовитый слухъ о нестерпимомъ для него врагѣ.

На другой день засѣданіе точно было *чрезвычайное*, потому что собрались не только всѣ члены Академіи, но и Президентъ ея, Графъ Разумовскій. Онъ, по своему обыкновенію, обошелся чрезвычайно ласково со всѣми, шутилъ, острилъ, и посреди этого сказалъ:

— Ну, други!... Что-же приготовимъ мы къ торжеству нашему? Я на васъ надѣюсь, а вы на меня не извольте надѣяться. Мое дѣло похвалить васъ!

Миллеръ началъ изъяснять Графу, что прежде всего должны быть прочитаны: рѣчь, гдѣ будетъ указанъ предметъ торжества, и потомъ отчетъ объ успѣхахъ Академіи.

— За шѣмъ, Ваше Сіятельство— продолжалъ онъ — непремѣнно должны быть произнесены стихи, въ честь Августѣйшей Виновницы нашего торжества, и ученая рѣчь.

«Хорошо— отвѣчалъ Графъ.— Готовьте, готовьте все это! А кто напишетъ стихи?» Глаза всѣхъ обратились на Ломоносова. «Видно тебѣ, Михайло Васильевичъ, выпадаетъ очередь.

— Съ невыразимою благодарностью принялъ-бы я на себя и по силамъ исполнилъ этотъ трудъ, Ваше Сіятельство! — сказалъ Ломоносовъ.—Но я просилъ-бы у васъ, какъ особенной милости, позволенія произнесши Похвальное Слово Всемилостивѣйшей Государынѣ нашей. Стихи я уже писалъ на торжественный этотъ день многократно, и еще не далѣе какъ въ прошедшемъ году.

«Позвольте доложить Вашему Сіятельству,» провозгласилъ Тредьяковскій, «что Г. Профессоръ Ломоносовъ принимаетъ на себя не подлежащій ему трудъ. Онъ, какъ Профессоръ Химіи и Экспериментальной Физики, долженъ быть доволенъ и тѣмъ, что ему *позволяете* вы написать стихи; произнести-же рѣчь подлежитъ мнѣ, яко Профессору *Елоквенціи*.

—Полно, братецъ! — сказалъ Графъ смѣясь.— Куда тебѣ произносить рѣчи, когда ты и трехъ словъ не умѣешь сказать!

«Академія удостоила меня быть Профессоромъ Словеснаго дѣла,» возразилъ оскорбившись Тредьяковскій. «Я давно навыкъ Россійскому языку, и многими опытами знаніе свое доказалъ; о господинѣ-же Ломоносовѣ ни мы, ни самъ онъ сказать этого не можемъ.

Графъ не зналъ что̀ отвѣчать на это; но Миллеръ взялъ сторону Ломоносова и сказалъ Тредьяковскому:

«Вы забыли, что Г. Ломоносовъ первый на Русскомъ языкѣ издалъ, въ прошедшемъ 1747 году, *Руководство къ Краснорѣчію;* а опытность его въ Россійскомъ словѣ доказана прекрасными стихами его и учеными разсужденіями, также имѣющими видъ ораторскаго слова.

— *Руководство* Г-на Ломоносова — отвѣчалъ Тредьяковскій — есть только начальная часть Ораторскаго Искуства, и содержитъ въ себѣ одну *Риторику;* къ тому еще оно преисполнено многихъ недостатковъ. Стихи его. . . .

«Перестань-же врать, Кирилычъ!» сказалъ съ нетерпѣніемъ Графъ Разумовскій. «Ты забылъ, что надо не считаться, а подумать какъ-бы лучше прославить нашу Монархиню. Я тебѣ, братъ, не довѣрю этого. Напиши стихи, и коли одобрятъ, читай на торжествѣ. А рѣчь писать тебѣ, Михайло Васильевичъ!

Тредьяковскій умолкъ; но Миллеръ, обратившись къ Президенту, сказалъ:

—Позвольте замѣтить Вашему Сіятельству, что въ произнесеніи рѣчей Профессоры Академіи должны очередоваться, и теперь очередь не Г-на Тредьяковскаго, и не Г-на Ломоносова, а моя. Въ исполненіе устава Академіи, я уже и приготовилъ рѣчь: *О началѣ народа и имени Русскаго.*

Замѣтно было, что это показалось очень непріятно Ломоносову. Президентъ задумался также, но черезъ минуту сказалъ:

— Коли такъ, такъ и быть по твоему! Только смотри, брать: чтобы рѣчь была хороша!

Тредьяковскій съ жаромъ сталъ защищать искусство Миллера, хотя еще недавно былъ готовъ браниться съ нимъ. Онъ видѣлъ побѣду надъ Ломоносовымъ уже и въ томъ, что отниметъ у него честь произнести торжественное Слово. Впрочемъ, послѣ согласія Президента, ни кто уже и не смѣлъ оспоривать у Исторіографа его права. Рѣшили, что онъ будетъ говорить свою рѣчь.

Президентъ посмѣялся еще надъ Тредьяковскимъ, сказалъ нѣсколько шутокъ другимъ, и наконецъ съ довольнымъ видомъ примолвилъ:

— Ну, кажется расположили все?

« Если Вашему Сіятельству не угодно приказать еще чего нибудь—отвѣчалъ Конференцъ-Секретарь.

—Да конечно не угодно, потому что нечего. Только постарайтесь, господа! Пожалуста постарайтесь!... Прощайте!... Прощай, сердишный Кирилычъ!

Засѣданіе кончилось, но оно оставило самое непріятное чувство въ Ломоносовѣ къ Миллеру. Онъ забылъ, что этотъ человѣкъ всегда оказывалъ къ нему благородное безпристрастіе и даже часто являлся защитникомъ его. Онъ видѣлъ только обиду въ послѣднемъ поступкѣ своего товарища, и воображалъ, что Миллеръ съ умысломъ такъ приготовилъ обстоятельства, чтобы лишить его блистательнаго случая показать свое краснорѣчіе. Порывъ мщенія закипѣлъ въ немъ.

Когда, черезъ нѣсколько дней, Миллеръ представилъ свою рѣчь въ Академію, тамъ назначили отдать ее на разсмотрѣніе Ломоносову. Еще тутъ-же, въ засѣданіи, перебирая листы рукописи, Ломоносовъ сказалъ:

«Такъ вы, Г. Миллеръ, полагаете, что не Роксоланы, пришедшіе съ Востока, были основателями Русскаго Царства?

— Кажется, эта сказка уже довольно опровергнута Байеромъ! — отвѣчалъ Исторіографъ. — Я только подтверждаю новыми доказательствами его мнѣніе.

«Почему-же называете вы сказкою извѣстія Историковъ?

— Невѣждъ ?

« Не слишкомъ-ли строгъ приговоръ вашъ ?

—Напротивъ: слишкомъ милостивъ. Вникните въ первобытную Исторію Руссовъ, и вы согласитесь со мной.

«Откуда-же, по мнѣнію вашему, явились Руссы?

— Изъ Скандинавіи.

«То есть изъ Швеціи !

—Да, если угодно, шакъ. Но тогда еще не было Швеціи. Была Скандинавія, обитаемая смѣлыми морскими разбойниками. Вотъ вамъ основатели Русскаго Царства !

«Г. Миллеръ! Вы хотите смѣяться надъ нами?

— Я не люблю смѣяться въ ученомъ разговорѣ. Впрочемъ, не удивляюсь вашему невѣрію: это не вашъ предметъ.

«Почему-же не мой предметъ? Я знаю Исторію своего отечества не меньше чѣмъ вы.

— Любезный другъ ! Извините, если я отвѣчалъ серьёзно. Но вы заговорили о предметѣ, близкомъ къ моему сердцу.

«Онъ конечно ближе мнѣ нежели вамъ!» вскричалъ Ломоносовъ почти съ гнѣвомъ.

— О, если вы шакъ принимаете слова мои, я жалѣю, что говорилъ не иначе ! — сказалъ Миллеръ.

« Если-бы вы любили Россію, вы не стали-бы производить основателей ея отъ враговъ нашихъ, Шведовъ!

Миллеръ не выдержалъ этого нелѣпаго упрека, и отвѣчалъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ:

— Такія слова постыдны для человѣка ученаго!

«Прошу васъ не напоминать мнѣ о тѣхъ обязанностяхъ, въ которыхъ вы не можете быть моимъ учителемъ!» вскричалъ Ломоносовъ. «Вы говорите какъ иностранецъ, какъ Нѣмецъ, не признательный къ благодѣяніямъ Россіи!»

Миллеръ разсмѣялся и замолчалъ.

Это совершенно взбѣсило Ломоносова. Онъ обратился съ новыми упреками къ Миллеру, и началъ говорить грубо. Къ несчастію, въ засѣданіи не было ни кого изъ тѣхъ, которые удержали-бы его отъ этого спора, а враги его только радовались, видя что онъ выходитъ изъ себя. Наконецъ сцена перешла всѣ приличія, такъ что Миллеръ былъ принужденъ удалиться.

Поняшна причина этой сцены, самой прискорбной въ жизни Ломоносова. Онъ никогда не былъ другомъ Миллера, который, напрошивъ, оттолкивалъ его отъ себя своею холодностью. Случай, гдѣ Исторіографъ безъ намѣренія сталъ на дорогѣ и помѣшалъ ему говорить торжественную рѣчь, раздражилъ кипучій гнѣвъ поэта. Не зная злобы, онъ однакожъ былъ готовъ уязвить, оскорбить, унизить его,

и въ это самое время сполкнулся съ нимъ такъ несчастно! Тутъ въ немъ явилось уже чувство неумиримое: чувство оскорбленнаго и потомъ униженнаго самолюбія, потому что онъ не могъ возражать Миллеру ничѣмъ кромѣ обидныхъ словъ.

Краснѣя за нашего великаго соотечественника должны мы сказать, что на другой-же день послѣ своей ссоры съ Миллеромъ, онъ подалъ на него доносъ, гдѣ обвинялъ Исторіографа.... въ чемъ-бы вы думали? въ личномъ оскорбленіи?... Нѣтъ! въ оскорбленіи народной славы Россіи, въ желаніи сдѣлать это гласно, торжественно, потому что въ приготовленной для Академическаго торжества рѣчи своей, Миллеръ называлъ основателей Русскаго Царства Нордманнами, то есть Шведами, какъ пояснялъ Ломоносовъ!!

Ученый Исторіографъ доказывалъ и прежде, въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ, что Руссы были Скандинавы или Нордманны. Мнѣніе, неоспоримое нынѣ и принятое всѣми, казалось дико въ то время, когда многочисленныя вторженія Шведовъ въ Россію, и еще недавняя борьба исполина, побѣдителя Карла XII, съ Швеціею, были въ свѣжей памяти у Русскихъ, и оставили въ ихъ сердцахъ непріязненное, хотя и безотчетное чувство къ наслѣдникамъ Скандинавовъ. Кровь соотечественниковъ, про-

литая въ народной борьбѣ, оставляетъ на долго ужасный слѣдъ свой, если не на землѣ, то въ сердцахъ нашихъ, и только продолжительныя дружественныя сношенія изглаживаютъ его. Исторія обильна примѣрами для этого.

Не удивительно, что при такомъ расположеніи умовъ, доносъ Ломоносова произвелъ сильное дѣйствіе. Съ обвиненіемъ его согласились, запретили Миллеру говорить рѣчь, и узнавши, что она уже напечатана въ Латинскомъ переводѣ, отобрали всѣ печатные экземпляры ея. Бѣдный Историографъ попалъ даже въ большія хлопоты, долженъ былъ оправдываться, и едва могъ усидѣть на своихъ Профессорскихъ креслахъ. Послѣ этого непріятнаго происшествія, онъ сталъ удаляться отъ своихъ сотоварищей, и особенно отъ Ломоносова, къ которому потерялъ все уваженіе.

Горестно видѣть въ жизни великихъ людей черные поступки, и еще горестнѣе это въ жизни Ломоносова, который всегда былъ такъ чистъ, благороденъ душой! Можемъ утѣшать себя, думая, что и этотъ поступокъ его не былъ слѣдствіемъ испорченнаго сердца, злобной души. Нѣтъ, это было увлеченіе, слишкомъ продолжительное и виновное, или чувство ненависти къ *иностранцамъ*, безотчетное и даже извинительное въ то время. Ломоно-

совъ не рѣшился-бы на дѣло постыдное, если-бы понималъ его. Не льзя также предполагать въ немъ столько безразсудства, чтобы ученое мнѣніе Миллера въ самомъ дѣлѣ казалось ему народнымъ оскорбленіемъ. Нѣтъ! Онъ чувствовалъ досаду, вспыхнулъ въ спорѣ, и увлекся гнѣвомъ дальше границъ чести.

Впрочемъ, доносъ его больше повредилъ ему самому нежели Миллеру, потому что онъ лишилъ его безпристрастнаго и сильнаго защитника во всѣхъ дѣлахъ Академіи. Это было важно, однако не столько еще какъ нравственное паденіе въ глазахъ человѣка благороднаго, высокаго умомъ и сердцемъ. Ломоносовъ вѣрно чувствовалъ это; а что̀ можетъ быть тяжеле такого чувства?

Но свѣтъ и не замѣтилъ униженія нашего поэта!... Такія дѣла слишкомъ обыкновенны, слишкомъ общи, и потому скоро забыли о ссорѣ Миллера съ Ломоносовымъ, на котораго нападали за его успѣхи, за его великіе подвиги и славу, то есть именно за то, что̀ было заслуженною честію его, а этотъ поступокъ пропустили мимо глазъ. Можетъ быть, Тредьяковскій и Сумароковъ прибавили одно справедливое обвиненіе въ сокровищницу клеветъ, сказокъ и нарѣканій противъ Ломоносова; но въ ихъ успѣхъ это не могло вредить ему. Толь-

ко благородный Миллеръ совершенно отдалился отъ своего оскорбителя.

Между тѣмъ, когда рѣчь Исторіографа была уничтожена, надобно было замѣнить ее другою, и это поручили, разумѣется, Ломоносову. Еще одушевляемый гнѣвомъ, волнуемый оскорбленнымъ самолюбіемъ, онъ рѣшился написать рѣчь образцовую. Слово: *рѣшился*, здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ. Извѣстно какъ понимали иногда Искусство вообще, и Краснорѣчіе въ особенности. И теперь еще многіе почитаютъ необходимымъ для него ученость, больше нежели вдохновеніе, восторгъ. Ораторская рѣчь должна быть столько-же поэтическимъ произведеніемъ какъ *ода*, а ее *составляютъ* по хріи! Ломоносовъ поддался этому ложному понятію вѣка, наполнилъ свою рѣчь учеными раздѣленіями, множествомъ заимствованій, излишнимъ многословіемъ; но въ тѣхъ границахъ, какія онъ назначилъ себѣ, и въ тѣхъ понятіяхъ объ Искусствѣ, какія существовали иногда, его *Похвальное Слово* Елисаветѣ Петровнѣ, безъ сомнѣнія, есть произведеніе образцовое. Онъ истощилъ все, что̀ представляли ему стѣснительныя средства его, сказалъ все, что̀ сказалъ-бы иначе, если-бы одушевлялся восторгомъ. И сверхъ того, какое богатство языка, выраженій! Какая роскошь въ образахъ! Какая сила во многихъ мѣстахъ, гдѣ сверкаетъ вдохнове-

ніе истинное! По наружной отдѣлкѣ, эта рѣчь, или *Слово*, и теперь остается произведеніемъ, достойнымъ замѣчанія.

Можно вообразить какой восторгъ произвела она въ свое время, особенно въ тотъ день, когда сановитый Ломоносовъ, окруженный блескомъ торжества, въ собраніи лучшей тогдашней публики, оранорствовалъ, одушевляясь присутствіемъ знаменитыхъ людей и можетъ быть воспоминаніемъ о Цицеронѣ! Одобреніямъ, хваламъ, поздравленіямъ не было конца, и Ломоносовъ точно торжествовалъ въ этотъ день. Зависть враговъ его уклонилась и нипѣла невидимо, а искреннее удовольствіе друзей льстило его сердцу. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ взялся доставить экземпляръ рѣчи Императрицѣ, а доброжелательные сочлены просили его перевести такое блистательное произведеніе Русскаго слова на Латинскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы переслать его въ иностранныя ученыя общества.

Ломоносовъ самъ не ожидалъ такого успѣха и думалъ уже отдыхать на лаврахъ; но этимъ не кончилось его торжество.

Черезъ нѣсколько времени, когда онъ уже самъ начиналъ забывать о своей рѣчи, Шуваловъ поспѣшно прислалъ за нимъ, и встрѣтилъ радостнымъ извѣстіемъ, что Императрица приняла его рѣчь чрезвычайно благосклонно, читала

ее, и велѣла предстaвить себѣ автора, для изъявленія ему лично своего благоволенія. Разумѣется, Шуваловъ много работалъ въ этомъ случаѣ, и потому съ особеннымъ участіемъ заботился, послѣ рѣчи, предстaвить съ выгодной стороны и своего любимца. Это было уже лѣтомъ. Императрица жила тогда въ Царскомъ Селѣ, и Шуваловъ взялъ съ собой поэта. Дорогою, онъ объяснялъ ему разныя дворскія приличія, сказывалъ, какъ долженъ онъ вести себя, что̀ говорить и даже о чемъ молчать.

Сердце Ломоносова затрепетало, когда онъ увидѣлъ позлащенную крышу Царскосельскаго дворца, и особенно, когда былъ уже въ этомъ дворцѣ, блиставшемъ роскошью и великолѣпіемъ, можетъ быть невиданными прежде на Руси. Вскорѣ ему велѣли идти въ комнаты Императрицы.

Ломоносовъ привыкъ, въ домахъ вельможъ, видѣть богатство, пышность, великолѣпіе; но никогда не воображалъ, не думалъ, не подозрѣвалъ онъ ничего подобнаго тому, что̀ окружало его въ Царскомъ Селѣ на всякомъ шагу. Не говоримъ объ убранствѣ комнатъ, о золотѣ и произведеніяхъ всѣхъ Искусствъ: это можно встрѣтить часто; но во дворцѣ Елисаветы все это поражало множествомъ, роскошью роскоши, если можно такъ выразиться, и наконецъ тяготило чувства. Въ ея дворцѣ,

человѣкъ невольно смирялся передъ громадами богатствъ, которыя были разбросаны всюду, и не могъ дать себѣ отчета въ разнообразныхъ впечатлѣніяхъ своихъ. Онъ чувствовалъ себя *ниже* окружающихъ его предметовъ: вотъ все, что можно сказать и объ ощущеніяхъ Ломоносова, когда онъ смиренно шелъ по комнатамъ и заламъ, гдѣ были соединены труды милліоновъ людей.

Наконецъ онъ увидѣлъ богиню этого дворца *Тысячи и одной ночи*, повелительницу громадной Россіи. Она сидѣла на небольшой софѣ, или канапе, какъ называли тогда неудобныя мебели, замѣненныя въ наше время диванами, такъ ласково напоминающими нѣгу Востока. Когда Шуваловъ назвалъ Ломоносова, Императрица положила на столикъ свою работу, которою занималась, и сказала съ пріятною улыбкою нашему поэту:

— Я въ долгу у васъ, Г. Ломоносовъ! Вы такъ хорошо умѣете хвалить меня, а я еще ни разу не поблагодарила васъ за это. Примите-же теперь мое благоволеніе.

Она протянула къ нему руку. Растроганный Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни, и съ благоговѣніемъ прикоснулся къ рукѣ Императрицы. Онъ не соображалъ въ это время, согласно-ли этикету увлекся движеніемъ своего сердца; онъ не могъ дать себѣ отчета ни въ

однимъ ощущеніи: онъ былъ весь благодарность, благоговѣніе. Императрица замѣтила это, по видимому, съ удовольствіемъ, велѣла ему встать, и прибавила съ необыкновенною благосклонностью:

— Ваши дарованія находятъ во мнѣ справедливую цѣнительницу: я уважаю ихъ, такъ-же какъ и ваше усердіе къ распространенію славы отечества. Желая наградить оказанныя вами услуги, я, на первый случай, дарю вамъ небольшое помѣстье близъ Петербурга. . . .

Ломоносовъ снова упалъ на колѣни: онъ не могъ говорить ничего. Императрица встала и заставила его сдѣлать то-же. Обратившись къ Шувалову она произнесла смѣясь:

—А ты позаботься водворить новаго помѣщика! — Надѣюсь, Г. Ломоносовъ, что это будетъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ вашимъ — прибавила она поэту. — Вы видите, какъ пріятны мнѣ ваши труды.

«Всемилостивѣйшая Монархиня!» сказалъ Ломоносовъ преклоняя голову. « Я вознесенъ превыше всѣхъ надеждъ моихъ! Жизнь моя всегда была посвящена Вашему Императорскому Величеству. . . . но ваши непзрѣченныя милости заставятъ мою природу получить новыя силы и новое усердіе! . . .

Онъ не могъ говорить больше, да и слава Богу, потому что говорилъ не очень складно!

Но могъ-ли иначе выражаться человѣкъ въ совершенномъ смятеніи чувствъ? Не только языкъ, но самый умъ его были въ онѣмѣніи отъ того величія, къ которому приблизился онъ. Онъ точно чувствовалъ себя на пренѣмъ небѣ, гдѣ земной языкъ недостаточенъ для выраженія, а умъ уже перестаетъ быть умомъ. И надобно прибавить, что Императрица Елисавета Петровна поражала всякаго своею величественною, истинно царскою наружностію, въ которой отсвѣчивались черты Петра, украшенныя прелестію женщины. Правда, она была уже не молода въ это время, но еще сохраняла свою красоту, а выраженіе ея физіогноміи приняло новое величіе послѣ восьми лѣтъ царствованія. Елисавета поражала этимъ всѣхъ приближавшихся къ ней, и въ прекрасномъ лицѣ ея видно было столько-же твердой самоувѣренности, сколько и великодушія. Она также постигла искусство плѣнять благосклонностію рѣчей, и въ устахъ ея каждое слово казалось отзывомъ души.

—Есть-ли у васъ семейство?— спросила она у Ломоносова.

«Я женатъ, Ваше Величество, и у меня есть дочь,» отвѣчалъ онъ.

—Дочь? какихъ лѣтъ?

«Около десяти лѣтъ, Государыня!

—Я увѣрена, что вы счастливы въ семействѣ: это говорятъ ваши глаза.

«Вы, какъ божество, видите мою душу, Ваше Величество!

—Я не забуду и вашей жены— сказала Императрица.— Продолжайте трудиться, Г. Ломоносовъ, и будьте увѣрены въ моей благосклонности.

Она опять подала ему руку, которую Ломоносовъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ. Онъ удалился въ непзъяснимомъ волненіи чувствъ. Шуваловъ увѣрялъ его, что Императрица изъявила ему необыкновенную благосклонность, и что хотъ она всегда великодушна и милостива, но рѣдко видалъ онъ, чтобы она была столько милостива какъ къ нему. Онъ поздравилъ его съ этимъ и обѣщалъ на другой-же день прислать свидѣтельство о пожалованномъ ему помѣстьѣ. Это помѣстье была мыза Коровалдай, на берегу Финскаго залива.

И такъ, Ломоносовъ, помѣщикъ, осыпанный милостями Императрицы, восхищенный, счастливый возвратился изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Жена съ нетерпѣніемъ ожидала его, выбѣжала встрѣчать на крыльцо, и увидѣвши радостную физіогномію своего мужа, со слезами бросилась къ нему въ объятія. Онъ почти внесъ ее въ комнату.

«Что̀, другъ мой? что̀?» спрашивала она съ любопытствомъ женщины и съ участіемъ истиннаго друга.

—Императрица, божество!—отвѣчалъ полный восторга Ломоносовъ, и помолчавъ нѣсколько секундъ повторилъ:—Императрица божество!... я больше ничего не умѣю сказать.

Но когда чувства его нѣсколько успокоились, онъ краснорѣчиво и подробно описалъ ей свое путешествіе въ Царское Село, и все видѣнное, слышанное, чувствованное имъ. Можетъ статься, это было одно изъ самыхъ поэтическихъ вдохновеній, внушенныхъ ему обожаемою Императрицею, и если-бъ кто нибудь записалъ слова его, мы увидѣли-бы самый высокій изъ торжественныхъ гимновъ Ломоносова и самое искреннее изліяніе души его. Но какъ въ иномъ смыслѣ импровизаціи Шеридана и Мирабо, такъ и слова поэта исчезли въ нѣсномъ пространствѣ комнаты его. Только въ сердцѣ Христины осталась неизгладимая благодарность къ высокой благодѣтельницѣ ея мужа.

«Да!» сказала она. «На радости, я право и забыла, что тебя ждетъ какой-то старичекъ. Онъ пришелъ еще утромъ, и говоритъ, что зналъ тебя давно, давно; что теперь онъ опъ тебя ждетъ милости и помощи.

—Гдѣ онъ?—спросилъ быстро Ломоносовъ.—Призови его сюда.

Христина выпила и тотчасъ возвратилась провожаемая старикомъ, дряхлымъ, согбеннымъ, въ бѣдномъ, почти нищенскомъ платьѣ. Но не смотря на это измѣненіе, Ломоносовъ тотчасъ узналъ его и воскликнулъ:

—Пименъ Никитичъ!... Мой первый благодѣтель!... Боже мой!...

«Да, батюшко Михайло Васильевичъ!... Я осмѣлился....

—Сдѣлайте милость, садитесь!... Садитесь, мой добрый, старинный благодѣтель!

Пименъ Никитичъ долго отказывался занять мѣсто на указанной ему софѣ, но наконецъ Ломоносовъ усадилъ его, и между тѣмъ имѣлъ время разглядѣть. Какая перемѣна! Прежній бодрый, храбрый, самоувѣренный Пименъ Никитичъ сдѣлался старикомъ, дряхлымъ, робкимъ, угнетеннымъ нищетою.

— Много лѣтъ не видались мы съ вами, почтенный мой благодѣтель!—началъ Ломоносовъ.

«Да, батюшко, Ваше Высокоблагородіе!...

—Сдѣлайте милость, безъ титуловъ, Пименъ Никитичъ! Передъ вами я все тотъ-же Михайло Ломоносовъ, которому вы не дали замерзнуть на дорогѣ и умереть съ голоду!

«Охъ, отецъ и благодѣтель.... то есть тягостно вспомнить мнѣ, что я, по глупости, не умѣлъ.... такъ сказать цѣнить вашего талана, которымъ наградилъ васъ Господь Богъ!

— Помилуйте!... Вы судили очень хорошо; а если въ двадцать пять лѣтъ видите перемѣну во мнѣ, то этому и быть должно. Я былъ тогда мальчикъ, а теперь ужь самъ дѣлаюсь старикомъ.

«Нѣтъ, батюшко Ваше Высокоблагородіе! Я, то есть, по глупой гордости, думалъ, что могу давать совѣты вамъ.... Но Богъ смирилъ меня.... я теперь безъ куска хлѣба на старости; а васъ Господь, по своей благости, наградилъ за труды и терпѣніе!

— Я благодарю Бога за себя; но мнѣ прискорбно слышать о вашемъ положеніи....

«Да, батюшко Михайло Васильевичъ!...» сказалъ старикъ и поднялся съ мѣста; но Ломоносовъ увидѣлъ, что онъ хочетъ стать передъ нимъ на колѣни и не допустилъ его до этого.

— Что вы дѣлаете, Пименъ Никитичъ!... Ради Бога, будьте спокойны.... Нѣтъ! Я не допущу васъ терпѣть нужду. Мой кошелекъ открытъ для васъ, а сердце никогда не забывало стараго знакомца и благодѣтеля.

Тутъ онъ услышалъ отъ старика, что продолжая возить рыбу въ Москву и Петербургъ, онъ наконецъ завелъ свои *дѣлишки*, то есть уже отъ себя путешествовалъ въ столицы съ рыбою, и сначала это шло довольно удачно;

но потомъ нѣсколько лѣтъ сряду онъ терпѣлъ убытки, вошелъ въ долги, сидѣлъ за нихъ въ тюрьмѣ, и теперь выпущенъ по старости лѣтъ, и еще больше потому, что взять съ него уже нечего. Между тѣмъ жена и дочь его умерли, и теперь онъ, сирота, безпомощный старикъ, не знаетъ куда приклонить голову. Случайно услышавши о Ломоносовѣ, онъ пришелъ молить его о помощи.

Этотъ видъ нищеты и бѣдствія сдѣлалъ на Ломоносова впечатлѣніе тѣмъ сильнѣйшее, что за нѣсколько часовъ онъ былъ окруженъ всею роскошью, великолѣпіемъ, богатствомъ, какія только можетъ вообразить человѣкъ. Сверхъ того, этотъ старикъ, который въ самомъ дѣлѣ имѣлъ вліяніе на его судьбу, этотъ простонародный мудрецъ, который будто нарочно пришелъ смирить передъ истиннымъ просвѣщеніемъ, и въ простотѣ сердца признавался какъ невѣрны гаданія ума, слѣдующаго однимъ правиламъ привычки, все это страннымъ образомъ растрогало добрую душу поэта. Онъ почелъ первымъ долгомъ успокоить старика у себя дома, и вскорѣ помѣстилъ его въ одинъ изъ домовъ призрѣнія, гдѣ безпомощный увидѣлъ себя довольнымъ и даже счастливымъ. Сверхъ того, Ломоносовъ часто приходилъ навѣщать стараго знакомца, давалъ ему нѣсколько денегъ на небольшія прихоти, столько-же

необходимыя для дряхлыхъ какъ и для малолѣтныхъ дѣтей, и покоилъ его до конца жизни. Не нужно прибавлять, что Пименъ Никитичъ благословлялъ великодушнаго благодѣтеля. Утомленный своею бѣдною жизнью, онъ говаривалъ покоясь въ мирномъ углу: «Суетна мудрость человѣческая!» Можетъ быть замѣтятъ, что въ самомъ этомъ признаніи отзывалась гордость, похожая на гордость побѣжденнаго рыцаря, который вспоминаетъ о своемъ проигранномъ рашоборствѣ. Что-жь дѣлать! Человѣкъ гордъ и въ богадѣльнѣ.

На другой день послѣ поѣздки Ломоносова въ Царское Село, Шуваловъ прислалъ ему свидѣтельство на пожалованное помѣстье, и богатый эсклаважъ для жены его, отъ имени Императрицы.

Глава X.

Неужели для поэта въ самомъ дѣлѣ необходимо ободреніе? И какое ободреніе? Неужели, сохрани Богъ, деньги, или мыза, Коровалдай, или что нибудь другое, цѣнное, много значащее въ глазахъ толпы? Нѣтъ, нѣтъ! Поэты всегда отрицали это для своего генія, хотя и любили, по слабости человѣческой! Горацій славилъ Мецената какъ роскошный Римлянинъ, а не какъ Горацій, который съ такимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на весь растлѣнный Римъ! Рафаэль дорожилъ хвалами и платою земныхъ владыкъ, но геній его обиталъ въ лонѣ Властителя Небеснаго и тамъ черпалъ свои вдохновенія! Бетховенъ, отдѣленный отъ міра и общества, и несчастнымъ недугомъ своимъ, и своимъ характеромъ, конечно не думалъ о наградахъ, когда создавалъ свои дивныя симфоніи.... Поэты однакожь люди, и принадлежа одною частью своего существованія міру невѣ-

домому, другою прикованы къ землѣ, на которой необходимы и хвалы, и перемпи, и деньги. Вотъ почему они любятъ ихъ, и даже, признаемся, дорожатъ ими! Вотъ почему ошибаются тѣ, которые съ презрѣніемъ говорятъ объ успѣхахъ поэта въ свѣтѣ, или съ негодованіемъ восклицаютъ, какъ человѣкъ, высокій духомъ, радуется лишней золотой монетѣ, или отличію въ обществѣ. Они люди, милостивые государи! люди во всю свою жизнь, и только на мгновенія бываютъ поэтами.

Не удивимся-же что и Ломоносовъ повеселѣлъ, и, какъ говорится, *вырось*, послѣ торжественнаго ободренія, сдѣланнаго ему Императрицею. Онъ чувствовалъ себя тверже на занятомъ имъ мѣстѣ, когда вспоминалъ о Высокой своей Покровительницѣ; онъ воображалъ себя однимъ изъ любимыхъ дѣтей ея, и уже не съ прежнимъ смиреніемъ являлся въ золотыя палаты вельможъ. «Я также озаренъ взглядомъ ея!» думалъ онъ. Замѣчая это, можетъ быть они улыбались, или ждали, чтобы время подтвердило надежды и мечты поэта.

Однажды онъ пришелъ къ Графу Михайлу Ларіоновичу Воронцову, своему искреннему покровителю, который игралъ такую важную роль при Дворѣ Елисаветы. Графъ принялъ его, по обыкновенію, дружески, завелъ разговоръ объ Искусствахъ, и между прочимъ сказалъ:

—Да! У меня есть любопытная для васъ новость. Пойдемъ-те въ эту комнату.

Они перешли въ другую комнату, и Графъ, остановившись передъ одною картиною, сказалъ, указывая на нее:

— Вотъ предметъ достойный вниманія вашего, Г. Ломоносовъ. Это мозаическая картина.

Но уже Ломоносовъ не слыхалъ его, и явился истиннымъ поэтомъ передъ этимъ рѣдкимъ произведеніемъ Искусства. Онъ впился глазами и душой въ прекрасную картину, и только послѣ нѣсколькихъ минутъ могъ проговорить:

—Скажите, Ваше Сіятельство, откуда получили вы такое драгоцѣнное произведеніе?

«Это подарокъ Папы Климента. Я получилъ отъ него эту картину еще бывши въ Римѣ; но только недавно привезли ее мнѣ сюда. Ну, что̀ скажете вы о ней?

— Рѣдкое, высокое произведеніе! Въ немъ вижу я двоякое достоинство: самый предметъ, который изображенъ мастерски, художнически, и потомъ работа, удивительное произведеніе искусства и терпѣнія! Графъ! позвольте мнѣ тщательно разсмотрѣть эту драгоцѣнность!

«Вы знаете: ничѣмъ не льзя такъ одолжить любителя, какъ показывая участіе къ тому, чѣмъ дорожитъ онъ. А я очень дорожу своимъ собраніемъ картинъ.

— О, нѣтъ сомнѣнія, что оно прекрасно и драгоцѣнно. Только я еще не помню, чтобы какая нибудь картина произвела на меня такое впечатлѣніе какъ эта.

Картина, о которой шла рѣчь, изображала плачущаго Апостола Петра. Она въ самомъ дѣлѣ была прекрасна, но Ломоносовъ восхищался въ ней всего больше необыкновеннымъ эффектомъ самой работы, словомъ сказать, *мозаикою*. Вотъ въ чемъ заключалась тайная прелесть ея для него, потому что онъ, въ своей пламенной головѣ, тотчасъ составилъ планъ сдѣлать мозаическую картину, и для этого-то надобно было ему разсмотрѣть ее внимательно. Создать новое художество въ Россіи: эта мысль поразила его какимъ-то очарованіемъ. Онъ уже былъ творцомъ Русскаго стихотворства и почти самого языка Русскаго; онъ самобытно дѣйствовалъ въ наукахъ, и показалъ собою, можетъ быть, единственный въ Россіи примѣръ ученаго человѣка, забывающаго все для своей цѣли. Онъ во всемъ не только хотѣлъ быть, но и былъ творцомъ. Могла-ли не очаровать его мысль: утвердить въ отечествѣ своемъ и новое художество, потому что до него не имѣли у насъ понятія о мозаикѣ, тогда мало извѣстной и во всей Европѣ. Онъ намекнулъ объ этой мысли Воронцову, и тотъ съ радушіемъ пригласилъ его

приходить въ свой домъ, когда только ему вздумается, разсматривать мозаику, такъ-же какъ и всѣ другія произведенія Искусства, и заниматься ими съ домашнею свободою.

Съ этого дни началась у Ломоносова новая работа. Онъ перерылъ въ своихъ бѣдныхъ книжныхъ пособіяхъ все, что могъ найдти о мозаикѣ, и, неудовлетворенный, обращался къ картинѣ Воронцова. Тщательное разсмотрѣніе наконецъ показало ему составъ ея, и онъ началъ дѣлать опыты составленія разноцвѣтнаго стекла. Для этого понадобились и деньги, и заботы, и время. Но могли-ли какія нибудь препятствія останавливать Ломоносова? Онъ сдѣлалъ у себя небольшую печку, и отдѣляя на издержки часть своихъ умѣренныхъ доходовъ, плавилъ, лилъ, переливалъ стекла. Приходя опять къ картинѣ, онъ оживлялся новымъ вдохновеніемъ, и опять начиналъ свою работу. У него было мало досуга; но онъ работалъ въ кабинетѣ ночью, а часть дня посвящалъ мозаикѣ, имѣлъ охотницъ, что дѣло шло на ладъ. Образчики выходили у него прекрасные, совершенно похожіе на работу Итальянской картины.

Ломоносовъ могъ преодолѣть всѣ препятствія физическія; но могъ-ли онъ побѣдить упрямыхъ своихъ враговъ? Ихъ не льзя было пере-

плавлять въ печкѣ, ни разцвѣчать своимъ геніемъ: они оставались всегда одинаковы.

Надобно сказать, что въ это время Сумароковъ уже написалъ многое. Трагедіи его были играны кадетами, потомъ нѣкоторыми изъ придворныхъ, въ присутствіи Императрицы, и доставили ей удовольствіе. Это воспламенило молодаго автора, и онъ уже занимался только тѣмъ, какъ-бы устроить ему настоящій театръ. Случай вызвался въ помощники. Въ глуши, въ Ярославлѣ, сынъ Костромскаго купца, Волковъ, устроилъ театръ безъ всякихъ пособій, то есть почти своими руками сдѣлалъ подмостки, намалевалъ декорацій, набралъ акшеровъ и восхищалъ провинціяльную публику. Кто могъ-бы думать, что этотъ молодой купецъ сдѣлается основателемъ сценическаго искуства въ Россіи? Но сдѣлалось такъ! Помощниками его были люди съ истиннымъ дарованіемъ: Дмитревскій, котораго современники сравнивали послѣ съ Гаррикомъ, Поповъ, Шумской. Молва о ихъ представленіяхъ дошла до Петербурга. Сумароковъ заботился выписать ихъ, и по связямъ своимъ достигалъ этой цѣли. Отецъ его, Петръ Панкратьевичъ, былъ знатный человѣкъ, Камергеръ при Великомъ Князѣ, и Александръ Петровичъ, со своей необыкновенной смѣлостью, воевалъ храбро въ кругу современныхъ аристократовъ,

которые всячески помогали ему. Между тѣмъ онъ писалъ, даже славился какъ поэтъ, и Ломоносовъ былъ у него точно бревномъ въ глазу, потому что могущественно побѣждалъ его своимъ дарованіемъ, безъ помощи какихъ нибудь связей, и, что еще сильнѣе, смѣялся надъ его стихотворствомъ, какъ надъ безразсудною страстью.

За то, какого мщенія не изобрѣталъ противъ него Сумароковъ! Мало того, что въ обширномъ кругу своихъ знакомыхъ онъ называлъ Ломоносова невѣждой, увѣрялъ, что онъ не знаетъ *Россійскаго* языка, и силился доказать это его сочиненіями: онъ нападалъ на его нравственность, ставилъ ему въ вину простонародное его происхожденіе, любилъ повторять, что онъ *рыбачій сынъ*, прибавлялъ къ этому глупыя остроты, и трубилъ вездѣ, что Ломоносовъ человѣкъ пьяный, слѣдственно неспособный быть Профессоромъ; что, наконецъ, онъ берется за все, потому что не умѣетъ ничего дѣлать порядочно. Сумароковъ сблизился съ Тредьяковскимъ совсѣмъ не потъ сходства въ умѣ или дарованіи, которымъ далеко превосходилъ его, но отъ того, что всякій врагъ Ломоносова казался ему хорошимъ человѣкомъ. Вдвоемъ, съ помощью своихъ пріятелей, они выдумывали безконечныя сплетни про-

шивъ Ломоносова, порицали, чернили его гдѣ только могли.

Достойна вниманія ненависть, съ какою современники, бѣдные дарованіемъ, искони преслѣдуютъ людей могучихъ, сильныхъ умомъ, не только геніемъ! Но эту психологическую задачу легко рѣшить, если вникнемъ въ причины. Геній бываетъ гордъ, даже безъ сознанія въ этомъ; обширный, дѣятельный умъ всегда независимъ. И тотъ и другой не любятъ смѣшиваться съ толпой, гдѣ все основано на отношеніяхъ, на пронскахъ, и забываютъ, что тамъ есть также свои дарованія, свои умники и даже геніи, которыхъ самолюбіе не дремлетъ. Одно слово объ этихъ людяхъ, сказанное или написанное человѣкомъ превосходнаго ума, приводитъ ихъ въ ярость, потому что это слово бываетъ приговоромъ, и съ нимъ согласны не одни посторонніе, но и сами подсудимые: столько вѣренъ взглядъ сильнаго ума! Какъ-же хотите вы, чтобы не волновалась, не шумѣла, не проклинала его жалкая посредственность или бездарность, когда всѣ успѣхи ея основаны на братствѣ, поворствѣ другъ другу, отношеніяхъ, между тѣмъ какъ дарованіе идетъ своимъ, обыкновенно одинокимъ путемъ?

«Подражаетъ мнѣ! Обкрадываетъ меня!» кричалъ Сумароковъ вездѣ, когда услышалъ, что Ломоносовъ сочиняетъ трагедію *Демофонтъ*.

Любопытно и это свойство людей обыкновенныхъ, что, занимаясь какимъ нибудь предметомъ, пресмыкаясь у подножія его, они почитаютъ дерзкимъ врагомъ своимъ всякаго, кто осмѣлится взглянуть на тотъ-же предметъ съ своей стороны. Такъ Сумароковъ воображалъ, что Трагедія на Русскомъ языкѣ заповѣдное его владѣніе, и, можно представить себѣ, каково было ему слышать, что Ломоносовъ хочетъ занять и это владѣніе! Онъ былъ готовъ подать на него просьбу въ уголовный судъ, какъ на похитителя своей собственности.

А между тѣмъ и страшиться было нечего! Ломоносовъ началъ писать свою трагедію безъ всякаго внутренняго призванія, такъ-же какъ большую часть своихъ стихотвореній. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ вызвалъ его на это, видя успѣхъ трагедій Сумарокова, видя что Императрицѣ нравятся онѣ, и желая, чтобы любимецъ его былъ первымъ во всѣхъ родахъ Словесности. Но *Демофонтъ*, послѣ такого начала, не могъ быть произведеніемъ поэтическимъ. И дѣйствительно, это произведеніе больше нежели слабое: плохое. Ломоносовъ рѣшительно не имѣлъ ни сколько драматическаго дарованія, и остановился на первыхъ опытахъ. Но довольно было для новой злобы Сумарокова. Онъ почиталъ попытку его преданіельствомъ, соперничествомъ, кражею, Богъ знаетъ чѣмъ!

Между тѣмъ какъ враги преслѣдовали Ломоносова, онъ нечаянно встрѣтилъ человѣка по сердцу своему.

Въ числѣ учениковъ его былъ молодой студентъ Поповскій. Профессоръ давно замѣчалъ въ немъ острый умъ и большія литературныя способности, но еще не видалъ ни одного изъ его произведеній. Наконецъ Поповскій представилъ ему свою элегію: *Зима*. Ломоносовъ прочелъ ее, и увидѣлъ искры дарованія не поддѣльнаго. Кромѣ того, Поповскій былъ искренній почитатель Ломоносова; это сблизило ихъ еще скорѣе. Тихій, нѣжный умъ молодаго студента, и бурный, кипучій геній учителя его мирились въ любви къ Словесности.

Поповскій писалъ стихи совершенно въ духѣ Ломоносова, потому что хорошо вникнулъ въ механизмъ его стиховъ, и къ нимъ примѣнялъ свое дарованіе. Тогда не знали истиннаго пути для поэта, и думали, что подражаніе ведетъ къ совершенству. Поповскій подражалъ Ломоносову, а этотъ совѣтовалъ ему избрать другіе, славнѣйшіе образцы. «Отважьтесь переводить Горація!» сказалъ онъ ему однажды.

— Горація? — повторилъ изумленный Поповскій. — Но, Г. Профессоръ! Возможно-ли это, когда на Русскомъ языкѣ еще нѣтъ никакихъ стихотворныхъ переводовъ, и тѣмъ меньше

переводовъ такого великаго поэта какъ Горацій, удивительный образецъ совершенства! . . .

« Тѣмъ лучше : вамъ будетъ принадлежать честь перваго переводчика въ Русскомъ стихотвореніѣ !

— Но я страшусь ! . . .

«Молодой человѣкъ! Вы не знаете всей силы своего дарованія. Дѣйствуйте смѣлѣе : успѣхъ наградитъ васъ.

Ученикъ послушался учителя, и черезъ нѣсколько времени принесъ ему переводъ одной изъ одъ Горація, переводъ, разумѣется, слабый, но первый на Русскомъ языкѣ. Въ наше время почти не льзя понять великости этого подвига. Да, если сообразимъ тогдашнее состояніе Русскаго языка, на которомъ трудно было выражать самыя обыкновенныя мысли; если вспомнимъ предубѣжденіе, съ какимъ смотрѣли на древніе образцы, и взглянемъ на переводы Поповскаго, то сознаемся, что въ самомъ дѣлѣ подвигъ его былъ великъ, и что Ломоносовъ имѣлъ право поздравить молодаго стихотворца съ необычайнымъ успѣхомъ. И нѣтъ пріятнѣе для него былъ этотъ успѣхъ, что онъ видѣлъ въ немъ первый изящный плодъ своихъ трудовъ. Поповскій былъ, можно сказать, его созданіе. Онъ еще больше сталъ дорожить имъ, давалъ ему новые совѣты, и хотѣлъ чтобы Поповскій написалъ или перевелъ что ни-

будь обширное, обѣщая представить трудъ его своему покровителю Шувалову. Между тѣмъ, онъ уже обратилъ вниманіе этого вельможи на своего молодаго любимца. Шуваловъ вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, когда онъ послалъ къ нему первую эклогу Поповскаго, *Зиму*, при письмѣ, исполненномъ добродушія. «Дай Боже,» писалъ Ломоносовъ, «чтобы пре-«жестокая минувшая зимы стужа, и тяжелый «продолжительныя весны холодъ награжденъ «вамъ былъ прекраснаго лѣта пріятною тепло-«тою. А чтобы въ оныхъ дняхъ ясность и «тихость еще показалась вамъ пріятнѣе, то «должно вамъ представлять въ умѣ противное «время. Но какъ лѣто и зима вдругъ быть не «могутъ, чтобы вы сличивъ одно съ другимъ, «при строгости и скучномъ видѣ одного «могли яснѣе видѣть и выше почесть другаго «красоту, нѣжность и пріятность, для того «имѣю честь представить вамъ *Зиму* стихо-«творную, въ эклогѣ, сочиненной студентомъ «Поповскимъ. Я въ ней не поправилъ ни еди-«наго слова, но какову онъ прошедшей зимы «далъ, такъ къ вамъ и вручить честь имѣю.»

Но самое это покровительство дарованію ставили въ вину Ломоносову. Тредьяковскій, столько-же неутомимый въ преслѣдованіи его, какъ и въ своихъ тяжелыхъ, но бездарныхъ литературныхъ трудахъ, первый сталъ под-

шучивать, что Профессоръ Химіи и Физики *учитъ ребятъ* стихотворству. «А своя-то наука что-же у него?... спитъ покойнымъ сномъ!... Видно, легче заниматься пустячками, нежели своимъ дѣломъ! И пусть-бы ужъ онъ дѣйствительно былъ словесникъ, то есть учился-бы у знаменитыхъ Профессоровъ, каковъ Г. Ролленъ, и занимался Литтературой основательно, то есть переводилъ-бы отличныхъ авторовъ и самъ писалъ большія стихотворенія, каковы *пѣсмы!* А то, понисываетъ оды, и съ помощью милостивцевъ только заслоняетъ другимъ дорогу!»

Вскорѣ представился случай, который съ новою жестокостью раздражилъ Тредьяковскаго.

Онъ напечаталъ еще въ 1738 году свой переводъ Барклаевой *Аргениды;* но послѣ (въ 1750) рѣшился прибавить къ нему посвященіе Императрицѣ. Этого не льзя было сдѣлать безъ позволенія Академіи, и Тредьяковскій представилъ посвятительный листокъ въ Канцелярію Академическую. Тамъ рѣшили: отдать его разсмотрѣнію Профессорамъ Ломоносову, Крашенинникову, и Адъюнкту Попову. Ломоносовъ прочелъ посвященіе Тредьяковскаго, и вскричалъ: «Нелѣпость!... Надо выправить это, а иначе напечатать не льзя.» Съ нимъ согласились Крашенинниковъ и Поповъ, почти не

читавши ухищренныхъ фразъ Тредьяковскаго, и Ломоносовъ, подчеркнувши все, что̀ не правилось ему въ посвященіи, представилъ его обратно въ Академію, съ объясненіемъ, что оно наполнено ложными мыслями, излишнимъ ласкательствомъ и неумѣстными словами.

Можетъ быть въ этомъ приговорѣ было и пристрастіе; можетъ быть, если-бъ то-же представилъ кто нибудь другой, Ломоносовъ разсмѣялся-бы надъ невинными нелѣпостями автора, и разрѣшилъ-бы ему напечатать ихъ съ маленькими поправками. Но это былъ Тредьяковскій, и онъ хотѣлъ разсердить его.

Коварный непріятель явился въ Академію, и завелъ рѣчь объ отказѣ напечатать посвященіе его въ томъ видѣ, какъ оно представлено имъ.

— Да! посвященіе Ролленевой Исторіи? — спросилъ добродушный Поповъ.

«Не Ролленевой Исторіи, а Барклаевой *Аргениды!*» отвѣчалъ Тредьяковскій.

—Какъ *Аргениды?* А я думалъ Ролленя!...

«Стало быть вы не читали моего посвященія?» тихо спросилъ у него Тредьяковскій.

— Читалъ.... да вскользь, и ничего не понялъ.

«Отъ того и не поняли, что не читали!» возгласилъ Тредьяковскій.

Ломоносова не было тутъ, и Тредьяковскій напалъ на Крашенинникова и Попова, вынулъ

изъ кармана свое посвященіе, и просилъ ихъ показать, какія находятъ они въ немъ излишнія ласкательства и несообразности. Они защищались слабо, однакожъ указали на первыя нелѣпости, какія кинулись имъ въ глаза. Но Тредьяковскій утверждалъ, что все это заимствовалъ онъ у лучшихъ авторовъ, и что если-бы они знали иностранные языки, то не стали-бы удивляться *Россійскимъ* его фразамъ. Такое логическое доказательство разсмѣшило пропивниковъ, и они нарочно постарались разсердить его своими недоумѣніями.

Разъяренный Тредьяковскій почелъ себя глубоко оскорбленнымъ и подалъ на своихъ экзаменаторовъ просьбу, или *бумажку*, какъ говорятъ въ Судахъ. Онъ горько жаловался, что его оскорбили Профессоры Ломоносовъ, Крашенинниковъ, и Адъюнктъ Поповъ; что въ приговорѣ ихъ явно и пристрастіе и невѣжество, и что Академія могла отказать ему просто, не предавая его въ руки *подозрительныхъ враговъ*.

Эта небольшая исторія осталась безъ послѣдствій; но она еще больше разожгла вражду Тредьяковскаго къ Ломоносову, котораго винилъ онъ одного, почитая двухъ товарищей его только угодниками своего врага.

Но Ломоносову и нѣкогда было заниматься ссорой съ Тредьяковскимъ. Не прерывая всег-

дашнихъ своихъ занятій науками и Литературой, онъ посвящалъ все остальное время мозаикѣ, потому что она плѣняла его новостью и надеждами успѣха. Въ самомъ дѣлѣ, наконецъ удалось ему изготовить прекрасные образцы мозаичныхъ составовъ. Онъ привелъ ихъ въ нѣкоторое устройство, еще не имѣя возможности сдѣлать какой нибудь правильный рисунокъ, потому что нуждался и въ средствахъ и въ досугѣ для этого. Взявши нѣсколько своихъ образцовъ, онъ явился къ Графу Воронцову.

Мы увѣрены, что каждый изъ нашихъ читателей знаетъ и видалъ мозаическія произведенія, но почитаемъ не излишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ исторіи этого Искуства. Мозаикой можно назвать все, что изъ отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ частицъ образуетъ рисунокъ, пріятный для глазъ. Въ этомъ смыслѣ и наборная работа (marqueterie) есть мозаика. Но это еще не есть Искуство Изящное, для котораго необходима мысль, представленная въ изящной формѣ. Въ мозаикѣ матеріяломъ для изящной формы служатъ или цвѣтныя стеклышки, или цвѣтные камешки, изъ которыхъ художникъ образуетъ рисунокъ, картину, до такой степени похожую на обыкновенную живопись, что издали мозаическая картина также плѣняетъ нѣжностью красокъ и оттѣнковъ,

какъ и писанная на полотнѣ, масляными красками. Но мозаика имѣетъ еще свой эффектъ, и потому-то рѣдко употребляютъ ее для копій съ живописныхъ картинъ, что впрочемъ начали дѣлать только въ новыя времена, а она была извѣстна еще Древнимъ, и вѣроятно вначалѣ изобрѣтена на Востокѣ. Почти *вѣчная* прочность ея намекаетъ объ этомъ, тѣмъ больше, что у древнихъ Грековъ находимъ ее съ незапамятныхъ временъ. Когда въ Римѣ золото и мраморъ стали слишкомъ обыкновенны, тогда начали дѣлать у роскошныхъ Римлянъ украшенія по стѣнамъ и полы въ домахъ мозаическіе. Въ Византійской имперіи, этомъ бѣдномъ *мозаическомъ* обломкѣ великолѣпной картины Греціи и Рима, *мусія* или *мозаика* была въ особенной чести. Оттуда перешла она и въ древнюю Русь, гдѣ до сихъ поръ находятъ слѣды *Византійской* мусіи. Послѣ, гибло все! Наконецъ, съ возобновленіемъ образованности въ Европѣ, возродилась и мозаика. Въ началѣ 18-го столѣтія, въ Римѣ была заведена знаменитая Школа Мозаическаго Искусства, гдѣ образовались многіе художники, и прекрасныя произведенія ихъ нашли отзывъ у насъ, въ Россіи, въ душѣ поэта Ломоносова.

— Ваше Сіятельство! поздравьте меня съ успѣхомъ!—сказалъ онъ входя къ Графу Воронцову.

«Вы уже такъ пріучили насъ къ своимъ успѣхамъ, что я готовъ на слово поздравлять васъ! Но съ какимъ новымъ успѣхомъ?

— Вы побудили меня къ нему! У васъ впервые увидѣлъ я мозаическую картину, и вскорѣ самъ надѣюсь сдѣлать что нибудь подобное. Вотъ небольшое доказательство. — Онъ показалъ свои образцы, и Графъ, по видимому, пришелъ въ восхищеніе.

«Это такъ хорошо,» сказалъ онъ, «что я непремѣнно представлю Императрицѣ ваши прекрасные опыты. Оставьте ихъ у меня.

«Я покорнѣйше прошу объ этомъ Ваше Сіятельство! Если Всемилостивѣйшая Государыня наша удостоитъ милостиво воззрѣть на мои посильные труды, я увѣренъ, что Ваше Сіятельство не оставите моей нижайшей просьбы...

«Говорите, говорите! о чемъ?

— Я нуждаюсь въ пособіяхъ для своихъ опытовъ. Вамъ извѣстно, что профессорскаго жалованья едва достаетъ на прожитіе съ семействомъ. Вы виновникъ мысли, которая увлекла меня заняться мозаическою работой; будьте ходатаемъ и въ томъ, чтобы эта мысль могла быть приведена въ исполненіе.

«Даю слово, Г. Ломоносовъ! Я сдѣлаю все, что могу. Но какихъ-же пособій желали-бы вы?

— На первый случай небольшой суммы для

моихъ опытовъ, которые, какъ сами Ваше Сіятельство изволите видѣть, стоятъ пожертвованія. А потомъ, если эти опыты подтвердятъ мои ожиданія, я желалъ-бы имѣть привиллегію на производство мозаическихъ работъ, чтобы кто нибудь не воспользовался моими трудами и не лишилъ меня справедливаго вознагражденія за эти труды.

«О, съ этой стороны вы можете быть спокойны. У насъ не такъ-то скоро принимаются за то, чего не дѣлывали прадѣды. Пройдетъ сто лѣтъ, и вѣрно еще никого не будетъ на этомъ изъ вашихъ пушей. Впрочемъ, я исполню вашу просьбу, и, надѣюсь, не безъ успѣха. Только не оставляйте своихъ опытовъ.

—Къ этому не нужно поощрять меня, Ваше Сіятельство! Мозаика теперь одно изъ любимыхъ моихъ занятій. Враги мои и такъ говорятъ, что я занимаюсь ею слишкомъ много.

«Не слушайте этихъ глупцовъ! Идите своимъ путемъ, Г. Ломоносовъ!

Графъ подробно распросилъ его объ исторіи мозаики, о его опытахъ, о составахъ, употребленныхъ имъ, словомъ, обо всемъ, чтобы объяснить все это Императрицѣ. Наконецъ онъ взялъ образцы, обѣщаясь при первомъ благопріятномъ случаѣ показать ихъ Императрицѣ, и при этомъ испросить у нея пособій для Ломоносова.

Оживленный одобреніемъ и обѣщаніями Графа, поэтъ съ новымъ жаромъ приступилъ къ своимъ работамъ. Опыты его сдѣлались болѣе и болѣе удачны, такъ что наконецъ онъ желалъ-бы произвести что нибудь *цѣлое*, и, къ досадѣ, у него не доставало для этого способовъ. Онъ ждалъ вѣстей отъ Воронцова.

Глава XI.

Прошло нѣсколько недѣль; отвѣта отъ Воронцова не было. Ломоносовъ не хотѣлъ, если-бы и могъ, напомнить ему о себѣ. Поэтическія мечты его остывали, а въ существенности онъ встрѣчалъ безпрестанно новыя непріятности. Секретаремъ Академіи былъ тогда Сергѣй Савичъ Волчковъ, человѣкъ дѣльный, трудолюбивый, переводчикъ множества книгъ, но тупой въ понятіяхъ и больше склонный къ партіи Тредьяковскаго нежели Ломоносова, который не любилъ его и называлъ *подъячимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, Сергѣй Савичъ соблюдалъ во всемъ формы, и безъ протокола, безъ записки въ регистратуру не соглашался отдать приказа ни одному сторожу. Нетерпѣливый Ломоносовъ, напротивъ, часто требовалъ исполненія такихъ предметовъ, которые были даже не во власти Секретаря. Иногда въ лабораторію надобно было купить какой нибудь сна-

рядъ, въ Физическомъ Кабинетѣ починитъ машину, въ аудиторіи сдѣлать поправку, и онъ прямо приходилъ въ канцелярію съ требованіемъ.

— Благоволите подать бумажку! — говорилъ смиренно Волчковъ.

«До того-ли, братецъ, мнѣ! Напиши самъ, или исполни свои приказные обряды послѣ, а я теперь-же велю сдѣлать что надобно.

— На свою отвѣтственность, Михайло Васильевичъ!

«Какъ на свою отвѣтственность? Да вы тотчасъ взведете на меня Богъ знаетъ что!

—Помилуйте!

«Да, братецъ. Если-бы у васъ въ канцеляріи не было такого крючкотворства, иное дѣло! А то, вы-же съ Тредьяковскимъ уцѣпитесь за меня. Сдѣлай это поскорѣе, Сергѣй Савичъ.

Но проходилъ день, проходили дни, и все оставалось какъ было. Разсерженный Ломоносовъ прибѣгалъ въ другой, въ третій разъ съ своимъ требованіемъ, и начиналъ наконецъ браниться. Требованіе его исполняли, но непріязнь сочленовъ усиливалась; многіе изъ нихъ бѣгали отъ него, какъ отъ человѣка безпокойнаго, и дѣла отъ этого шли не лучше.

Въ огорченіи, Ломоносовъ рѣшился написать къ И. И. Шувалову. Упомянувши, что Графъ

Воронцовъ взялъ образцы мозаики для поднесенія Императрицѣ, онъ прибавилъ въ своемъ письмѣ: «При которомъ случаѣ, ежели Вашему «Превосходительству не противно, всепокор- «но прошу постараться о моемъ нижайшемъ «прошеніи, чтобы мнѣ, имѣя случай и способы, «удобнѣе было производить въ дѣйствіе мои «въ наукахъ предпріятія, ибо хотя голова «моя и много зачинаетъ, да руки однѣ, и хотя «во многихъ случаяхъ можно-бы употребить «чужія, да приказать не имѣю власти. За без- «дѣлицею принужденъ я много разъ въ канце- «лярію бѣгать и подъячимъ кланяться, чего я, «право, весьма стыжусь, а особливо имѣя та- «кихъ какъ вы патроновъ. Нѣтъ ни единаго «дня, въ который-бы я не упоминалъ о вашей «ко мнѣ милости и ею-бы не радовался. Одна- «ко нѣтъ ни единаго моего въ Академію пріѣ- «зда, въ который-бы я не удивлялся, что она, «имѣя въ себѣ сына отечества, котораго вы «любите и жалуете, не можетъ много дожить, «чтобы онъ отвратилъ отъ ней всѣ черезъ 25 «лѣтъ бывшія всѣмъ успѣхамъ и должнымъ быть «пользамъ препятствія.»

Ломоносовъ скорбѣлъ такимъ образомъ не за одного себя, но и за Академію. Въ самомъ дѣлѣ, 25 лѣтъ прошло отъ ея основанія, и она не только не расширила круга своихъ дѣйствій, но и окружилась еще приказными обряда-

компатами означены фирмою буквъ изъ Цянь-цзы-вынь, что̀ значитъ 1000 буквъ, исключая буквъ: *Небо*, *Государь*, *Императоръ*, *Мынъ-цзы*, *числительныхъ знаковъ* и буквы *Хуанъ*, Августѣйшій. Подъ каждою буквою сто нумеровъ. Бумага для сочиненія и переписки задачь разносятся по нумерамъ. Въ отвѣтахъ на политическія задачи и въ стихахъ дозволяется прибавлять и поправлять; но въ концѣ тетради должно означить, сколько буквъ прибавлено, или поправлено. Черновыя и бѣловыя тетради подаются вмѣстѣ. Прозваніе съ именемъ на бѣловыхъ заклеивается бумажкою въ особой камерѣ. Фирма на обѣихъ тетрадяхъ ставится одинаковая. Съ черновыхъ снимаютъ копіи, въ которыя не вносятъ только прибавленныхъ и поправленныхъ буквъ. Сіи копіи поступаютъ на разсмотрѣніе экзаминаторовъ и ихъ помощниковъ. Разсматриваніе задачь производится въ назначенной камерѣ, а уносить въ свои комнаты не дозволяется. Сей порядокъ есть общій для испытанія по всѣмъ губерніямъ.

Предъ дворцовымъ испытаніемъ письмоводителямъ, назначеннымъ для переписки задачь, не дозволяется проводить ночь въ Государственномъ кабинетѣ, въ Палатской конторѣ чиновъ и въ домѣ Историческаго общества (*), дабы чрезъ сіе отнять средства къ развѣдыванію и порученіямъ. Отрядъ гвардіи содержитъ караулы за

(*) Сіи мѣста суть ближайшія къ тронной, въ которой производится испытаніе.

пылкій характеръ его: могъ-ли онъ ужиться съ тѣми, которые притѣсняли его, когда онъ еще не участвовалъ въ занятіяхъ Канцеляріи? Это послужило для него только новымъ источникомъ непріятностей.

Но за всѣмъ тѣмъ, когда Шуваловъ возвратился въ Петербургъ, онъ спѣшилъ къ нему, изъявить свою искреннюю благодарность.

—Я не знаю, Ваше Превосходительство, какъ мнѣ благодарить васъ! — сказалъ растроганный Ломоносовъ, когда Шуваловъ дружески поцѣловалъ его, и взявши подъ руку началъ ходить съ нимъ по комнатѣ.

«За что, любезный Михайло Васильевичъ?

— Развѣ не по вашему ходатайству награжденъ я чиномъ Коллежскаго Совѣтника?...

«Вы забываете о своемъ Президентѣ,» сказалъ Шуваловъ усмѣхаясь.

— Ваше Превосходительство! Нашъ Президентъ совершенно забылъ Академію. Особенно съ тѣхъ поръ какъ онъ сдѣлался Малороссійскимъ Гетманомъ, владѣльцемъ Батурина, Ямполя, и множества тысячъ крестьянъ. . . .

«Ну? что-же?

—Досугъ-ли ему заниматься нами? Впрочемъ, Графъ Кириллъ Григорьевичъ честный человѣкъ, и, не смотря на свою молодость, исполненъ прямой ревности къ добру!

«А! вы боитесь, чтобы я не пересказалъ ему первыхъ вашихъ словъ?» сказалъ Шуваловъ засмѣявшись.

—Позвольте мнѣ кончить свою рѣчь. Да, онъ человѣкъ честный; но.... Ваше Превосходительство пріучили меня говорить съ вами откровенно.... Онъ не на своемъ мѣстѣ.

«Это правда!» сказалъ Шуваловъ, принявши важный видъ. «Я самъ люблю Графа за его доброту и умъ, но думаю, что Президентство для него только почетный шпицъ, между тѣмъ какъ оно, это важное мѣсто, требовало бы человѣка дѣятельнаго, неусыпнаго въ исполненіи своей должности.

— А Графъ большую часть времени живетъ въ отсутствіи; да и здѣсь почти никогда не вспоминаетъ о своемъ Президентствѣ.

«Ну!... оставимъ это. Скажите лучше, какъ у васъ теперь идутъ дѣла въ Академіи?

—Ваше Превосходительство! могутъ-ли они идти хорошо при нынѣшнемъ устройствѣ Академіи? Канцелярія владѣетъ у насъ всѣмъ....

«Канцелярія?... Но вы сами теперь членъ ея?...

—И совсѣмъ не благодарю васъ за это, если по вашей милости пала на меня такая честь!

«Прекрасно, Михайло Васильевичъ!... Но, шутки въ сторону: почему-же не примешесь вы за своихъ сочленовъ?

«Что я могу съ ними сдѣлать? Мы только ссоримся, потому что не соглашаемся другъ съ другомъ ни въ чемъ. Я окруженъ тутъ своими непріятелями, такъ-же какъ въ Академіи, и только съ той разницей, что къ нимъ присоединена цѣлая свора подъячихъ!

—Но значатъ-ли что нибудь эти подъячіе!

«Больше нежели полагаете, Ваше Превосходительство! Они связываютъ намъ руки на всякомъ шагу.

— Жаль!

«Я давно ходатайствовалъ у Вашего Превосходительства о новомъ уставѣ для Академіи....

— О, теперь это невозможно! Необходимо еще нѣсколько времени.... Императрица имѣетъ мысль основать одно высшее учебное заведеніе; надобно подкрѣпить это; а вдругъ требовать многаго, значитъ не получить ничего.

«Заведеніе, о которомъ вы упомянули, не есть-ли....

— Университетъ въ Москвѣ.

Ломоносовъ чуть не вспрыгнулъ отъ восхищенія.

«Въ самомъ дѣлѣ, Ваше Превосходительство?

— Да, но объ этомъ прошу васъ не говорить никому. Можно испортить все, если начнемъ преждевременно разсуждать вслухъ о такомъ

предпріятіи, которое существуетъ еще въ мысли.

«Во мнѣ вы можете быть увѣрены.... О, какое великое дѣло совершится для Россіи!... Неужели я доживу до того времени, когда въ древней Москвѣ будетъ воздвигнутъ этотъ храмъ наукъ!

— И, можетъ быть, вамъ-же придется быть зодчимъ его. Когда надобно будетъ дѣйствовать, я обращусь къ вамъ со многими запросами.

«О, Ваше Превосходительство! Какія предначертанія давно таятся въ умѣ моемъ!... Впрочемъ, надобно знать, то-ли будетъ нашъ Университетъ, что̀ привыкъ я разумѣть подъ этимъ словомъ.

—Я думаю, потому что онъ будетъ образованъ точно по примѣру иностранныхъ. Только все еще рано говорить объ этомъ.

Помолчавъ немного, Шуваловъ прибавилъ:

—Послушайте, Г. Ломоносовъ! Я хочу обратиться къ вамъ съ просьбой, потому что не смѣю назвать этого совѣтомъ.

«Что̀ такое, Ваше Превосходительство?

— Вы, кажется, много занимались Россійской Исторіей?

Непріятное чувство шолкнулось въ сердце Ломоносова. Однакожъ онъ довольно спокойно сказалъ:

«Точно такъ, я занимался ею въ юныхъ своихъ лѣшахъ; но я уже давно отсталъ отъ этого предмета.

— Почему-же опять не заняться вамъ имъ? Я убѣжденъ, что въ Россіи нѣтъ человѣка, способнѣе васъ для этого. Мы не имѣемъ Исторіи своего отечества, и кажется еще долго не будемъ имѣть. Сужу потому, что знаю кто и какъ занимается ею. Напримѣръ Миллеръ! Человѣкъ съ большими свѣдѣніями, трудолюбивый, изыскательный; но онъ вѣчно останется съ своими замѣшками, вѣчно будетъ собирать, записывать, и не произведетъ ничего цѣлаго. Намъ не то надобно! Намъ надобно полную Исторію, написанную хорошимъ перомъ. И что, если-бы вы написали ее?

«Ваше Превосходительство! Теперь я не могу отвѣчать вамъ ничего. Позвольте мнѣ подумать, сообразить свои средства и силы.

—О, ихъ достанетъ у васъ; пособія будутъ вамъ даны, какія хотите. Надобно только доброе ваше желаніе.

— Не даю слова, и не отказываюсь. Черезъ нѣсколько дней буду имѣть честь явиться къ вамъ съ обѣщаніемъ или извиненіемъ.

Ломоносовъ не хотѣлъ сознаться, не только Шувалову, но и самому себѣ, что Россійская Исторія не его предметъ; не хотѣлъ особенно

послѣ ссоры съ Миллеромъ, къ которой была она безвинным поводомъ. Желая угодить своему благодѣтелю, онъ возобновилъ въ памяти прежнее, перелистовалъ нѣсколько книгъ, и тотчасъ началъ сочинять планъ. Запутанность всѣхъ путей на этомъ поприщѣ, необработанные, невѣрные матеріялы, и самая огромность труда заставили его сначала задуматься. Онъ увидѣлъ, что хаосъ Русской Исторіи требуетъ большихъ предварительныхъ занятій, и рѣшился прежде всего написать Лѣтопись, то есть хронологическое указаніе событій. Это могло служить для него самого пріуготовительнымъ ознакомленіемъ съ источниками Русской Исторіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ показать Шувалову, что онъ готовъ исполнять его волю.

Черезъ нѣсколько дней онъ принесъ къ нему свой планъ занятій Русскою Исторіею. Шуваловъ долго вникалъ въ него, разсуждалъ о немъ, и наконецъ одобрилъ всѣ предположенія своего любимца. Какъ будто мимоходомъ, кстати, онъ просилъ его написать нѣсколько надписей къ прозрачнымъ картинамъ при будущей иллюминаціи. Ломоносовъ уже привыкъ работать по заказу, и потому безъ удивленія, даже съ удовольствіемъ принялъ на себя и этотъ заказъ. Но возвращаясь отъ Шувалова домой, онъ почти съ досадой подумалъ, что отъ него безпрестанно требуютъ новыхъ услугъ, а сами

не хотятъ исполнить небольшой просьбы о пособіи въ мозаическихъ работахъ. Покровитель его даже не упомянулъ объ этомъ, хотя онъ уже давно просилъ его быть заступникомъ своимъ у Императрицы.

Занятія Русскою Исторіей были для него скучны, даже непріятны, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого призванія къ Исторіи вообще. Во-вторыхъ, ссора съ Миллеромъ не могла не оставить на душѣ его черной тѣни, и предметъ, который всякій разъ напоминалъ ему нехорошій поступокъ, отъ этого самаго казался еще нягостнѣе. Наконецъ, онъ покидалъ для нелюбимаго занятія свои задушевные труды. О! послѣ этого могла-ли двигаться его Русская Исторія? Нѣтъ! онъ продолжалъ изысканія надъ нею, но продолжалъ какъ поденьщикъ заданную работу. Не льзя не прибавить, что всякая Наука, всякое Искуство, необходимо требуетъ *всего* человѣка, то есть исключительнаго занятія его однимъ предметомъ, а Ломоносовъ засѣдалъ въ Академіи, въ Канцеляріи, читалъ лекціи, трудился надъ разными диссертаціями, почти безпрестанно писалъ по заказу стихи, рѣчи, и еще долженъ былъ дѣлить свои часы между нѣсколькими Науками и Искуствами! Такъ въ 1751 году онъ написалъ и произнесъ *Слово о пользѣ Химіи*, работалъ

надъ Русскою Граммашикою, изслѣдывалъ электричество, и наконецъ забывалъ и Исторію и все для своей Мозаики. Впрочемъ, онъ отдыхалъ за нею, радовался своими успѣхами, и жалѣлъ только, что у него мало средствъ для обширныхъ работъ мозаическихъ: онѣ требовали денегъ.

Признательность къ Шувалову не удерживала его иногда отъ нетерпѣливыхъ движеній. «На что̀ дали они мнѣ этотъ чинъ Коллежскаго Совѣтника!» думалъ онъ. «Лучше было обратишь вниманіе на Мозаику, это невѣдомое у насъ Искусство, для котораго нѣтъ у меня средствъ. Иванъ Ивановичъ очень добръ, привѣтливъ; а что̀-бы ему замолвить слово за нее! Онъ навязалъ на меня Россійскую Исторію. Но я чувствую, что не созданъ для нея, и отъ того она идетъ у меня такъ вяло. Напротивъ, сколько прекраснаго сдѣлалъ-бы я для моего Искусства!»

Эти жалобы однакожь были только доказательствомъ, какъ любилъ онъ новое свое занятіе. Посреди всѣхъ трудовъ, препятствій и недостатка въ средствахъ, онъ продолжалъ свои опыты. Безпрестанно получая благоволенія и подарки за свои стихи и рѣчи, онъ писалъ ихъ не-хотя, можно сказать *по должности*, потому что хотя и не имѣлъ званія *поэта увѣнчаннаго* (poëta laureatus), однако былъ

монгольскаго и маньчжускаго. Сіе упражненіе въ языкахъ усвоено Маньчжурамъ, Монголамъ и Китайцамъ осьми знаменъ. На испытаніе допускаются такіе ученики, которые живутъ въ Пекинѣ въ третьемъ колѣнѣ, т. е. коихъ дѣды переселены были въ Пекинъ. Испытаніе въ переводахъ нѣсколько отлично отъ испытанія въ китайской словесности.

VII. Церемонія при полученіи степени магистра.

Церемонія при полученіи степени магистра заключаетъ въ себѣ три обстоятельства: *утвержденіе новыхъ магистровъ, угощеніе ихъ и благодареніе, приносимое ими въ храмъ мудреца Кхунъ-цзы.*

Предъ объявленіемъ кандидатовъ, получившихъ на дворцовомъ испытаніи степень магистра, становятъ два стола: одинъ въ тронной Тхай-ходянь, другой предъ троною на красномъ крыльцѣ. Одинъ министръ и президентъ Обрядовой палаты становятся внѣ тронной, на восточной сторонѣ подъ свѣсомъ. Князья и вельможи дежурные, чтецы и разные чиновники, бывшіе при испытаніи, становятся позади церемоніяльнаго кортежа, у восточнаго крыльца; кандидаты становятся отъ кортежа на югъ по обѣимъ сторонамъ. Три чиновника, для трехъ передачъ приказовъ, порозь становятся по церемоніялу (*). Лишь только

(*) Глашатаи имѣютъ мѣсто, опредѣленное имъ общимъ церемоніяломъ придворныхъ собраній.

Самъ Шуваловъ былъ въ этомъ отношеніи *оригиналомъ*, почти чудакомъ, и только силою своихъ родственниковъ, Графовъ Шуваловыхъ, могъ являться заступникомъ посторонихъ для него дѣлъ и людей. Ломоносовъ рѣшился и въ этомъ случаѣ обратиться къ нему. Онъ описалъ ему свое положеніе искренно: ободрительный взглядъ Императрицы былъ для него конечно величайшею наградою, но для продолженія опытовъ, для дальнѣйшаго усовершенствованія мозаики, были необходимы вещественныя пособія, то есть деньги, и привиллегія на заведеніе фабрики мозаическихъ работъ. Безъ привиллегіи, могли воспользоваться его же трудами, и тогда, въ награду за нихъ, онъ получилъ-бы только убытокъ.

Шуваловъ отвѣчалъ на это письмо, можетъ быть искренними похвалами дарованіямъ, учености, трудолюбію Ломоносова. Одобряя всѣ предположенія его, онъ обѣщался исходатайствовать ему и денежное пособіе, и привиллегію; но тутъ-же, въ видѣ совѣта, говорилъ, что лучше-бъ было ему заняться прилежнѣе Исторіею Русскою, такъ, что даже оставить для нея, хоть на время, и Физику, и Химію, и Мозаику.

Это взбѣсило нашего поэта. Въ первомъ пылу досады на людей, слишкомъ худо понимающихъ его, онъ хотѣлъ отвѣчать, что уже до-

вольно работаетъ по заказу; что это убиваетъ его способности, и что ему легче отказаться отъ всѣхъ покровителей, нежели оставить любимыя занятія свои для изобрѣтаемыхъ чужими разсчетами; короче, не переступая за границы понятій своего вѣка, онъ хотѣлъ-бы выразить ту мысль, что поэтъ не воленъ въ выборѣ своихъ занятій, своихъ одушевленій, своихъ поэтическихъ трудовъ. Но размышленіе усмирило его; смиренный характеръ вѣка побѣдилъ пылкость души; однако вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ онъ Шувалову: «Что-жъ до другихъ моихъ въ Физикѣ и Химіи «упражненій касается, чтобы ихъ вовсе по- «кинуть, то нѣтъ въ томъ ни нужды, ниже «возможности. Всякъ человѣкъ требуетъ себѣ «отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ «настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или «съ домашними препровожденія времени кар- «тами, шашками и другими забавами, а иные «и табачнымъ дымомъ, отъ чего я уже давно «отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ «ничего кромѣ скуки. И такъ уповаю, что и «мнѣ на успокоеніе отъ трудовъ, которые я «на собраніе и на сочиненіе Россійской Исто- «ріи и на украшеніе Россійскаго слова пола- «гаю, позволено будетъ въ день нѣсколько ча- «совъ времени, чтобы ихъ вмѣсто бильярду «употребить на физическіе и химическіе опы-

« ны, которые мнѣ не токмо отмѣною мате-
« ріи, вмѣсто забавы, но и движеніемъ вмѣсто
« лекарства служить имѣютъ, и сверхъ сего
« пользу и честь отечеству конечно принести
« могутъ, едва-ли меньше первой.... Что-жъ
« до окончанія моего всепокорнѣйшаго проше-
« нія надлежитъ о фабрикѣ, то не думайте,
« милостивый государь, чтобы она могла мнѣ
« препятствовать, ибо тѣмъ оканчаются всѣ
« мои великіе химическіе труды, въ которыхъ
« я три года упражнялся, и которые безплодно
« потерять мнѣ будетъ несносное мученіе, и
« много большее препятствіе, нежели отъ са-
« михъ оныхъ опасаться должно. »

Негодованіе на людей, не постигающихъ важности его занятія, нѣсколько времени пало-сь въ душѣ Ломоносова, и наконецъ онъ рѣ-шился написать Шувалову, въ стихахъ, *Письмо о пользѣ стекла*. Въ этомъ сочиненіи нѣтъ поэ-тическихъ порывовъ, но есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ одушевленіе. Кажется, ясно видишь Ломоносова, занятаго своею мыслью о мозаи-кѣ, и въ звонкихъ стихахъ объясняющаго сво-ему покровителю, что не надобно презирать искусства, какъ-бы ни казалось оно ничтожно при первомъ взглядѣ.

Онъ былъ въ это время очень друженъ съ Профессоромъ Шпелинымъ. Однажды, почтенный Профессоръ навѣстилъ своего пріятеля, и на-

шелъ его въ непонятномъ для спокойнаго ума расположеніи. Разговоръ завязался о поощреніяхъ и наградахъ, которыя такъ часто получалъ Ломоносовъ, и Шпелинъ отъ чистаго сердца радовался *счастію* его.

« Счастію! » воскликнулъ Ломоносовъ. « Г. Профессоръ! я не желаю вамъ этого счастья.

— Но, Г. Ломоносовъ, чего-же недостаетъ вамъ? Вы уважаемы, почтены отъ всѣхъ; наградъ у васъ много!...

« Что называете вы наградами? Чины? деньги? ласковыя слова?

— Я не знаю, если это не награды, то какъ-же назвать ихъ?

« Да, для толпы конечно нѣтъ ничего выше! Но мы съ вами должны понимать вещи не простонароднымъ умомъ. Для меня было-бы величайшею, единственною наградой, если-бы меня поняли, оцѣнили мои занятія, отдали справедливость моимъ трудамъ.

— Но Графъ Петръ Ивановичъ, Графъ Михайло Ларіоновичъ, Графъ Кириллъ Григорьевичъ, и множество другихъ, знаменитыхъ и почтенныхъ особъ, развѣ не отдаютъ вамъ справедливости?

« Нѣтъ!.,. повторяю: нѣтъ!... Я очень дорожу одобреніемъ, особенно нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ, но желалъ-бы видѣть что-то иное. Знатные люди не цѣнили дарованій и

заслугъ ученыхъ. Они исполняютъ благородную обязанность, когда хвалятъ ихъ; но такъ-же хвалятъ они заслуги какого нибудь Воеводы, какого нибудь Поручика въ полку. Я хорошъ для этихъ людей, какъ полезный членъ Государства, а не какъ ученый и литераторъ. Понимаете-ли вы теперь, чего хочу я?

— Понимаю, понимаю! Вы хотите одобренія. . . .

« Участія, Г. Профессоръ, участія! Что̀ мнѣ въ одобреніи? Я самъ знаю, что не современники такъ потомки одобрятъ мои труды и заслуги; но я желалъ-бы, какъ лучшей награды, участія, сердечнаго участія современниковъ.

— Но умные люди и такъ всѣ на вашей сторонѣ.

« О, это было-бы слишкомъ много; это даже невозможно. Умные люди обыкновенно самые упрямые люди, и чтобы расшевелить ихъ сердца, надобно покорить ихъ, изумить необычайнымъ. И тутъ еще сомнительно чтобы они полюбили такого покорителя!

« По крайней мѣрѣ вы вѣрите дружбѣ немногихъ, истинно любящихъ васъ?

— Безъ сомнѣнія; но эти любили-бы меня, если-бъ я и не былъ Профессоръ, ученый, литераторъ; мы и говоримъ объ участіи не къ человѣку, а къ его занятіямъ.

« Такъ я, право, не понимаю чего хотите вы, и повторю, что умные люди уважаютъ васъ, знатные цѣнятъ ваши заслуги; сама Императрица. . . .

— Не употребляйте всуе этого священнаго имени! Я благоговѣю къ Императрицѣ, личной моей благодѣтельницѣ; но она, можетъ быть, одна вполнѣ награждаетъ меня своимъ милостивымъ воззрѣніемъ.

— А благодѣтельные вельможи ея?

Ломоносовъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ сложивъ руки и отвѣчалъ:

« Да, они конечно благодѣтельны; только встрѣчи съ ними бываютъ иногда горьки для меня.

Шпелинъ съ изумленіемъ поглядѣлъ на него.

« Да, Г. Профессоръ!... Знаете-ли, что они смотрятъ на насъ какъ на дѣтей, которыхъ надобно ободрять за прилежаніе и хорошее поведеніе?... А награды ихъ!... Одобренія! награды!... Смѣшно и вспомнишь, за что иногда хвалятъ и награждаютъ они!... За какіе нибудь стишонки, кой-какъ написанные! за слово, красно сказанное!... А истинныя заслуги всего чаще остаются не замѣченными.

Добрый Шпелинъ почти вышелъ изъ терпѣнія отъ этихъ нападковъ на цѣлый свѣтъ, и сказалъ полу-иронически:

— А все-таки лучше что̀ нибудь, чѣмъ ничего!

« Вотъ это такъ!... Нищему и копѣйка дорога̀. Но если-бъ знали вы, чего требуютъ отъ меня!... Почти половина моихъ занятій противъ воли. Русская Исторія, стихи, канцелярскія каверзы, разныя отношенія и вздоры поглощаютъ слишкомъ много моего времени. Я не имѣю ни досуга, ни свободы заняться чѣмъ-бы хотѣлъ; занимаюсь урывками, кой-какъ, часто безъ всякихъ пособій. Можно-ли ждать, можно-ли требовать отъ меня чего нибудь великаго? Да, если потомки скажутъ: Ломоносовъ мало сдѣлалъ! пусть развѣдаютъ они, какъ занимался обвиняемый ими Ломоносовъ.

— Но, вы все-таки дѣлаете, и еще сдѣлаете много хорошаго.

« Можетъ быть! Молю объ этомъ Бога! Но до сихъ поръ я еще только гошовлюсь.

— О, помилуйте, Г. Ломоносовъ!

« Да, любезный Профессоръ!... Много, слишкомъ много препятствій для всѣхъ моихъ начинаній. Мнѣ хочется охватить міръ, а меня заставляютъ обнимать пылинку!... »

Въ это время явился Поповскій. Онъ привелъ съ собой молодаго человѣка, пріятнаго наружностью и обращеніемъ.

« Позвольте, » сказалъ незнакомый, « прежде

всего извинишься, что я осмѣлился нарушить ученыя ваши занятія. . . .

— А мнѣ позвольте представить вамъ Михайла Матвѣевича Хераскова, который любитъ Русское стихотворство и слѣдовательно уважаетъ васъ — прибавилъ Поповскій.

«Благодарю за честь, молодые любители Словесности!» сказалъ Ломоносовъ. «Но зачѣмъ такія церемоніи!... Ты знаешь, Николай Никитичъ, что я, особенно у себя дома, человѣкъ самый простой. Сердечно радъ, Михайло Матвѣевичъ, вспрѣнишь новаго собрата; потому что вѣрно вы и сами занимаетесь Словесностью?

— Хочу посвятить себя ей совершенно. Для этого оставилъ я военную службу.

«А! вы уже успѣли послужить и на этомъ поприщѣ?

— То есть я учился въ Кадетскомъ Корпусѣ, вышелъ оттуда въ армію Поручикомъ, а теперь опредѣлился въ статскую службу.

«Точно какъ нашъ знаменитый Г. Сумароковъ! Впрочемъ, можетъ быть, вы съ нимъ пріятели? . . .

— О, нѣтъ! Онъ вышелъ изъ Корпуса гораздо прежде меня. А я не имѣлъ чести вспрѣтиться съ нимъ въ обществѣ.

«Да, великій человѣкъ Г. Сумароковъ! Не правда-ли?» смѣясь сказалъ хозяинъ своимъ гостямъ.

— Шутите, Михайло Васильевичъ! — примолвилъ Поповскій.—А его слава гремитъ по Петербургу.

«Гремитъ? право?

— Да, актеры, выписанные изъ Ярославля, представляли недавно, при Дворѣ, какую-то его трагедію, и похваламъ нѣтъ конца!

«Въ самомъ дѣлѣ?

— Это вѣрно. Императрица чрезвычайно милостиво отозвалась о сочиненіи и объ игрѣ актеровъ.

«Ну, теперь нашъ Сумароковъ съ ума сойдетъ.

«А вы, Михайло Васильевичъ—спросилъ Херасковъ — неужели не изволите находить дарованія въ трагедіяхъ Г-на Сумарокова?

Ломоносовъ принужденно улыбнулся и отвѣчалъ:

«Правду сказать: удивляюсь, какъ и находить въ нихъ что нибудь!

— Но, позвольте замѣтить, что онѣ написаны точно по плану Г-на Расина, Г-на Корнеля и другихъ знаменитыхъ трагиковъ.

«Поздравляю съ этимъ Г-на Сумарокова; но для меня онъ что-то не похожъ ни на кого, кромѣ своего друга Тредьяковскаго.

— А Г. Тредьяковскій, какъ по вашему мнѣнію?

« Дуракъ!

Херасковъ сдѣлалъ изумленное лицо, и не зналъ что̀ возразить на это сильное слово; Поповскій улыбнулся, а Шишкинъ смѣясь сказалъ:

— Соперничество, любезный другъ, соперничество! Въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ поселять въ молодыя головы такія рѣзкія мнѣнія?

« Я говорю что̀ думаю. Неужели-жъ мнѣ должно притворяться съ молодыми людьми?

— Совсѣмъ не то! Однако....

« Однако, если-бы всѣ говорили дурнымъ писателямъ прямо, что они пишутъ дурно, скучно, глупо, ихъ не было-бы такъ много. А то, мы Русскіе, еще только начинаемъ учиться азбукѣ, и ужь успѣли развести цѣлое племя рифмоплётовъ!

Эти слова очень не понравились Хераскову, у котораго было въ карманѣ какое-то *пѣснопѣніе*. Онъ удержался показать его такому строгому аристарху.

Вскорѣ Шишкинъ взялъ свою шляпу и оставилъ бесѣдовать трехъ поэтовъ. Уходя, онъ шепнулъ своему пріятелю:

— Бьюсь объ закладъ, что этотъ юноша стихотворецъ!

Ломоносовъ улыбнулся, и проводивши своего

пріятеля возобновилъ разговоръ о стихотворствѣ. Онъ былъ неумолимъ къ Сумарокову и Тредьяковскому. Молодой Херасковъ не вѣрилъ ушамъ своимъ: онъ всегда находилъ удивительныя красоты въ обоихъ этихъ стихотворцахъ, и удивленіе его было одинаково и къ нимъ, и къ тому у кого сидѣлъ онъ въ гостяхъ. Онъ затѣмъ и явился, чтобы посмотрѣть на Ломоносова какъ на дивное диво, и вышедши на улицу, вмѣстѣ съ Поповскимъ, сказалъ:

— Видно, что Г. Ломоносовъ не любитъ ни Г-на Сумарокова, ни Г-на Тредьяковскаго! А я почелъ-бы за счастіе писать какъ они.

Въ этихъ словахъ двадцати-лѣтняго юноши вполнѣ выразился будущій творецъ *Владиміра*, *Россіады*, и дюжины томовъ другихъ усыпительныхъ сочиненій.

Глава XII.

Шуваловъ испросилъ наконецъ для Ломоносова денежное пособіе, и привиллегію на заведеніе мозаической фабрики. Можно представить себѣ восторгъ и радость нашего художника! Онъ тотчасъ забылъ свои неудовольствія, свои жалобы на знатныхъ, и написалъ благодарительное письмо къ своему покровителю. Шуваловъ, въ отвѣтѣ на это замѣтилъ ему, между прочимъ, что многіе опасаются, не изнѣжился-бы и не оставилъ-бы наукъ любимецъ его, такъ щедро награждаемый Высочайшею милостію. Ломоносовъ благодарилъ его за участіе въ своемъ жребіи, но между прочимъ писалъ: «Высочайшая щедрота несравненныя Монархи-«ни нашея, которую я вашимъ отеческимъ «предстательствомъ имѣю, можетъ-ли меня «отвести отъ любленія и отъ усердія къ на-«укамъ, когда меня крайняя бѣдность, кото-«рую я для наукъ терпѣлъ добровольно, от-

« врашишь не умѣла ? » Описавши нѣкоторыя случаи жизни своей, онъ прибавилъ :

« Я всепокорнѣйше прошу Ваше Превосходи-
« тельство въ томъ быть обнадежену, что я
« всѣ свои силы употреблю, чтобы тѣ, кото-
« рые мнѣ отъ усердія веляшъ быть предосто-
« рожну, были обо мнѣ безпечальны; а тѣ, ко-
« торые изъ недоброхотной зависти шолку-
« юшъ, посрамлены-бы въ своемъ неправомъ
« мнѣніи были, и знашь-бы научились, что они
« своимъ аршиномъ чужихъ силъ мѣряшь не долж-
« ны.... Ежели кто еще въ шакомъ мнѣніи, что
« ученый человѣкъ долженъ быть бѣденъ, тому
« я предлагаю въ примѣръ съ его стороны Діо-
« гена, который жилъ съ собаками въ бочкѣ,
« и своимъ землякамъ оставилъ нѣсколько осп-
« роумныхъ шушокъ для умноженія ихъ гордо-
« сти, а съ другой стороны Невшона, богашаго
« Лорда; Бойля, который всю свою славу въ
« наукахъ получилъ употребленіемъ великой
« суммы; Вольфа, который лекціями и подар-
« ками нажилъ больше пяши сошъ шысячь и сверхъ
« шого Баронство; Слоана въ Англіи, кото-
« рый послѣ себя шакую библіотеку оставилъ,
« что никто приванно не былъ въ состояніи
« купишь, и для шого Парламенш далъ за нее
« двадцашь шысячь фунтовъ *штерлинговъ.* »

Поэшъ писалъ онъ души. Въ самомъ дѣлѣ, никогда еще дѣяшельносшь его не досшигала

такой степени и не доказывалась такими важными трудами и занятіями. Онъ съ жаромъ предавался труднѣйшимъ изслѣдованіямъ химическимъ и физическимъ. Въ Физикѣ занимали его особенно теорія теплоты и теорія электричества, въ чемъ искреннимъ и лучшимъ участникомъ его былъ Профессоръ Рихманъ. Химія не ограничивалась у Ломоносова профессорскою каѳедрою; онъ производилъ множество опытовъ для самой науки, и, не щадя никакихъ просьбъ и ходатайствъ, добился наконецъ, что ему поручили совершенно перестроить, распространить и увеличить лабораторію. Это занимало его чрезвычайно. Астрономія также увлекла его къ себѣ. Поповъ, бывшій въ это время уже Профессоромъ Астрономіи, и Профессоръ Краснопѣвковъ, ученикъ Делиля и Фархфарсона, служили ему руководителями въ наукѣ неба. Кажется, и этихъ занятій достаточно-бъ было для самой упорной дѣятельности; но для Ломоносова Естествознаніе вообще было отдыхомъ, какъ самъ онъ называлъ это. Гораздо больше труда стоили ему Русская Исторія, Русская Грамматика и Краснорѣчіе, потому что онъ сочинялъ книги вдругъ по всѣмъ этимъ предметамъ. Послѣ этого безъ самохвальства могъ онъ писать и писалъ къ Шувалову:

« Ежели кто по своей профессіи и должно-

« сіи читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые,
« говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ
« оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ
« торжественнымъ изъявленіямъ радости, со-
« ставляетъ правила къ Краснорѣчію на своемъ
« языкѣ и Исторію своего отечества, и дол-
« женъ еще на срокъ поставить, отъ того я
« ничего больше требовать не имѣю и готовъ-
« бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда-бы толь-
« ко что путное родилось. »

Но его не утомляли всѣ эти многочисленные труды. Получивши средства, онъ уже настоящимъ образомъ занялся мозаикою, и вскорѣ опыты и успѣхи его въ ней увеличились до того, что онъ рѣшился сдѣлать мозаическій портретъ любимаго своего героя, Петра Великаго. Самъ, своими руками, приготовилъ онъ, въ плавильной печи, необходимые цвѣтные камни; самъ изобрѣлъ машинку, на которую накладываются они, и съ Донгауерова портрета началъ изображать лицо безсмертнаго преобразителя Россіи. Извѣстенъ этотъ мозаическій портретъ, еще недавно украшавшій галлерею одного любителя. Не какъ произведеніе Искусства, но какъ первый опытъ въ Искусствѣ, сдѣланный безъ всякаго руководства, кромѣ собственнаго генія художника, онъ достоинъ удивленія, не меньше панкадила, выточеннаго руками великаго Петра.

Но въ то-же время какъ Ломоносовъ занимался своимъ прекраснымъ трудомъ въ мозаикѣ, другія дѣла его шли не меньше дѣятельно. Въ Академіи обыкновенно готовились за нѣсколько мѣсяцевъ къ годичному торжеству, которое при Императрицѣ Елисаветѣ отправлялось большею частію въ день ея восшествія на престолъ, 26 Ноября. Такъ было и въ 1753-мъ году. Ломоносову назначили произнесши рѣчь изъ Физики, и онъ избралъ для нея предметомъ *воздушныя явленія*, при чемъ Рихманъ долженъ былъ производить, во время самаго акта, опыты въ подтвержденіе теоріи, излагаемой Ломоносовымъ. Предметъ рѣчи и подробности теоріи занимали такимъ образомъ обоихъ друзей. Рихманъ чаще обыкновеннаго захаживалъ къ Ломоносову, и въ одно изъ этихъ посѣщеній принесъ новость.

— Знаешь-ли, что наша теорія уже нашла себѣ изъяснителя?

« Какого? Гдѣ? » спросилъ торопливо Ломоносовъ.

— О, конечно не въ Петербургѣ! Однакожъ угадай: гдѣ?

« Въ Германіи.

— Нѣтъ, въ Америкѣ, въ Филадельфіи.

« Въ самомъ дѣлѣ? Но ты шутишь, Рихманъ!

— Нѣтъ, любезный другъ! Вотъ Англійская книга, гдѣ изложена теорія, похожая на нашу.

Рихманъ положилъ на столъ извѣстныя: New exp. and obs. on electricity in several letters, etc.

— Сочинитель этой книги, какой-то Франклинъ, Американскій типографщикъ, изумилъ меня своею проницательностью. Онъ, такъ-же какъ мы, давно занимался электричествомъ и теоріею сѣвернаго сіянія, но только теперь напечаталъ свои изслѣдованія.

« А когда вышла въ свѣтъ его книга? » спросилъ Ломоносовъ, какъ человѣкъ, уже теряющій свое открытіе.

— Года два назадъ.... Вотъ: London, 1751.

« Но, неужели въ самомъ дѣлѣ теорія его сходна съ нашею?

— Кажется. Впрочемъ, я только пробѣжалъ книгу, и спѣшилъ сказать тебѣ о ней. Разсмотримъ тщательнѣе!

« Но ты знаешь, что я не читаю по-Англійски. Какъ досадно, и какъ это дурно, что нынче пишутъ ученыя книги не все по-Латински!

— Я пособлю тебѣ.

Друзья сѣли къ столику, и надобно было видѣть, какъ Ломоносовъ пожиралъ глазами и умомъ книгу Франклина! Незнакомый языкъ упрямился, не поддавался ему, шипѣлъ какими-то новыми, неяснымъ звуками; но понятныя для Ломоносова слова Французскія и Нѣ-

мецкія, которыхъ на половину въ Англійскомъ, давали ему намеки объ остальномъ, а поясненія Рихмана совершенно дополняли смыслъ. Превосходна, торжественна была встрѣча этихъ двухъ геніяльныхъ умовъ: Франклина и Ломоносова! Они точно писали объ одномъ предметѣ, производили почти одинакіе опыты и сошлись во многихъ открытіяхъ. Но человѣкъ, *отнявшій у неба молнію*, какъ назвалъ Франклина д'Аламберъ, долго и много занимался электричествомъ и метеорологіею; открытія его безсмертны и составляютъ *одну изъ его славъ*. Напротивъ, нашъ соотечественникъ, мимоходомъ, урывками, посреди недосуговъ и множества другихъ занятій, схватилъ нѣсколько идей, сходныхъ съ Франклиновыми, хотя не имѣлъ объ этихъ ни малѣйшаго понятія. Довольно, при многихъ другихъ *славахъ!* Ломоносовъ послѣ старался доказать, что онъ ни сколько не зналъ Франклиновой теоріи, и въ своей теоріи о причинѣ электрической силы въ воздухѣ *ничего не долженъ ему*. Еще простодушнѣе оправданіе, что не у Франклина заимствовалъ онъ свою теорію сѣвернаго сіянія. Послѣ разныхъ доказательствъ этого, онъ прибавляетъ: « Сверхъ сего, ода моя о сѣверномъ сіяніи, которая сочинена 1743 года, а въ 1747 году въ Риторикѣ напечатана, содержитъ мое давнѣйшее мнѣніе,

что сѣверное сіяніе движеніемъ эѳира произведено быть можетъ. » Для насъ гораздо убѣдительнѣе этой ссылки на стихотвореніе доводъ нравственный: Ломоносовъ не былъ созданъ пользоваться чужими трудами; у него все свое, все сообразно его вѣку и его генію. Сердце трепещетъ отъ радости, когда видишь, что въ одно время, одинакія мысли занимали двухъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII вѣка, Франклина и Ломоносова, не вѣдавшихъ другъ о другѣ!... Они были раздѣлены океанами, жили въ разныхъ частяхъ свѣта и въ разныхъ мірахъ общества, но Ломоносовъ такъ-же извлекалъ искру изъ облака въ Петербургѣ, какъ Франклинъ въ Филадельфіи.

«Ну, братъ!» сказалъ Ломоносовъ, пересмотрѣвши большую часть книги Франклина. «Этотъ типографщикъ такъ уменъ, что я смиряюсь передъ нимъ! Только своего не отдамъ ему. Ты знаешь, имѣлъ-ли я понятіе о его теоріи, когда составлялъ свою?

— Это долженъ ты говорить не для меня, а для свѣта, и можетъ быть для другихъ своихъ товарищей. Скажи лучше: не радуешься ты, встрѣтивши такого человѣка какъ Франклинъ?

« Но располкуй мнѣ: кто онъ? откуда?

— Что намъ за дѣло до этого?... Онъ ка-

кой-то Американецъ, типографщикъ; но, видно, голова, какихъ немного. Вотъ главное!

Ломоносовъ задумался и потомъ сказалъ:

— Если-бы всегда была такова участь необыкновеннаго подвига, что его понимали-бы не только близкіе свидѣтели, но и жители другаго полушарія!

«Она такова и есть, любезный другъ! Повѣрь, что ни одинъ полезный, великій трудъ не погибаетъ!

— Нѣтъ, это мечта! Всего чаще, великій трудъ, большой подвигъ, окружены такими обстоятельствами и отношеніями, что ихъ даже трудно постигнуть и обнять съ самою доброю волею! Не слава, а сознаніе, признательность дороги для того, кто посвятилъ жизнь свою пользѣ.... и всего чаще онъ лишенъ этой награды!

— Что-жь дѣлать! Иногда несправедливы люди, иногда и обстоятельства!...

«А иногда и мы сами виноваты!...» прибавилъ Ломоносовъ взявъ Рихмана за руку. «Наша нетерпѣливость, вѣтреность, тысячи увлеченій мѣшаютъ нашимъ успѣхамъ, больше нежели все остальное!...

Рихманъ видѣлъ, что этотъ разговоръ можетъ привести Ломоносова въ грустное расположеніе. Онъ спѣшилъ прервать его вопросомъ:

— А что: устроилъ-ли ты въ домѣ Шувалова тѣ игрушки, о которыхъ писалъ онъ?

Ломоносовъ улыбнулся.

«Благодѣтель мой Иванъ Ивановичъ порядочный вѣтреникъ! Пишетъ, чтобы я устроилъ въ домѣ его разные оптическіе фокусы и электрическія игрушки, а тамъ еще нѣтъ ни половъ, ни потолковъ, ни лѣстницъ, и я чуть не сломилъ себѣ шею осматривая его домъ! Таковъ этотъ рѣдкій человѣкъ бываетъ иногда и въ важныхъ дѣлахъ.

— Ну, а машины, о которыхъ писалъ онъ?

«Я радъ-бы исполнить все, да нѣ кѣмъ! Ты знаешь, что я не могу и для себя сдѣлать электрической машины, такъ что вмѣсто нея долженъ употреблять облака, къ которымъ съ кровли шестъ выставилъ. Потому-что я и отвѣчалъ Ивану Ивановичу, что если ему надобны какіе инструменты, такъ пусть дастъ мнѣ позволеніе представить въ Академическую Канцелярію его именемъ. Тогда я могу приказывать мастерамъ. А то, даже въ его дворѣ я не могъ достать себѣ столяра, для отдѣлки электрической машины. Такъ бѣдны мы средствами для всѣхъ своихъ ученыхъ предпріятій!...

— Ничего, любезный другъ! Мы побѣдимъ и преодолѣемъ все. Надобно только мужество и терпѣніе!

«Да, и особенно необходима надежда на самихъ себя....

Друзья разстались.

Черезъ нѣсколько дней (26 Іюля 1753 года), они опять сошлись въ Конференціи Академіи, и разговоръ зашелъ о будущемъ торжественномъ актѣ.

— Я не боюсь теперь Франклина, разсмотрѣвши его теорію! — сказалъ Ломоносовъ. — Наши и его опыты слишкомъ различны.

«И еще очень несовершенны!» сказалъ всегда откровенный Рихманъ.

— Да, но они важны для науки при всемъ несовершенствѣ своемъ.

«Безъ сомнѣнія: иначе на что было-бы и заниматься имъ. О, я надѣюсь, что на актѣ мы изумимъ нашу публику.

— Не мы, а мы, потому что мое дѣло будетъ оратерствовать.

«Жаль, что въ Академической залѣ не льзя поставить громоваго снаряда, и привлечь молнію прямо изъ облаковъ.

— Довольно будетъ и твоей электрической машины. Впрочемъ, эта имѣетъ ту выгоду, что ею можно всегда показать электрическую силу, а для громоваго снаряда надобно особенное расположеніе воздуха, тучи, громъ.

«Слѣдовательно намъ должно желать грозы въ день акта!» сказалъ смѣясь Рихманъ.

— Грозы 26-го Ноября!

« Да, правда; еще долго ждать до этого.

— Ровно четыре мѣсяца. А между тѣмъ мы успѣемъ подтвердить нашу догадку, что иногда и безъ грозы въ воздухѣ бываетъ электрическое расположеніе.

« Я въ этомъ и не сомнѣваюсь. А вотъ твои разноцвѣтныя искры мнѣ что-то невѣроятны!

— Ты все еще споришь противъ меня! — возразилъ Ломоносовъ. — Хорошо, я постараюсь доказать это тебѣ при первой громовой тучѣ.

Рихманъ засмѣялся. Засѣданіе въ Конференціи кончилось рано, и Профессоры начали расходиться. Прощаясь съ Ломоносовымъ, Рихманъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи, и сказалъ смѣясь:

— И такъ до первой грозы?

« Да! Я или приду къ тебѣ, или позову къ себѣ невѣрующаго!

— Ну, жаль, что сегодня такой ясный, удивительный день!

Въ самомъ дѣлѣ, день былъ прелестный. Когда друзья пошли каждый къ себѣ домой, небо казалось опрокинутою яхонтовою чашей; солнце лило свое золото съ самою лѣтнею роскошью, и Петербургскіе жители какъ будто дивились такому свѣтлому, роскошному дню.

Ломоносовъ былъ уже дома, когда къ нему вошла Христина и мимоходомъ сказала:

— Какая туча подымается отъ сѣвера!

«Въ самомъ дѣлѣ?» спросилъ радостно Ломоносовъ.

— Да, ужасная туча. Тебѣ радость!

«И конечно!»

Онъ поспѣшилъ на крыльцо. Въ самомъ дѣлѣ, отъ сѣвера неслась черная, громовая туча. Скоро послышались и раскаты грома, но дождя не было. Ломоносовъ приблизился къ своему громовому снаряду, то есть къ желѣзному шесту, выставленному на крышѣ, отъ котораго былъ проведенъ желѣзный прутъ. Признаковъ электричества не было. Между тѣмъ громъ усиливался, и вскорѣ изъ проволоки начали выскакивать искры. Въ это время къ Ломоносову пришла жена, звать его обѣдать.

— Погоди, мой другъ!—отвѣчалъ онъ.—Видишь какое любопытное явленіе!... Видишь! Развѣ эти искры не разныхъ цвѣтовъ?

«Да, разноцвѣтныя! Такъ что-же?

— Рихманъ еще сегодня спорилъ со мной, что это невозможно.

Къ нимъ подошли другіе домашніе, и всѣ стали безпрестанно дотрогиваться до проволоки. Искры выскакивали сильнѣе и сильнѣе: это забавляло ихъ. Наконецъ, внезапно раздался такой ударъ грома, что всѣ

бросились бѣжать. Христина уговаривала своего мужа также отойдти, потому что ей было страшно. Однако онъ остался еще на нѣсколько минутъ, покуда электрическая сила не истощилась совершенно. Тогда только пошелъ онъ за столъ, гдѣ уже ожидали его дти.

Не много минутъ сидѣли они за столомъ, когда дверь быстро растворилась, и въ столовую вбѣжалъ слуга Рихмана. Лицо его было блѣдно, по щекамъ катились слезы; онъ не могъ выговорить ни одного слова.

— Что это? Не прибилъ-ли тебя кто нибудь? — спросилъ Ломоносовъ.

Слуга собралъ послѣднія силы, и высказалъ роковую вѣсть: Рихманъ убитъ громомъ.

Ломоносовъ выскочилъ изъ-за стола и полетѣлъ къ своему погибшему другу.

Что чувствовалъ онъ, когда скакалъ къ его дому, и когда увидѣлъ трупъ незабвеннаго Рихмана?... Мы отказываемся изобразить эту горестную и торжественную сцену! Наши слова были-бы слишкомъ слабы и невыразительны передъ тѣмъ описаніемъ, какое сдѣлалъ самъ Ломоносовъ, въ тотъ-же день вечеромъ, еще подъ властію своихъ взволнованныхъ чувствъ, еще подъ всею тяжестію своей прискорбной утраты! Вотъ письмо его къ Шувалову: выраженіе прекрасной, высокой души!

« Что я нынѣ къ Вашему Превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, « что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или « по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ-ли я « или мертвъ. Я вижу, что господина Профес- « сора Рихмана громомъ убило, въ тѣхъ-же « точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я « былъ въ то-же самое время. Сего Іюля въ 26 « число, въ первомъ часу по полудни, поднялась « громовая туча отъ норда. Громъ былъ нарочи- « то силенъ, дождя ни капли. Выставленную « громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни « малаго признаку электрической силы. Однако, « пока кушанье на столъ ставили, дождался я « нарочитыхъ электрическихъ изъ проволоки « искръ, и къ тому пришла моя жена и дру- « гія, и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до « проволоки и до привѣшеннаго прута допы- « кались, за тѣмъ, что я хотѣлъ имѣть сви- « дѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, происшедъ ко- « торыхъ покойный Профессоръ Рихманъ со мною « спорилъ. Внезапно громъ чрезвычайно гря- « нулъ въ самое то время, какъ я руку держалъ « у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня « прочь побѣжали, и жена проспла, чтобы я « прочь шелъ. Любопытство удержало меня еще « двѣ или три минуты, пока сказали, что « *шти простыли*; а при томъ и электриче- « ская сила почти перестала. Только я за сто-

« ломъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно « дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, « весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я « думалъ, что его кто нибудь на дорогѣ билъ, « когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть « выговорилъ: *Профессора громомъ зашибло.* Въ « самой возможной страсти, какъ силъ было « много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ « бездыханенъ. Бѣдная вдова и ея малыя такожъ « какъ онъ блѣдны. Мнѣ и минувшая въ « близости моя смерть, и его блѣдное тѣло, « и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и « плачъ его жены, дѣтей и дому столь были « чувствительны, что я великому множеству « сошедшагося народа не могъ ни на что дать « слова или отвѣта, смотря на того лицо, съ « которымъ я за часъ сидѣлъ въ Конференціи, « и разсуждалъ о нашемъ будущемъ публичномъ « актѣ. Первый ударъ онъ привѣшенной линеи « съ пишкою пришелъ ему въ голову, гдѣ крас- « новишневое пятно видно, на лбу; а вышла изъ « него громовая электрическая сила изъ ногъ « въ доски. Нога и пальцы сини и башмакъ разо- « дранъ, а не прожженъ. Мы старались движеніе « крови въ немъ возобновить, за тѣмъ, что « онъ еще былъ тепелъ; однако голова его по- « вреждена, и больше нѣтъ надежды. И такъ, « онъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что элек- « трическую громовую силу отвратить можно,

« однако на шестъ съ желѣзомъ, который дол-
« женъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое-
« бы громъ билъ сколько хочетъ. Между тѣмъ
« умеръ Г. Рихманъ прекрасною смертію, ис-
« полняя по своей профессіи должность. Память
« его никогда не умолкнетъ; но бѣдная его
« вдова, тещa, сынъ пяти лѣтъ, который
« добрую показывалъ надежду, и двѣ дочери,
« одна двухъ лѣтъ, другая около полугода,
« какъ объ немъ такъ и о своемъ крайнемъ
« несчастіи плачутъ. Того ради, Ваше Превос-
« ходительство, какъ истинный наукъ люби-
« тель и покровитель, будьте имъ милости-
« вый помощникъ, чтобы бѣдная вдова лучшаго
« Профессора до смерти своей пропитаніе
« имѣла, и сына своего, маленькаго Рихмана,
« могла воспитать, чтобы онъ такой-же былъ
« наукъ любитель, какъ его отецъ. Ему жало-
« ванья было 860 рублей. Милостивый государь!
« исходатайствуй бѣдной вдовѣ его или дѣ-
« тямъ до смерти. За такое благодѣяніе Го-
« сподь Богъ васъ наградитъ, и я буду больше
« почитать нежели за свое. Между тѣмъ, что-
« бы сей случай не былъ протолкованъ проти-
« ву приращенія наукъ, всепокорнѣйше прошу
« миловать науки, и

Вашего Превосходительства

всепокорнѣйшаго слугу въ слезахъ

Михайла Ломоносова.

Неужели этотъ краснорѣчивый голосъ сердца остался безъ отвѣта? Зная умъ и благородство И. И. Шувалова, мы твердо вѣримъ, что несчастная вдова и дѣти Рихмана были призрѣны и успокоены.... Впрочемъ, чтобы ни было, а Рихманъ сошелъ со сцены міра! Онъ исчезъ, вмѣстѣ съ громомъ поразившимъ его. Какъ мужественный воинъ, убитый въ пылу сраженія, онъ умеръ завидною, прекрасною смертію, по выраженію Ломоносова! Память его безсмертна для всѣхъ любящихъ науки и просвѣщеніе.

Глава XIII.

Ломоносовъ лишился въ Рихманѣ вѣрнаго друга и товарища. Онъ чувствовалъ это въ сердцѣ своемъ, и вскорѣ почувствовалъ въ дѣлахъ. Вотъ одинъ случай. Его торопили окончивать рѣчь, не смотря на горесть о погибшемъ другѣ; но когда онъ принесъ ее и прочиталъ въ Академическомъ собраніи, которое, кромѣ самого Ломоносова, составляли только трое Профессоровъ, то старшій изъ нихъ объявилъ, что онъ не знаетъ, будетъ-ли въ этотъ годъ торжественное собраніе; что Дворъ въ Москвѣ, и надобно сождать оттуда извѣстія. Ломоносовъ явно видѣлъ тутъ желаніе досадить ему, особенно когда въ Конференціи стали давать намеки, что рѣчь можно напечатать въ Сочиненіяхъ, издаваемыхъ Академіею. «Она не такъ писана!» возражалъ Ломоносовъ. «Для печати надобно ее передѣлать, а это вовлечетъ меня въ новый, напрасный трудъ. И когда выйдетъ она въ свѣтъ печатная? Черезъ

два года! А я писалъ ее для настоящаго времени, и многое въ ней относится къ смерти Рихмана!» Ломоносовъ проповѣдывалъ глухимъ: они не слушали его, и наконецъ заставили почти жаловаться Шувалову, который, вмѣстѣ съ Дворомъ, жилъ въ Москвѣ, но велъ съ Ломоносовымъ дѣятельную переписку. Помощь его была необходима нашему поэту, стѣсняемому со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ не могъ и думать объ исполненіи какихъ нибудь, особенно отдаленныхъ своихъ плановъ. Это часто выводило его изъ терпѣнія, и онъ ждалъ возврата Шувалова, какъ восхода свѣтлаго солнца. Но, будто нарочно, въ этотъ годъ Дворъ оставался въ Москвѣ очень долго. Впрочемъ, для себя Ломоносовъ не просилъ ничего, кромѣ справедливости, и чаще говорилъ за другихъ. Въ это время онъ горячо ходатайствовалъ за Поповскаго, который перевелъ первое письмо *Опыта о человѣкѣ*, и представилъ его своему Профессору. Ломоносовъ восхитился переводомъ, послалъ его къ Шувалову, и просилъ обратить вниманіе на молодаго стихотворца. «Я весьма опасаюсь, чтобы его «въ закоснѣніи не оставили. Онъ давно уже «достоинъ произведенія. Нынѣ есть мѣсто «Ректорское въ Гимназіи, послѣ Ректора Рам«гаккера, которое онъ весьма способно управ«лять можетъ, зная Латинскій языкъ совер-

«шенно, и при томъ изрядно разумѣя Грече-«скій, Французскій и Нѣмецкій; а о искусствѣ «въ Россійскомъ сей примѣръ объ немъ свидѣ-«тельствуетъ.»

Шуваловъ отвѣчалъ, что переводъ *Опыта о человѣкѣ* надобно доставить Президенту Академіи, Графу Разумовскому; а что онъ, съ своей стороны, замолвитъ о немъ доброе слово. Поповскій между тѣмъ окончилъ переводъ почти всего сочиненія Попа, и Ломоносовъ совѣтовалъ ему послать весь прудъ свой вполнѣ, пересмотрѣвши его прилежно. Молодой человѣкъ занялся этимъ.

Это было со стороны Ломоносова доброе дѣло; но въ то-же время онъ имѣлъ случай показать свою проницательность и умъ, въ одномъ, по видимому, не важномъ случаѣ.

Шуваловъ просилъ его прислать ему Примѣчанія къ Вѣдомостямъ, гдѣ помѣщались разныя ученыя статьи. Исполнить эту просьбу оказалось невозможно, потому что газеты печатались въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, и старыхъ не могли отыскать ни въ одной библіотекѣ. Ломоносовъ писалъ объ этомъ съ досадой, и тотчасъ-же выразилъ мысль издавать ученый Журналъ, въ родѣ современныхъ намъ Англійскихъ *Обозрѣній!* Повѣримъ-ли этому мы, лѣнивые послѣдователи человѣка, жившаго лѣтъ за восемьдесятъ до насъ? Но именно такой

ученый Журналъ предлагалъ издавать Ломоносовъ. Вотъ слова его:

« Весьма-бы полезно и славно было нашему « отечеству, когда-бы въ Академіи начались « подобныя симъ (Вѣдомостямъ) періодическія « сочиненія: только не на такихъ бумажкахъ « по одному листу, но повсямѣсячно, или по « всякую четверть или треть года, дабы одна « или двѣ-три матеріи содержались въ книжкѣ, и « въ меньшемъ форматѣ, чему много имѣемъ « примѣровъ въ Европѣ, изъ которыхъ луч- « шимъ послѣдовать, или-бы свой примѣнясь « выбрать можно. Исполни Господь Богъ на- « мѣренія и желанія любителей Наукъ, чего я « всегда, а особливо въ началѣ Новаго года, « прошу, поздравляя съ нѣмъ Ваше Превосхо- « дительство, и проч.

Это писалъ онъ въ началѣ 1754 года (за *восемьдесятъ* слишкомъ лѣтъ до насъ!), изъ Усть-рудицъ, съ *бисерныхъ заводовъ*. Не знаемъ, тамъ-ли была его Мозаичная фабрика? Въ это время мозаическія работы его достигли такого совершенства, что онъ готовился предпринять изготовленіе цѣлыхъ картинъ, и предложить нѣкоторыя изъ нихъ для украшенія Петро-Павловскаго собора. Надобно было дождаться Шувалова, потому что безъ него у Ломоносова не дѣлалось ни что. Враги умѣли придать видъ небывалыхъ затѣй всѣмъ его

трудамъ, и этому вѣрили многіе, потому что въ самомъ дѣлѣ почти всѣ предпріятія нашего поэта были неслыханными въ Россіи новостями. Самъ Шуваловъ, при всей увѣренности въ умѣ и дарованіяхъ своего друга, поддавался иногда злымъ навѣтамъ, и по крайней мѣрѣ приходилъ въ сомнѣніе. Это случилось и по возвращеніи его изъ Москвы, въ Маѣ 1754 года.

Ломоносовъ тотчасъ явился къ нему, облегчить душу, которая настрадалась безъ дружескаго участія. Трудно рѣшить, кому больше чести дѣлаютъ такія искреннія сношенія: вельможѣ, который имѣлъ почти неограниченную силу при Дворѣ, и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ понималъ высокій умъ и сильную душу поэта, или поэту, который безъ всякихъ искательствъ умѣлъ привязать его къ себѣ неразрывно? Въ этотъ разъ однакожъ Ломоносовъ съ первыхъ словъ замѣтилъ, что Шуваловъ какъ-то странно говоритъ съ нимъ, или, лучше сказать, не договариваетъ чего-то. Особенно почувствовалъ онъ равнодушіе отвѣтовъ молодаго Камергера, когда рѣчь дошла до мозаики; а это была самая чувствительная струна для Ломоносова. Онъ не вытерпѣлъ, и сказалъ съ обычною своею откровенностью, благородно глядя въ лицо вельможи:

— Ваше Превосходительство! Я вижу, что слова мои не совсѣмъ угодны вамъ?

« Можете-ли вы думать это, Михайло Васильевичъ; но, признаюсь, мнѣ кажется, что мозаика ужъ слишкомъ занимаетъ васъ.

— Это справедливо: она слишкомъ занимаетъ меня; но безъ страсти не льзя произвести ничего необыкновеннаго. А вы согласитесь, что создать новое Искусство, и еще такое, котораго нѣтъ въ Россіи, которое и въ Италіи только что возраждается..... дѣло не маловажное! Оно стоитъ мнѣ уже такихъ трудовъ и пожертвованій, что я не могу оставить его.

« Боже мой! кто говоритъ: оставить? Но, мнѣ кажется, не надобно оставлять для него другихъ, важнѣйшихъ трудовъ вашихъ.

— Важнѣйшихъ! Позвольте замѣтить, Ваше Превосходительство, что для меня важнѣе всѣхъ тотъ трудъ, который я люблю, которымъ занимаюсь искренно, со страстью. Только въ этихъ трудахъ и бываетъ долговѣчность!»

« Но есть въ нихъ относительная важность и для публики: надобно иногда и о ней подумать.

— Не смѣю возражать вамъ.....

« О, нѣтъ, говорите! Говорите со мной искренно, какъ всегда.

— Такъ позвольте-же выразить мою задушевную мысль: я никогда не думаю о публикѣ, если занимаюсь чѣмъ для себя, для услажденія

своего ума, своей души. Для публики пишу я рѣчи, стихи; Мозаикой, Физикой, Химіей занимаюсь для себя, и вѣрно труды мои въ нихъ будутъ прочнѣе нежели въ Стихотворствѣ.

«Но иногда можно увлекаться!...

— Кто-же въ силахъ назначить мнѣ, что̀ долженъ я чувствовать, что̀ любить, отъ чего отказываться? Ваше Превосходительство! я люблю, уважаю васъ какъ свое покровительное божество, но вы поймете меня когда я скажу, что въ этомъ случаѣ я не послушаюсь и васъ!

Шуваловъ былъ точно способенъ понять его. Онъ протянулъ къ нему руку, и съ чувствомъ произнесъ:

«За эти слова я еще больше вашъ заступникъ и защитникъ. Вы знаете, что во мнѣ говоритъ одна искренняя дружба.... Но, право, мнѣ столько напѣли о вашихъ излишнихъ занятіяхъ Мозаикой, что я, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ сказать вамъ объ этомъ.

— Я думаю, враги мои не дадутъ мнѣ покоя и въ гробѣ! Они будутъ стучаться и въ двери царства небеснаго съ клеветами на меня! Но тамъ судъ неподкупный!... А на землѣ остаетесь у меня только вы.

«Напрасно вы почитаете врагами своими всѣхъ! Люди благонамѣренные, и безъ отношеній къ вамъ, говорятъ....

Шуваловъ остановился.

—Что-же говорятъ?... Позвольте мнѣ узнать и можетъ быть оправдаться.

« Говорятъ, что для Мозаики вы оставили всѣ другія занятія.... Напередъ скажу вамъ, что я не вѣрю этому.

— И не ошибаетесь, Ваше Превосходительство! Нѣтъ! не только не оставилъ я другихъ своихъ занятій, но еще никогда не предавался имъ такъ много, и смѣю сказать съ такимъ успѣхомъ.... И могу-ли я заниматься однимъ, чѣмъ-бы то ни было? Это не въ моей природѣ!

« Знаю, знаю. Но вы хотѣли слышать что̀ говорятъ другіе: я только пересказываю это.

— Вамъ говорили неправду, Ваше Превосходительство! Позвольте мнѣ замѣтить только, что Мозаика не мѣшаетъ мнѣ исполнять всѣ свои обязанности какъ ученому и Профессору, который также имѣетъ обязанность любить свою науку, слѣдовать за ея успѣхами и обогащать ее собственными посильными трудами. Рѣчь о явленіяхъ воздушныхъ есть доказательство, что я открылъ кое-что новое въ Физикѣ. Самыя занятія мои Мозаикой тѣсно связаны съ Химіей, которой обязанъ я всѣми успѣхами въ новомъ своемъ Искусствѣ. Нынѣшнее устройство лабораторіи служитъ свидѣтельствомъ, знаю-ли я современное состояніе Химіи.

Проговоривши эти слова съ жаромъ, Ломоносовъ невольно остановился, что̀ обыкновенно бываетъ послѣ рѣчи, сказанной отъ души.

« Ну, а ваши занятія Словесными Науками? Мы уже такъ давно не видались, что я вѣрно не знаю о нихъ многаго.

— Для Словесности готовлю я трудъ, необходимый и почти первый на Русскомъ языкѣ: Грамматику. Я уже имѣлъ честь писать вамъ объ этомъ, а теперь прибавлю, что моя *Россійская Грамматика* приходитъ къ окончанію. Скоро надѣюсь представить вамъ ее печатную.

« Это будетъ великое дѣло для нашего языка. Послѣ Смотрицкаго Грамматики, впрочемъ больше Славянской нежели Русской, у насъ не было ничего въ этомъ родѣ.

— Судите-же сами, Ваше Превосходительство, какого труда стоило мнѣ сдѣлать что нибудь правильное въ этомъ хаосѣ! Разумѣется, основныя правила беру я изъ Латинской Грамматики; но остальное почти все принадлежитъ мнѣ собственно. Только способъ спряженія глаголовъ заимствовалъ я у Смотрицкаго, потому что не нахожу лучшаго.

« И такъ вамъ суждено быть еще и законодателемъ, а не только образцомъ въ Русскомъ языкѣ!

— Слишкомъ много чести, Ваше Превосходительство. Я почитаю свой трудъ полезнымъ дѣломъ, не больше. Для посвященія его кому-либо изъ Высочайшихъ Особъ надѣюсь вашего предстательства.

« Я готовъ сдѣлать все! Смѣло полагайтесь на меня.

— Ваше одобреніе даетъ мнѣ смѣлость продолжить исчисленіе моихъ трудовъ. Похвальное Слово Петру Великому готово. Я употребилъ для него все свое искуство.

« И я увѣренъ, что оно достойно сочинителя Похвальнаго Слова Елисавешѣ, великой Дщери великаго Петра.

— Я осмѣлюсь однако просить Ваше Превосходительство прочитать его предварительно.

« Съ радостью исполню вашу просьбу!

— Кромѣ всего этого готовлю я вторую часть Руководства къ Краснорѣчію.

« Вы изумляете меня, Михайло Васильевичъ! Въ самомъ дѣлѣ, одно исчисленіе вашихъ трудовъ ниспровергаетъ навѣты недоброжелателей! Гдѣ берете вы времени для всего этого?

— Я посвящаю своимъ трудамъ то, которымъ могу располагать.

« Ну, а наша Россійская Исторія?

« Вамъ уже извѣстно изъ писемъ моихъ, что первый томъ ея скоро будетъ оконченъ. Въ немъ описываются древнѣйшія времена Россій-

ской Исторіи. Кромѣ того, по желанію Вашего Превосходительства, я сбираю матеріялы для описанія времени Самозванцевъ. Россійскій Лѣтописецъ скоро надѣюсь представить вамъ на чисто обработанный. Можетъ быть вамъ покажется, что все это идетъ медленно; но сообразите, Ваше Превосходительство, сколько трудовъ и изысканій необходимо для историческихъ изслѣдованій? Тутъ часто одно имя, одинъ случай останавливаетъ и заставляетъ рыться въ книгахъ и рукописяхъ цѣлую недѣлю.

— Нѣтъ, я совсѣмъ не думаю, Михайло Васильевичъ, чтобы историческіе труды ваши подвигались впередъ медленно. Я, напротивъ, дивлюсь и отдаю полную справедливость вашей дѣятельности.... Но мнѣ еще надобно поговорить съ вами о нашемъ Московскомъ Университетѣ. Я уже приготовилъ планъ для него.

— Я увѣренъ, что онъ достоинъ вашей прозорливости и безпримѣрной ревности въ подобныхъ дѣлахъ. Но, если вамъ угодно потребовать моего содѣйствія, прошу васъ только приказывать мнѣ.

«Задача въ томъ, что теперь начать надобно чѣмъ нибудь, хоть въ маломъ видѣ. Если станемъ требовать многаго, то можемъ не сдѣлать ничего.

— А мнѣ кажется, Ваше Превосходитель-

ство, надобно сдѣлать планъ самый огромный, для того чтобы послѣ не оглядываться. Если теперь мысль объ Университетѣ хотятъ исполнить, то надобно воспользоваться счастливымъ случаемъ и истребовать чего только можно.

« Не льзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ! Вы не знаете нашихъ отношеній!...

— Я знаю людей, Ваше Превосходительство! Покуда занимаетъ ихъ какая нибудь мысль, они готовы исполнить многое; но пройдетъ этотъ благодѣтельный жаръ, тогда будетъ трудно подогрѣть простывшее.

« Такъ, но все надобно соображаться съ обстоятельствами. Если-бъ вы знали, какихъ трудовъ стоило мнѣ согласить и на то, что̀ хотятъ теперь исполнить!

— Въ такомъ случаѣ надобно пожалѣть, что не льзя дѣйствовать иначе!

« Разумѣется! Но еще надобно прибавить: должно ковать желѣзо покуда оно горячо. Мѣшкать нѣкогда, и я завтра-же пришлю къ вамъ свой планъ. Разсмотрите его, пожалуста, и изложите мнѣ свои мысли.

— Приказаніе Вашего Превосходительства будетъ исполнено.

Ломоносовъ ушелъ съ разгорячennою головою. Его радовалъ пріѣздъ Шувалова и разговоръ съ нимъ, но въ этомъ разговорѣ было многое,

что̀ тяжело легло на его сердце. Во-первыхъ, самая недовѣрчивость, показанная ему сначала, и потомъ, неизбѣжная для молодаго вельможи вѣтреность (какъ полагалъ Ломоносовъ) печалили поэта.

« Самый добрый человѣкъ! » думалъ онъ. «Но какъ у нихъ исковерканы всѣ идеи! Онъ конечно хочетъ добра, и вѣрно сдѣлаетъ его; но, между нѣмъ, малѣйшій пронзивный вѣтерокъ кружитъ ему голову! И, сверхъ того, какая неопредѣленность въ понятіяхъ! Хорошо что онъ можетъ смѣло полагаться на меня; но будь я мерзавецъ, и куда-бы полетѣли его прекрасные планы? И тутъ-же эти отношенія, эти вѣчныя отношенія! Они такъ дорожатъ ими! А все дѣло въ томъ, что какой нибудь богатырь взглянетъ на него неблагосклонно!... Они боятся взглядовъ пуще самой стыдливой дѣвушки! Милый мой Иванъ Ивановичъ! Для чего ты носишь камергерскій мундиръ? Впрочемъ, безъ этого онъ не могъ-бы дѣлать того, что̀ дѣлаетъ теперь! Слава Богу, слава моему Ивану Ивановичу, который основался всегда вѣренъ добру и чести. »

Съ такими смятенными мыслями Ломоносовъ не могъ заняться ничѣмъ, и весь остатокъ дня провелъ въ размышленіяхъ, то ушѣшительныхъ, то печальныхъ. На другой день, рано утромъ, получилъ онъ отъ Шувалова черновое доношеніе, которымъ тотъ испрашивалъ

въ Сенатѣ утвержденія плана Московскаго Университета. Ломоносовъ увидѣлъ, что ему нечего тутъ разсматривать; плана не было у него передъ глазами, и, можетъ статься, не было его и у Шувалова, который называлъ планомъ свое доношеніе, надѣясь послѣ передѣлать все, сообразно обстоятельствамъ. Ломоносовъ замѣтилъ это еще наканунѣ, въ разговорѣ съ нимъ, и подъ вліяніемъ своихъ живыхъ чувствованій написалъ ему:

«Полученнымъ отъ Вашего Превосходитель-
«ства черновымъ доношеніемъ Правительствую-
«щему Сенату, къ великой моей радости я
«увѣрился, что объясненное мнѣ словесно
«предпріятіе подлинно въ дѣйство произве-
«сти намѣрились, къ приращенію наукъ, слѣ-
«довательно къ истинной пользѣ и славѣ оте-
«чества. При семъ случаѣ довольно я вѣдаю,
«сколь много природное ваше несравненное
«дарованіе служить можетъ, и многихъ книгъ
«чтеніе способствовать. Однако и тѣхъ со-
«вѣтъ Вашему Превосходительству не безпо-
«лезенъ будетъ, которые сверхъ того Уни-
«верситеты не токмо видали, но и въ нихъ
«нѣсколько лѣтъ обучались, такъ что ихъ
«учрежденія, узаконенія, обряды и обычаи въ
«умѣ ихъ ясно и живо какъ на картинѣ пред-
«ставляются. Того ради, ежели Московскій
«Университетъ по примѣру иностранныхъ

« учредить намѣряетесь, что̀ весьма справед-
« ливо, что желалъ-бы я видѣть планъ, вами
« сочиненный. Но ежели, ради краткости вре-
« мени или ради другихъ какихъ причинъ, то-
« го не удостоюсь, что уповая на отече-
« скую Вашего Превосходительства ко мнѣ ми-
« лость и великодушіе, принимаю смѣлость
« предложить мое мнѣніе о учрежденіи Москов-
« скаго Университета кратко вообще. — Глав-
« ное мое основаніе, сообщенное Вашему Пре-
« восходительству, весьма помнить должно,
« чтобы планъ Университета служилъ во всѣ
« будущіе роды. Того ради, не смотря на то,
« что у насъ нынѣ нѣтъ довольства людей уче-
« ныхъ, положить въ планѣ Профессоровъ и жа-
« лованныхъ студентовъ довольное число. Сна-
« чала можно проняться нѣми, сколько найдут-
« ся. Со временемъ комплетъ наберется. Оста-
« лую съ порожнихъ мѣстъ сумму полезнѣе
« употребить на собраніе Университетской
« библіотеки, нежели сдѣлавъ нынѣ скудный и
« узкій планъ по скудости ученыхъ, послѣ,
« какъ размножатся, оный снова передѣлывать
« и просить о прибавкѣ суммы. »

Такъ хорошо зналъ Ломоносовъ дѣла и обстоятельства, во многихъ случаяхъ неизмѣнныя, всегда одинаковыя! Онъ зналъ и Россію и людей вообще. Въ замѣчаніяхъ его видѣнъ

опытный мужъ. Къ другимъ своимъ совѣтамъ, онъ прибавилъ еще слѣдующее:

«При Университетѣ необходимо должна быть «Гимназія, безъ которой Университетъ, какъ «пашня безъ сѣменъ. О ея учрежденіи хотѣлъ- «бы я кратко здѣсь вообще предложить, но «времени краткость возбраняетъ. — Не въ «указъ Вашему Превосходительству, совѣтую «не поторопиться, чтобы послѣ не передѣлы- «вать. Ежели дней полдесятка обождать мож- «но, то я цѣлый полный планъ предложить «могу.»

Шуваловъ воспользовался этими совѣтами и распространилъ планъ Университета. Послѣ многихъ совѣщаній съ Ломоносовымъ, онъ назначилъ при Университетѣ *двѣ* Гимназіи и такое число Профессоровъ, что занять ихъ точно было нѣкому. Но ученый другъ его уже указывалъ ему на многихъ молодыхъ людей, которые вскорѣ могли быть достойными преподавателями.

Всѣ эти новыя расположенія заняли много времени, такъ что открытіе Университета было отложено до слѣдующаго года.

И между тѣмъ какъ Ломоносовъ былъ, такимъ образомъ, однимъ изъ основателей первона-чально-Европейскаго учебнаго заведенія, онъ никакъ не могъ уладить своихъ собственныхъ обстоятельствъ; да, это не отъ него и зави-

сѣло. Въ Академіи не было единенія, потому что Президентъ не занимался ея дѣлами, а Профессоры безпрестанно воевали другъ съ другомъ, и развлекались другими занятіями или продолжительными путешествіями. Какъ нарочно, постоянными членами Академіи были почти все личные непріятели другъ друга: Тредьяковскій, Ломоносовъ, Миллеръ. Другіе, младшіе или неважные члены, присшавали къ какой нибудь изъ партій, раздѣлявшихъ Академію, и слѣдовательно только способствовали разногласію.

Ломоносовъ часто видался въ это время съ Шуваловымъ, и жаловался ему, въ дружескихъ разговорахъ, на неудобства своей жизни.

— Что это, господа, вы никакъ не можете поладить другъ съ другомъ — сказалъ ему однажды Шуваловъ.

« Причины извѣстны Вашему Превосходительству!

— Главная причина, что вы безпрестанно ссоритесь.

« Вода и огонь не могутъ конечно никогда примириться; но это не причина, Ваше Превосходительство, а слѣдствіе того, что ихъ хотятъ помирить.

— Да, если почитать элементами господъ Академиковъ, то вы будете представлять

огонь, а Тредьяковскій воду; но, право, надобно жить посогласнѣе.

« Я-ли причиной, что это невозможно? Всякое доброе начинаніе, какъ скоро оно идетъ отъ меня, встрѣчаетъ препятствіе. Не говорю уже о какихъ нибудь нравственныхъ улучшеніяхъ, нѣтъ! Если надобно починить лѣстницу или перебрать полъ, то наряжаютъ для этого коммисію, и мы, господа въ коммисіи, иной боится прогнать плута подъячаго, другой раздражить какого нибудь знатнаго господина, шрешій.... да что и говорить, Ваше Превосходительство! Не могу всѣхъ обстоятельствъ и всѣхъ пристрастій пересказать!... Словомъ, и вещественно и нравственно, съ одного конца Академію хотятъ починивать, а съ другаго портятъ! . . . (*).

— Вы знаете, Михайло Васильевичъ, что на предметы можно смотрѣть двояко: съ хорошей и съ дурной стороны. И въ человѣкѣ есть еще такое странное свойство, что если онъ начнетъ смотрѣть съ дурной стороны, то уже все, даже самое лучшее, кажется ему негоднымъ, пропащимъ, гибельнымъ.

(*) Собственныя слова Ломоносова. См. Сочиненій его т. I. стр. 338-я, изд. въ 4.

«Я не знаю, Ваше Превосходительство, можно-ли, въ какія угодно розовыя очки, видѣть что нибудь хорошее въ козняхъ и препирательствахъ, какими окружаютъ дѣйствія Академіи?

— Что-жъ дѣлать! Оставьте времени передѣлать худое на лучшее. Не льзя желать всего вдругъ. Россія Государство новое, гдѣ порывистыя усилія были-бы вредны и гибельны, какъ излишній дождь или жаръ молодому растенію. Хорошо и то, что мы имѣемъ возможность сдѣлать хоть немногое.

«Развѣ я желаю чего нибудь инаго, Ваше Превосходительство? Пусть только не мѣшаютъ мнѣ, пусть я буду увѣренъ, что мои усилія не безполезны.... Я уже не мечтаю о чемъ нибудь выше! Пора обольщеній прошла!... Но меня преслѣдуютъ такъ ожесточенно, что я не могу почти ничего дѣлать.

— Право, Михайло Васильевичъ, вы увеличиваете существенныя неудобства! Ни дѣла, ни люди не такъ дурны, какъ говорите вы. Васъ любятъ, отличаютъ передъ другими; у васъ есть враги; но у кого-же нѣтъ ихъ?

«Точно такъ; но между тѣмъ, коварными происками моихъ враговъ, я до сихъ поръ не могу добиться, напримѣръ, чтобы мое предложеніе объ украшеніи Петро-Павловскаго со-

бора мозаическими картинами было услышано.

— Этого и не льзя сдѣлать скоро. Надобно, чтобы художественное отдѣленіе Академіи разсмотрѣло вашъ проектъ, и одобрило его; потомъ будетъ внесено представленіе въ Сенатъ.

« Но въ Академіи положили дѣло подъ сукно, и тамъ можетъ пролежать оно годы. Развѣ это не притѣсненіе?

— Я согласенъ, что у васъ есть враги. Но есть и доброжелатели.

« Вы первый защитникъ мой, Ваше Превосходительство! Безъ васъ, я, право, былъ-бы готовъ оставить Академію.

— Помилуйте! для чего это? Если вамъ надобны поощренія, награды, пребуйте. Я берусь быть ходатаемъ.

« Я и такъ безпрестанно утруждаю васъ своими просьбами, и даже совѣщусь безпокоить вновь. . . .

— Будьте откровенны. Вы знаете меня!

« Это-то и даетъ мнѣ смѣлость покорнѣйше просить васъ, чтобы я, вашимъ заступленіемъ, былъ чѣмъ нибудь отличенъ въ Академіи, не въ награду моихъ слабыхъ услугъ, а для внушенія врагамъ моимъ, что труды мои угодны Вашему Превосходительству.

Это откровенное выраженіе прямыхъ чувствованій такъ понравилось Шувалову, что онъ съ улыбкой сказалъ:

— Извольте; я надѣюсь вскорѣ исполнить вашу просьбу.

Шуваловъ могъ сдѣлать это легко, и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ нашелъ случай просить Императрицу о награжденіи Ломоносова какимъ нибудь отличіемъ. Она изустно велѣла ему сдѣлать объ этомъ представленіе. Но Шуваловъ не былъ начальникъ своего любимца. Онъ сообщилъ волю Императрицы Разумовскому, а тотъ приказалъ Академической Конференціи сдѣлать о Профессорѣ Физики и Химіи Ломоносовѣ представленіе по начальству. Но такова была ненависть къ Ломоносову въ товарищахъ его, что они не очень позаботились о немъ и послѣ этого. Дѣло откладывалось отъ засѣданія до засѣданія. Самъ онъ не искалъ ни у кого, ничего; слова, сказанныя имъ Шувалову, выражали искреннюю его мысль: онъ желалъ только предохранительной силы отъ своихъ непріятелей. Само собой разумѣется, что послѣ этого представленіе о немъ отложили на долгій срокъ.

Между тѣмъ Шуваловъ былъ озабоченъ многими дѣлами, и всего больше открытіемъ Московскаго Университета. Къ концу 1754 года онъ подалъ свое донесеніе въ Сенатъ, и просилъ

утвердить Уставъ Университетскій по новому, передѣланному имъ плану. Сердце Ломоносова радовалось этому какъ своему собственному счастію. Дни за два до Новаго года, онъ пришелъ къ Шувалову, порадовавшись вмѣстѣ, и принесъ изготовленное имъ Похвальное Слово Петру Великому, которое долженъ былъ говорить въ слѣдующемъ Апрѣлѣ, въ день коронаціи Императрицы. Онъ прочиталъ его Шувалову, и просилъ сказать, нѣтъ-ли чего исправить въ этомъ Словѣ. Шуваловъ просто расхвалилъ его, восхищался, и въ сердечной откровенности воскликнулъ:

— Боже мой! И этого человѣка не умѣютъ цѣнить! Этому человѣку отказываютъ въ ничтожномъ поощреніи!... Знаете-ли, Михайло Васильевичъ, что Академія нашла средство не одобрить васъ къ наградѣ?

Ломоносовъ остолбенѣлъ: онъ ничего не слыхалъ объ этомъ.

— Да! Они утверждаютъ, что Высочайшія награды уже давно отличили заслуги ваши; что новыхъ причинъ къ представленію нѣтъ, а безъ этого они не осмѣливаются утруждать Императрицу своею просьбою. Такъ и отложено это, впредъ до *особеннаго* случая.

Ломоносовъ глубоко оскорбился. Онъ не могъ даже ничего сказать на неожиданную новость. Напрасно Шуваловъ старался развлечь

съ первой сотни ли представляли хлѣбъ цѣликомъ, т. е. необмолоченными снопами; со второй сотни одни срѣзки, т. е. колосья или кисти проса безъ соломы; съ третей сотни доставляли солому, и перевозили въ столицу хлѣбъ изъ четвертой и пятой сотни; съ четвертой сотни вносили просо, а съ пятой пшено, т. е. ободранное просо. На такомъ же положеніи владѣли землями хлѣбопашцы удѣльныхъ княжествъ; а изъ удѣльныхъ владѣтелей каждый представлялъ главѣ имперіи дань изъ мѣстныхъ исключительнымъ произведеній своей страны.

Подобное раздѣленіе земель на колодцы продолжалось и при династіи Шанъ; но дальнія свѣдѣнія о подробностяхъ уложенія, существовавшаго при помянутыхъ двухъ династіяхъ, утрачены были совершенно, и въ послѣдствіи нѣсколько оттѣнены въ законахъ династіи Чжèй, уцѣлѣвшихъ до нашего времени подъ заглавіемъ Чжеу-ли.

При династіи Ся каждому семейству въ падѣлъ давали 50 му; потому что, послѣ обсушенія болотъ, еще мало было земель, выровненныхъ для хлѣбопашества, а съ другой стороны и народонаселеніе было недостаточно для обработки новыхъ земель. Въ царствованіе династіи Шанъ и Чжèу количество пашенныхъ земель исподоволь умножалось; почему при первой давали каждому тяглу или семейству по 70, а при послѣдней по сту му.

При династіи Чжéу въ каждомъ колодцѣ восемь семействъ обработывали 80 му для правительства, а изъ остальныхъ 20 му давали по $2\frac{1}{2}$ на

« Я прошу Всевышняго Господа Бога, дабы « онъ воздвигъ и ободрилъ ваше великодушное « сердце въ мою помощь, и чрезъ васъ-бы со- « творилъ со мною знаменіе во благо: да видятъ « ненавидящіи мя и постыдятся, яко Господь « помоглъ ми и ушѣшилъ мя есть, изъ двухъ « единымъ: дабы или всѣ сказали: Камень его- « же небрегоша зиждущіи, сей бысть во гла- « ву угла, отъ Господа бысть сей, или-бы въ « мое отбытіе изъ Академіи ясно оказалось, « что она лишилась, потерявъ такого че- « ловѣка, который черезъ толь много лѣтъ « украшалъ оную, и всегда съ гонителями на- « укъ боролся, не смотря на свои опасности. « Ожидая того или другаго, въ твердомъ на « милостивѣйшее ваше ходатайство упованіи, « съ усерднымъ глубокопочитаніемъ пребываю « и проч. »

Отвѣтъ Шувалова не могъ быть сомнителенъ. Онъ тотчасъ послалъ за Ломоносовымъ и вспрѣтилъ его словами:

— Михайло Васильевичъ! Вы хотите оставить меня въ то самое время, когда особенно мнѣ нужны? Это, право, не по-дружески.

« Вашему Превосходительству извѣстно понесенное мною оскорбленіе. Но совсѣмъ не отъ васъ хочу я бѣжать, а отъ враговъ своихъ и отъ непріятностей. У меня не достаетъ больше силъ!

ти урожая. Налогъ на усадьбы платили произрастеніями владѣемой земли, какъ-то съ тутовой усадьбы шелкомъ, съ садовъ—плодами и пр. Горы, лѣса, рыбныя ловли также обложены были налогомъ, и составляли особливую вѣтвь государственныхъ доходовъ. Исключая военной службы и трехъ дней работы, не было никакихъ другихъ повинностей.

Въ Китаѣ съ самаго открытія земледѣлія, правительство непосредственно руководствовало землепашцевъ въ полевыхъ работахъ. Оно указывало имъ время запашки и посѣва сообразно родамъ хлѣба, образъ пропалыванья, т. е. пропашки и уборки каждаго хлѣба, средства къ удобренію и поправленію земель соотвѣтственно ихъ почвѣ. При династіи Чжéу въ каждой общинѣ землемѣръ *цзинъ-жинь* завѣдывалъ содержаніемъ каналовъ въ исправности и опредѣленіемъ межей; навозный *цáо-жинь* завѣдывалъ удобреніемъ полей; бороздной *суй-жинь* опредѣлялъ разряды земли доброй, средней и худой, и сверхъ сего завѣдывалъ посѣвами.

Существенная цѣль такого раздѣла земель, кромѣ уравненія поземельнаго налога и земскихъ повинностей, состояла въ томъ, чтобъ 1) *не было въ государствѣ ни чрезмѣрно богатыхъ, ни чрезмѣрно бѣдныхъ*, т. е. нищихъ и бродягъ; 2) чтобъ *жители, привязанные къ осѣдлости закономъ, безъ крайней необходимости не могли оставлять своего мѣстопребыванія*, и 3) чтобы, *работая подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства, не могли предаваться лѣности и праздности.*

— Ну, а Поповскій?

«Поповскій очень способенъ быть Профессоромъ этого-же предмета, не смотря на то что онъ еще очень молодъ.

— По вашему совѣту, въ Университетѣ назначено быть Профессору Философіи; гдѣ намъ взять его? А мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ эта важная каѳедра не оставалась пустою.

«Всего затруднительнѣе найдти Профессора на эту каѳедру; но я увѣренъ, что ее съ успѣхомъ можетъ занять тотъ-же Поповскій. Позвольте мнѣ переговорить съ нимъ. Можетъ быть, ему надобно будетъ нѣсколько приготовиться; но способностей у него достанетъ.

— Вотъ видите-ли, Михайло Васильевичъ, какъ вы необходимы мнѣ! Вѣроятно, каждый день надобно будетъ намъ видаться, а вы хотите бѣжать отъ тѣхъ дѣлъ, которыми я занимаюсь. Нѣтъ, пожалуста, не думайте о выходѣ изъ Академіи!

«Милостивое расположеніе ваше такъ драгоцѣнно для меня, что я предаю судьбу свою въ вашу волю!

— Знаете-ли, что у меня есть еще планъ, отдаленный, но который также можетъ неполнится? Московскій Университетъ есть основаніе для многаго въ будущемъ. Я намѣ-

ренъ представишь Императрицѣ объ учрежденіи Академіи Художествъ въ Россіи.

«Но какую-же связь имѣетъ это съ Университетомъ?

— А вотъ какую. При вашей Академіи Наукъ положено отдѣленіе Художествъ; но оно никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ должно быть, то есть училищемъ для образованія художниковъ. Ваша Академія собственно заведеніе *ученое*, а не *учебное*. Со временемъ необходимо отдѣлить отъ нея и Гимназію. Но послѣ этого, откуда-же будемъ мы брать образованныхъ молодыхъ людей для Академіи Художествъ, или для какого-бы то ни было подобнаго заведенія? Тутъ-то послужитъ пособіемъ Московскій Университетъ: изъ него будемъ мы избирать способныхъ юношей въ Академію Художествъ, потому что, во-первыхъ, я не хочу и даже *не должень* вмѣшиваться въ дѣла вашей Академіи; да, сверхъ того, и не думаю, чтобы Гимназія при ней была заведеніе прочное. А мнѣ не хочется ничего основать на пескѣ. Теперь видите-ли, что мои заботы объ Университетѣ имѣютъ связь со многимъ другимъ.

«Я только изумляюсь проницательности Вашего Превосходительства и вашему знанію дѣлъ и людей! Какія невидимыя пружины надобно приводить въ дѣйствіе!...

—Безъ этого не льзя, любезнѣйшій Михайло Васильевичъ!

Шуваловъ началъ развивать ему многіе другіе свои планы, потому что въ сердцѣ его точно пламенѣло истинное желаніе водворить въ своемъ отечествѣ Науки и Художества. Потому-то и любилъ онъ говорить съ Ломоносовымъ объ этихъ предметахъ. Душа поэта, постигая всѣ прекрасныя намѣренія благороднаго вельможи, озаряла ихъ новыми идеями.

Ломоносовъ оставилъ Шувалова совершенно утѣшенный и довольный имъ, потому что былъ доволенъ самъ собой. Онъ уже не думалъ объ отставкѣ.

Глава XIV.

1755-й годъ достопамятенъ для Исторіи просвѣщенія въ Россіи: онъ видѣлъ открытіе Московскаго Университета. Это первое у насъ высшее учебное заведеніе осталось долговѣчнымъ памятникомъ Шувалова, который такъ заботился о немъ, такъ хорошо умѣлъ отклонить всѣ препятствія, какія встрѣчались ему при исполненіи великой его мысли, и воздвигъ Университетъ на широкомъ, прочномъ основаніи. Онъ понялъ, что въ сердцѣ Россіи долженъ существовать храмъ наукъ; онъ постигъ важность и необходимость его, но въ подробностяхъ внутренняго порядка былъ многимъ обязанъ совѣтамъ Ломоносова, котораго имя сдѣлалось также нераздѣльно съ Московскимъ Университетомъ.

Когда уставъ этого Университета былъ утвержденъ, къ Шувалову больше нежели когда нибудь стало являться желающихъ найдти мѣста при новомъ заведеніи. Мало надобности

было имъ, способны-ли они къ этому, и какое дадутъ имъ мѣсто: ученое или приказное, потому что въ то время еще не понимали значенія Университетовъ. Ломоносовъ игралъ важную роль у Шувалова. И къ нему стала являться толпа, такъ что смиренная передняя Профессора часто была похожа на переднюю вельможи. Сначала это занимало и даже веселило его; но вскорѣ безстыдство и невѣжество просителей стало ему нестерпимо: онъ просто гонялъ ихъ отъ себя. У Шувалова пріемъ былъ вѣжливѣе, но успѣха не больше, потому что онъ искалъ не того, что̀ видѣлъ въ этой толпѣ, и проницательный умъ его, при помощи свѣдѣній Ломоносова, останавливался только на избранныхъ. Въ числѣ этихъ были Поповскій и Барсовъ, любимцы и ученики Ломоносова. Поповскій занялъ каѳедру *Философіи*, и первый началъ преподавать свой предметъ на Русскомъ языкѣ; Барсовъ былъ сдѣланъ Адъюнктомъ Краснорѣчія. Къ Университету опредѣлился также, только не Профессоромъ, М. М. Херасковъ, который попробовалъ стихи и уже грозилъ поэмами, драмами, и томами высокопарной прозы. Ломоносовъ съ грустью проводилъ Поповскаго, благословляя его на важный подвигъ: возвеличить Науку въ новомъ Университетѣ. Онъ не предчувствовалъ, что разстаются съ нимъ навсегда.

количества 80 му считались подушнымъ паемъ, а 20 подъ домомъ и усадьбою давались ему въ потомственное владѣніе. Устарѣвшіе, неизлечимые и увѣчные получали по 40, жены и наложницы вдовыя по 30 му, многосемейнымъ прибавлялось по 20 му. У всѣхъ двадцать му изъ даннаго количества считались потомственными, а остальные подушнымъ паемъ, или участкомъ. Въ малоземельныхъ волостяхъ отводили въ половину менѣе противъ многоземельныхъ: тощихъ земель отводили двойное количество. Ремесленнымъ и торговымъ въ многоземельныхъ слободахъ отводили половину противъ землепашца, а въ малоземельныхъ ничего не давали. Землю, данную въ потомственное владѣніе, при крайней нуждѣ, имѣли право продать, а подушный пай по смерти владѣльца опять поступалъ въ вѣдѣніе правительства. Пріемъ и раздача земель производились въ Ноябрѣ, т. е. по окончаніи полевыхъ работъ. Бѣднымъ и отправляющимъ земскія повинности давали землю прежде другихъ. Но не въ продолжительномъ времени тотъ же Государь принужденъ былъ уничтожить свой законъ. По прошествіи 230 лѣтъ, въ 954 году, еще Государь Ши-цзунъ пытался ввести уравнительное раздѣленіе земель; но землевладѣльцы сильно воспротивились его установленію. Такимъ образомъ въ продолженіе десяти вѣковъ всѣ усилія правительства утвердить ограничивающій законъ были тщетны. Почему домъ Гинь, вступившій на престолъ имперіи въ 1115 г., произвелъ только измѣреніе земель и опредѣлилъ поземельный налогъ по качествамъ

научаютъ его прямѣе смотрѣть на жизнь, и какъ-бы оковываютъ твердою бронею его сердце. Ломоносовъ тяжело вздохнулъ о своемъ товарищѣ; но тѣмъ сильнѣе вооружался онъ противъ испытаній судьбы, чѣмъ больше видѣлъ себя одинокимъ.

Умъ и дарованія его были въ полной зрѣлости. Вскорѣ онъ доказалъ это самымъ блестящимъ образомъ, когда съ такимъ разительнымъ краснорѣчіемъ произнесъ, въ торжественномъ собраніи Академіи, свое Похвальное Слово Петру Великому, этотъ образецъ ораторскаго искусства. Тутъ многія мѣста напоминаютъ и для насъ Цицерона. Сколько полноты, силы и какого-то высокаго великолѣпія въ послѣдней половинѣ этого Слова! Если Ломоносовъ показалъ себя гдѣ нибудь поэтомъ въ своихъ сочиненіяхъ, то конечно тамъ, гдѣ говоритъ онъ: «Часто размышлялъ я, каковъ «Тотъ, который всесильнымъ мановеніемъ у- «правляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ «Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, «и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ пре- «дѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не «могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ «человѣческомъ видѣ. И такъ, ежели человѣка, «Богу подобнаго по нашему понятію найдши «надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣ- «таю.»

большей противъ другихъ мѣръ обложены разными другими мѣстными повинностями. Нынѣ при измѣреніи земель правительство обращаетъ вниманіе на произведенія, по цѣнности которыхъ и поземельный налогъ опредѣляется.

сихъ поръ не оцѣнили его труда, и современники, напримѣръ Сумароковъ, называли Ломоносова незнающимъ *Россійскаго* языка и послѣ изданія его Грамматики, между тѣмъ какъ и теперь мы не имѣемъ ничего относительно-лучшаго.

Ломоносовъ видѣлъ, что для труда его нѣтъ цѣнителей, и желая придать ему нѣкоторую значительность, испросилъ черезъ Шувалова дозволеніе посвятить первую Русскую Грамматику будущему Наслѣднику Престола, Павлу Петровичу. Онъ исполнилъ свое желаніе въ тотъ день, когда Великому Князю совершился одинъ годъ отъ рожденія, 20 Сентября 1755 года. Такимъ образомъ этотъ годъ достопамятенъ не однимъ Московскимъ Университетомъ, но и первымъ законодательствомъ въ нашемъ языкѣ.

Въ то-же время, когда Ломоносовъ углублялся въ таинства языка и довершалъ свой великій трудъ надъ Русскою Грамматикой, онъ совершилъ важный подвигъ въ Наукѣ Естествознанія. Теорія свѣта и цвѣтовъ была искони предметомъ многихъ изысканій. Отъ чего свѣтитъ солнце? Какимъ образомъ свѣтъ его распространяется по землѣ? Какъ даетъ оно цвѣта предметамъ, употребляя основные семь цвѣтовъ радуги? Эти вопросы такъ естественны и просты, что человѣкъ задавалъ ихъ

себѣ давно, давно, съ первыхъ временъ познанія, и до сихъ поръ не разрѣшилъ положительно. Не за-долго до Ломоносова, Ньютонъ издалъ свою знаменитую теорію, и нашъ ученый, неудовлетворенный ею, изобрѣлъ *свою*, которая была слѣдствіемъ глубокихъ, пятнадцати-лѣтнихъ его изысканій. Оцѣнили-ли ее современники? Можно угадать, когда мы знаемъ, что и въ наше время еще не отдали справедливости этому благородному усилію высокаго ума. Теорія Ньютонова, опровергнутая такъ-же какъ и теорія Ломоносова, извѣстнѣе потому только, что съ нею соединено имя славнаго физика. Ломоносовъ изложилъ свои изысканія и заключенія въ *Словѣ о происхожденіи свѣта*, говоренномъ имъ въ половинѣ 1756 г.

Мы уже замѣтили, что вообще это было самое дѣятельное время его жизни. Онъ опять занимался Металлургіею, для изученія которой жилъ во Фрейбергѣ простымъ рудокопомъ, и послѣ не оставлялъ этого знанія никогда. Давно написалъ онъ цѣлое сочиненіе о Металлургіи; теперь дополнялъ и совершенствовалъ его, и въ 1757 году говорилъ рѣчь: *О рожденіи металловъ отъ трясенія земли.*

Въ одномъ изъ своихъ изслѣдованій онъ справедливо сказалъ, что для яснаго изложенія теоріи Физическихъ и Химическихъ знаній, не-

обходимо было-бы ему написать полную систему; но этому мѣшала *любовь* его *къ Россійскому слову, къ прославленію Россійскихъ героевъ, и къ достовѣрному изысканію дѣяній нашего отечества.* Въ головѣ его было всегда нѣсколько плановъ разныхъ литтературныхъ сочиненій. Въ это время, напримѣръ, онъ хотѣлъ прославить своего героя Петра особеннымъ, большимъ стихотвореніемъ, и обдумывалъ планъ героической поэмы. Раждавшійся Русскій Театръ заставилъ его сдѣлать новую попытку въ трагедіи, и онъ передѣлалъ свою *Тамиру и Селима,* сочиненную за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ. Эта пьеса, совершенно ничтожная, имѣла успѣхъ. Вотъ какимъ образомъ.

Шуваловъ и на высотѣ почестей обходился съ Ломоносовымъ по прежнему, просто, дружески. Однажды онъ посѣтилъ смиренное жилище поэта, и тотъ прочиталъ ему свою трагедію. Шуваловъ пришелъ въ восторгъ отъ нея, хотя для насъ это и непонятно. Онъ взялъ великолѣпную безладицу своего любимца, отвезъ ее въ Царское Село, къ Императрицѣ, и заставилъ раздѣлить свое мнѣніе, что трагедія превосходна. Императрица послала въ подарокъ автору роскошный серебряный кубокъ, съ приличною надписью, а трагедію велѣла отдать на театръ, который уже открылся тогда въ Петербургѣ. Но тѣмъ и кончился весь

успѣхъ, потому что трагедія сама не имѣла достоинствъ, и, сверхъ того, попалась въ руки Сумарокову! Да, Сумароковъ былъ первый Директоръ перваго публичнаго театра въ Россіи. Онъ страстно любилъ сценическое искуство, и при пособіи своихъ милостивцевъ и своихъ трагедій овладѣлъ театромъ. Его сдѣлали Директоромъ, а въ помощь дали ему Ивана Перфильевича Елагина, совоспитанника, друга его, и впослѣдствіи знаменитаго переводчика *Маркиза Глаголя*. Можно представить себѣ, какъ они приняли трагедію Ломоносова, не смотря на то, что она была одобрена Императрицею. Комитетъ бездарныхъ людей раскритиковалъ бездарное произведеніе, и рѣшилъ, что оно писано не по правиламъ Пінтики, наполнено *Славянщизнами*, и потому на театрѣ можетъ быть представлено не иначе какъ съ поправками, которыя вызывались они сдѣлать сами, или предоставляли автору сдѣлать ихъ. Это разсердило Ломоносова и онъ взялъ свою трагедію назадъ.

Онъ даже совсѣмъ бросилъ Литтературу на нѣкоторое время, и занялся изобрѣтеніемъ разныхъ оптическихъ и астрономическихъ инструментовъ, къ чему былъ приведенъ теоріею мореплаванія, обратившею на себя вниманіе его. Между прочимъ сдѣлалъ онъ въ это время, такъ названную имъ, *почезрительную тру-*

бу, и представилъ ее на разсмотрѣніе Академіи.

Но главнымъ и любимѣйшимъ его занятіемъ оставалась мозаика. Онъ не покидалъ ея во все послѣднее время, и увѣрившись, что точно можетъ дѣлать картины мозаическія, занялся съ новою ревностію своимъ Искусствомъ, и наконецъ подалъ въ Сенатъ просьбу о дозволеніи ему украсить Петро-Павловскій соборъ двумя картинами своей работы. Онъ представилъ и проектъ одной изъ нихъ, которая должна была изображать Полтавскую битву, неразлучную съ воспоминаніемъ о Великомъ Петрѣ. Въ этой картинѣ, длиною въ 12, а шириною въ 8 фушовъ, предполагалъ онъ помѣстить на переднемъ планѣ предметы и людей въ естественную ихъ величину. Тогда въ Сенатѣ имѣли сильный голосъ покровители Ломоносова, Графы Шуваловы, Графъ Воронцовъ, и другіе, а потому проектъ его былъ одобренъ и представленъ на утвержденіе Императрицѣ.

Но въ это-же время возстала и злоба противниковъ. Сумароковъ началъ издавать, не задолго передъ тѣмъ, Журналъ : *Трудолюбивую Пчелу*. Сотрудниками его были многіе, въ томъ числѣ и Тредьяковскій. Узнавши, что прошеніе Ломоносова о мозаическихъ картинахъ представлено въ Сенатъ и утверждено тамъ, Тредьяковскій написалъ о Мозаикѣ ру-

гательную статью, гдѣ насмѣхался надъ этимъ Искуствомъ, и еще больше надъ тѣми, кто занимается имъ. Во всемъ этомъ были явные намеки на Ломоносова. Разумѣется, Сумароковъ съ радостью принялъ статью своего клеврета и поспѣшилъ напечатать ее. Но они не удовольствовались этимъ.

Въ числѣ начальниковъ Канцеляріи Академической былъ нѣкто Тауберть. Этотъ человѣкъ также питалъ ненависть въ Ломоносову, и старался всячески досаждать и вредить ему. Онъ одобрилъ статью Тредьяковскаго къ печатанію, и въ то-же время составилъ цѣлую партію въ Академіи противъ *почезрительной трубы*, о которой говорили мы выше. Ее нашли не только неудобною, но и недостойною никакого вниманія.

Оскорбленный Ломоносовъ рѣшился увѣдомить объ этомъ Шувалова, и въ письмѣ къ нему написалъ, между прочимъ, слѣдующее: « Мои манускрипты могутъ нынѣ больше слу-« жить нежели я самъ, не имѣя отъ моихъ « недоброжелателей покоя. Сверхъ сего, не « продолжая времени, долженъ я при первомъ « случаѣ объявить въ ученомъ свѣтѣ всѣ новыя « мои изобрѣтенія, ради славы отечества, дабы « не воспослѣдовало съ ними того-же, что съ « почезрительною трубою случилось. Сей ущербъ « чести отъ моихъ трудовъ сталъ мнѣ вдвое

« горестенъ, для того что тѣ, которые сіе
« дѣло невозможнымъ почитали, еще и понынѣ
« жестоко, съ досадительными словами спорятъ,
« такъ что видя не видятъ, и слыша не слы-
« шатъ. Не взирая на то, стараюсь произвести
« въ дѣйствіе еще новый оптическій инстру-
« ментъ, которымъ-бы много глубже видѣть
« можно было дно въ рѣкахъ и въ морѣ, нежели
« какъ видимъ просто. Коль сіе въ жизни че-
« ловѣческой полезно, всякъ удобно разсудить
« можетъ. При семъ не могу преминуть, чтобы
« не показать явнаго безсовѣстія моихъ не-
« доброхотовъ. Въ Трудолюбивой, такъ назы-
« ваемой, Пчелѣ, напечатано о Мозаикѣ весьма
« презрительно. Сочинитель того, Тредьяков-
« скій совокупилъ свое грубое незнаніе съ
« подлою злостію, чтобы моему раченію сдѣ-
« лать помѣшательство. Здѣсь видѣть можно
« цѣлый комплотъ. Тредьяковскій сочинилъ, Су-
« мароковъ принялъ въ Пчелу, Таубертъ далъ
« напечатать безъ моего увѣдомленія въ той
« командѣ, гдѣ я присутствую. По симъ об-
« стоятельствамъ ясно видѣть, Ваше Высоко-
« превосходительство, можете, сколько сіи
« люди даютъ мнѣ покою, не престая повреж-
« дать мою честь и благополучіе при всякомъ
« случаѣ! Умилосердитесь надо мною, милости-
« вый государь! свободите меня отъ такихъ
« нападковъ, которые меня огорчая, не даютъ

« мнѣ простираться далѣе въ полезныхъ и слав-
« ныхъ моихъ отечеству упражненіяхъ. Ника-
« кого не желаю мщенія; но токмо всеуниже-
« но прошу оправданъ быть передъ свѣтомъ
« Высочайшею конфирмаціею доклада Правите-
« ствующаго Сената, о украшеніи Петро-Пав-
« ловской церкви, чего цѣлый годъ ожидая,
« претерпѣваю, сверхъ моего раззоренія, по-
« смѣяніе и ругательство. »

На другой день Ломоносову принесли записку. Не разсмотрѣвши почерка на адресѣ, онъ думалъ, что это былъ отвѣтъ Шувалова, но къ удивленію своему прочиталъ:

« Старый знакомый желаетъ повидаться съ Г-мъ Профессоромъ М. В. Ломоносовымъ, и проситъ его пожаловать въ Александро-Невскій монастырь, гдѣ спроситъ Архіепископа Димитрія.

« Архіепископъ Димитрій! » воскликнулъ Ломоносовъ. « Это мой бывшій учитель Даніилъ Сѣченовъ! Да, онъ, онъ! Я узнаю даже его руку! »

Въ тотъ-же день, около вечера, отправился онъ въ Александро-Невскій монастырь. Найдти комнаты Архіепископа было не трудно, но келейникъ сказалъ ему, что Высокопреосвященнѣйшій въ церкви, и что отъ него приказано, если придетъ Г. Ломоносовъ, просить его подождать.

«Хорошо!» сказалъ Ломоносовъ, и пошелъ взглянуть на монастырь, котораго не видалъ онъ давно.

День былъ удивительный. Солнце, какъ будто упомленное своею дневною дѣятельностію, тихо опускалось и разсыпало свои золотые лучи на недвижномъ зеркалѣ Невы. Ломоносовъ обошелъ монастырь вокругъ, и стоя на берегу величавой Невы вдыхалъ въ себя чистый воздухъ, упоялся вечернимъ благоуханіемъ растеній, и съ жадностію глядѣлъ не на городскую природу. Онъ такъ отвыкъ отъ природы сельской!... Въ душѣ его пробудилось такъ много разныхъ ощущеній, что онъ самъ не замѣтилъ какъ очутился на Лаврскомъ кладбищѣ. Эта нива Божія еще не была засѣяна какъ теперь. Немногіе кресты и камни возвышались на ней, и глаза Ломоносова невольно упали на ближнюю надпись. Но что̀ почувствовалъ онъ, когда увидѣлъ, что стоитъ надъ могилою Селлія!... Селлій, нѣкогда его идеалъ учености и ума, еще, кажется, недавно видѣнный имъ въ силѣ и дѣятельности, уже больше десяти лѣтъ лежалъ подъ землею! На могилѣ нѣтъ воспоминаній о слабостяхъ человѣка, и Ломоносовъ, забывая какъ видѣлъ онъ Селлія въ послѣдній разъ, невольно упрекнулъ себя за то, что отдалился слишкомъ рѣзко отъ этого достопамятнаго мужа. Селлій не долго пробылъ Секрета-

ремъ у Лестока. Черезъ годъ послѣ свиданія съ Ломоносовымъ, онъ исполнилъ свое давнее, пламенное желаніе: усыновилъ себя Греко-Россійской Церкви, и потомъ постригся въ монашество, подъ именемъ Никодима. Въ 1746 году онъ скончался.

Ломоносовъ съ грустью сообразилъ, что уже нѣтъ многихъ, видѣвшихъ первые годы его и даже первые шаги на томъ поприщѣ, которое проходилъ онъ съ такою славой! И вотъ еще одинъ изъ нихъ!... Онъ поклонился праху Селлія, и задумчиво пошелъ къ Архіепископу.

Сѣченовъ только лишь возвратился отъ вечерней службы, и увидѣвши Ломоносова пошелъ къ нему на встрѣчу. Послѣ обычнаго благословенія пастырскаго, онъ поцѣловалъ его и съ чувствомъ промолвилъ:

— Мы разстались съ вами, Г. Ломоносовъ, почти юношами, а встрѣчаемся снова почти стариками!

«Больше двадцати пяти лѣтъ прошло, Ваше Высокопреосвященство, со времени Московской нашей жизни.

— Да!... Я былъ не далеко отъ васъ однажды: былъ въ Петербургѣ, лѣтъ семь назадъ, но меня почти тотчасъ отправили въ Рязань. А я очень желалъ видѣться съ вами, Г. Ломоносовъ! Ваша слава оправдала всѣ надежды!...

„Ваше Высокопреосвященство говорите съ прежнимъ снисхожденіемъ о своемъ ученикѣ!

— О, совсѣмъ нѣтъ! Я теперь готовъ быть ученикомъ вашимъ, не смотря на то, что въ своемъ мѣстѣ я то-же персона важная! Но для васъ, Г. Ломоносовъ, я прежній Лапинщикъ Сѣченовъ!

«Ваши наставленія и совѣты никогда не изглаживались въ моемъ сердцѣ!

—А что? развѣ не правду говаривалъ я вамъ, что мы сами заготовляемъ себѣ будущее, и что трудолюбіе, терпѣніе, всегда получатъ свою награду? Вы живое доказательство этому.

«Благодарю, Ваше Высокопреосвященство, за благосклонный отзывъ; но для меня и теперь не меньше необходимы слова: трудъ и терпѣніе. Испытанія жизни кажется увеличиваются вмѣстѣ съ годами.

—А, любезный другъ! Это говоритъ всякой, кто имѣлъ какое нибудь прикосновеніе къ міру, лѣтъ десятковъ нѣсколько! Неужели вы думаете, что наша монашеская ряса защищаетъ отъ страстей человѣческихъ? Нѣтъ, онѣ преслѣдуютъ и насъ! Мы слагаемъ съ себя наши собственныя страсти, но извнѣ онѣ прокрадываются и въ дверь монаха.

«Ваше Высокопреосвященство! вы возвращаетесь иногда къ міру какъ пастырь, какъ на-

спавникъ и цѣлитель душъ. Это жертва съ вашей стороны. Но мы, бѣдные, мы сами рабы своихъ и чужихъ страстей!...

Димитрій улыбнулся и медленно сказалъ:

— Я, такъ-же какъ и вы, не знаю, куда еще повлечетъ меня вихрь міра. Я чувствую въ себѣ много дѣятельности.... Можетъ быть, смиренная келья совершенно скроетъ меня отъ бурь свѣта; можетъ случиться и противное.... Но, полно объ этомъ!... Поговоримъ лучше о прежнемъ.

Ломоносовъ долженъ былъ пересказать Архіепископу почти всю повѣсть своей жизни. Прошедшее обновилось для него. Въ такихъ припоминаніяхъ бываетъ много умилительнаго, особенно для тѣхъ, кто провелъ годы жизни своей не безъ чувства. Никогда не могъ-бы подозрѣвать Ломоносовъ, что разговоръ съ Сѣченовымъ, человѣкомъ строгаго, рѣзкаго ума, пробудитъ въ немъ такое расположеніе духа. Онъ пришелъ въ умиленіе и приписывалъ это дѣйствіе своему собесѣднику.

Но въ словахъ Архіепископа, не смотря на желаніе его смирить себя, сверкало прежнее неукротимое честолюбіе. Когда Ломоносовъ началъ говорить о настоящей своей жизни и непріятностяхъ, какими окружаютъ его враги, Сѣченовъ возвысилъ голосъ.

—Надобно умѣть смиряться, Г. Ломоносовъ! Смиряйтесь предъ вашими противниками, чтобы не раздражать ихъ своею возвышенностью, и употребляйте ее только для достиженія къ своей цѣли.

« Но моя цѣль полезный трудъ. Я не желаю почестей, не желаю никакихъ наградъ, и ничего, кромѣ свободы въ моихъ занятіяхъ. А ее-то и не даютъ мнѣ они!

Глаза Сѣченова заблистали и онъ сказалъ какимъ-то пронзительнымъ голосомъ:

— Мы лжемъ на свою природу, когда говоримъ, что не желаемъ ничего, что мы у цѣли, и что намъ остается только совершенствовать пріобрѣтенное трудомъ. Этого не бываетъ никогда. Кто рѣшился возвыситься надъ толпой современниковъ своихъ, въ какомъ-бы то ни было отношеніи, тотъ обрекъ себя на вѣчный трудъ, и у того нѣтъ опредѣленной цѣли. Да, потому что на высотѣ горизонтъ раздвигается до неизмѣримости! Вы хотите распространить науки и прославить свое имя въ Россіи? Но гдѣ граница этому? Одинъ успѣхъ требуетъ другаго! Когда меня произвели Архимандритомъ Свіяжскаго монастыря, я уже чувствовалъ, что этого мѣста мало для моей дѣятельности. Бывши Епископомъ, я желалъ еще большаго. Теперь, милости Импе-

рацрицы возвысили меня еще больше; и я благоговѣю передъ ними, но никакъ не скажу, что достигнулъ своей цѣли. Я за то-то и люблю васъ, Г. Ломоносовъ, что вами обладаетъ это самое чувство! Вы только не хотите сознаться въ немъ.

«Позвольте мнѣ, Ваше Высокопреосвященство, сказать, что честолюбіе никогда не было моею страстью.

— А развѣ не честолюбіе эта жажда Науки? Развѣ не честолюбіе это желаніе возвыситься надъ просвѣщеніемъ современниковъ? Это сильнѣйшее изъ всѣхъ честолюбій, потому что оно хочетъ господства надъ *умами*. Не важно первенствовать надъ толпой мужиковъ; но стать выше толпы ученыхъ!... О!... прибавилъ Архіепископъ улыбнувшись — этому равняется развѣ мое желаніе проповѣдывать теперь правду Царямъ, какъ прежде проповѣдывалъ я Казанской или Нижегородской паствѣ.

«Но такое благородное честолюбіе есть уже страсть высокая. Это великій подвигъ для блага, хотя наружность и показываетъ его чѣмъ-то себялюбивымъ.

— Разбирать страсти человѣческія трудно, потому что онѣ никогда не являются по-одиночкѣ. Надобно чтобы основаніе было велико и благородно: вотъ главное. А для достиженія къ назначенной цѣли необходимо усмирять

нетерпѣливые порывы: они раздражаютъ шѣхъ, кто идетъ съ вами рядомъ, и слѣдовательно задерживаютъ ваши успѣхи. Попытайтесь употребить это средство съ своими, какъ вы называете, противниками, и вы увидите, что они сдѣлаются вашими сотрудниками, вашими орудіями.

«Принимаю всѣ ваши совѣты,» отвѣчалъ Ломоносовъ, «но этимъ не могу воспользоваться. Теперь, когда мнѣ уже почти пятьдесятъ лѣтъ, я не могу передѣлать себя, и желаю только докончить смиренно свои труды.

— И никогда не достигнете этого! У васъ всегда будутъ препятствія и враги. Надобно стать выше людей: тогда только они умолкнутъ передъ вами.

Такое огромное честолюбіе почти ужаснуло простодушнаго Ломоносова. Сѣченовъ раскрылъ для него новый міръ, котораго поэтъ не постигалъ до сихъ поръ....

Ломоносовъ сталъ прощаться съ Архіепископомъ, и онъ сказалъ ему:

—Можетъ быть мы опять не скоро съ вами увидимся. Я здѣсь на нѣсколько дней, по дѣламъ, и возвращаюсь въ свой Новгородъ. Благословляю на благой трудъ, для славы и пользы отечества! Но, вспоминайте, хоть иногда, о моихъ словахъ.

На пути домой, Ломоносовъ воображалъ себѣ прежняго Даніила Сѣченова, своего Латинскаго учителя, и сравнивая это лицо съ видѣннымъ имъ Архіепископомъ, не могъ опомниться отъ изумленія. Никогда не подозрѣвалъ онъ, чтобы въ скромномъ его учителѣ скрывался такой высоко-честолюбивый сановникъ. Такъ много значатъ въ жизни человѣка двадцать пять лѣтъ! Ломоносовъ сообразилъ свою жизнь: какое измѣненіе и въ ней!

«Что̀ еще ожидаетъ насъ въ будущемъ?» подумалъ онъ.

Увидимъ.

Глава XV.

Шувалову было непріятно письмо Ломоносова. Онъ видѣлъ въ немъ не однѣ справедливыя жалобы оскорбленнаго ученаго: онъ видѣлъ новую вспышку горячаго сердца. Ему казалось, что любимецъ его безпрестанно смѣшиваешся съ толпой обыкновенныхъ ученыхъ и не перестаетъ ссориться съ ними. Чтобы избавить его отъ сплетней, и вмѣстѣ показать высокое уваженіе къ уму и познаніямъ его, Шуваловъ исходатайствовалъ Ломоносову новую должность: ему поручили въ полное завѣдываніе Академическую Гимназію, и сверхъ того назначили его непремѣннымъ Совѣтникомъ при Шуваловѣ, по дѣламъ Московскаго Университета. Это возвысило его въ глазахъ многихъ. Особенно товарищи по Академіи начали оказывать больше уваженія человѣку, получившему несомнѣнныя доказательства силы, какую имѣлъ онъ у одного изъ первѣйшихъ вельможъ. Самыя обязанности его сдѣлались гораздо значительнѣе,

и Ломоносовъ съ новою ревностію приступилъ къ исполненію ихъ, сблизился еще больше съ Шуваловымъ, и, видаясь съ нимъ почти каждый день, безпрестанно предлагалъ ему разныя преобразованія по ученой части. Онъ никогда не умѣлъ понять и не соглашался, чтобы хорошая, благодѣтельная мысль могла остаться неисполненною, и потому часто сердился на Шувалова, который, зная дѣла и отношенія, не могъ брать на себя всего, что предлагалъ дѣятельный его Совѣтникъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, этотъ Совѣтникъ вполнѣ увидѣлъ благородную душу и прекрасное направленіе ума Шувалова. Уваженіе его къ нему увеличилось еще больше.

Онъ окончилъ въ это время двѣ первыя пѣсни своей поэмы *Петръ Великій*, и въ восторгѣ сердца посвятилъ Шувалову *начало своего Великаго труда*. Вообще это время было апогеемъ славы и жизни Ломоносова. Въ 1760 году издалъ онъ наконецъ свой *Краткій Россійскій Лѣтописецъ*, который былъ принятъ съ большимъ успѣхомъ, такъ-же какъ и *Предисловіе о пользѣ книгъ церковныхъ*. Хвалы и отличія сыпались на автора со всѣхъ сторонъ.

Но, самое прискорбное извѣстіе неожиданно помрачило свѣтлые дни его. Другъ и воспитанникъ Ломоносова, Н. Н. Поповскій, скончался въ Москвѣ! Ему еще не было и тридцати лѣтъ; онъ только лишь вступилъ на то по-

прище, которое приготовилъ себѣ блистательными успѣхами; будущее цвѣло для него лаврами, и вдругъ все прекратила преждевременная смерть! Можно представить себѣ какъ былъ пораженъ Ломоносовъ! Нѣсколько дней не выходилъ онъ изъ своей комнаты, не могъ приняться ни за что, и искалъ забвенія только на днѣ винной чаши. Несчастное забвеніе! Оно вело его къ гибели, но онъ уже такъ пріучилъ себя къ нему, что почиталъ необходимымъ средствомъ во всѣхъ непріятныхъ случаяхъ жизни, и даже оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ своихъ....

Его не обрадовало даже исполненіе давняго желанія его, которое еще за нѣсколько времени казалось ему послѣднимъ, лучшимъ изъ всѣхъ его желаній. Императрица утвердила докладъ Сената о мозаическихъ картинахъ для украшенія Петро-Павловскаго собора, и на издержки художнику назначили довольно большую сумму.

Но таково свойство сильныхъ душъ, что ихъ не льзя пробудить извнѣ, если внутренняя, самобытная жизнь ихъ дремлетъ. Ломоносовъ не внималъ ничему, покуда не проснулся самъ. За то, стряхнувъ тяжелый сонъ, онъ явился прежнимъ гигантомъ нравственнаго міра. Грусть о потерѣ милаго человѣка оставила

слѣдъ въ его сердцѣ; но онъ измѣрилъ эту потерю, онъ побѣдилъ тоску, и съ новымъ мужествомъ принялся за свои труды.

Прежде всего началъ онъ исполнять мозаическую картину Полтавской битвы. Работа кипѣла одушевленіемъ и быстро подвигалась впередъ. Между тѣмъ, онъ продолжалъ всѣ другіе труды, къ которымъ прибавились теперь заботы о ввѣренномъ ему ученомъ управленіи. Шуваловъ жилъ почти всегда при Дворѣ Императрицы, которая проводила лѣтніе мѣсяцы то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петергофѣ. Ломоносовъ ѣздилъ очень часто въ эти царскіе загородные дворцы, и рѣдко возвращался съ успѣхомъ, потому что проекты и предложенія его были слишкомъ многочисленны, а исполнять ихъ было не легко.

Онъ задумалъ наконецъ преобразовать Академію, и зимою 1760 года неотступно просилъ объ этомъ Шувалова. Тотъ отговаривался, обѣщалъ, спорилъ, и наконецъ согласился дать ходъ проекту его. Ломоносовъ былъ въ ожиданіи, когда однажды Шуваловъ прислалъ просить его къ себѣ обѣдать. Обрадованный поэтъ, обѣщая себѣ добрыя вѣсти, спѣшилъ на приглашеніе.

Нѣсколько изумило его собраніе, которое нашелъ онъ у своего покровителя. Тутъ были знатные люди, вельможи, нѣсколько знакомыхъ

лицъ, и наконецъ — Сумароковъ! Непріятное чувство вшѣснилось въ сердце Ломоносова. Но что̀ почувствовалъ онъ, когда Шуваловъ отвелъ его къ сторонѣ и сказалъ:

— Михайло Васильевичъ! Знаешь-ли зачѣмъ я призвалъ тебя?... Помирись съ Сумароковымъ! Онъ признается, что былъ несправедливъ къ тебѣ, и самъ проситъ мира.

Ломоносовъ не зналъ что̀ отвѣчать на эти неожиданныя имъ слова; но Шуваловъ, не дожидаясь отвѣта его, сказалъ громко:

— Александръ Петровичъ! Вотъ вамъ рука моего пріятеля, что онъ забываетъ все прежнее и будетъ отнынѣ вашимъ добрымъ знакомцемъ.

Сумароковъ тотчасъ подскочилъ къ Ломоносову, схватилъ его руку, и пожимая ее заговорилъ быстро:

— Очень радъ, Михайло Васильевичъ, очень радъ, что мы будемъ съ вами теперь пріятели. Я самъ просилъ Его Высокопревосходительство свести насъ, потому что за что̀ намъ ссориться? Мы оба пишемъ стихи! Такъ что-жъ? Я пишу хорошо, и вы не хуже! Я, сударь, читалъ вашу поэму, и тотчасъ сказалъ, что вы великій пиитъ! Да-съ, безъ утайки скажу это, при цѣломъ свѣтѣ. Ваша поэма полна красотъ! Какіе прекрасные стихи, картины,

вымыслы! Лавровый вѣнокъ вамъ, лавровый вѣнокъ! Есть, правда, грѣхи противъ языка, и я могъ-бы замѣтить вамъ.... но, вы сами сочинили Граммашику: не мнѣ учить васъ! Прекрасно, сударь, прекрасно! Только вы, я думаю, не скоро докончите вашъ прудъ? Есть-ли у васъ еще въ готовности хоть одна пѣснь?...

Эта рѣка словъ разлилась такъ быстро, что Ломоносовъ не могъ ничего ни сообразить въ словахъ Сумарокова, ни отвѣчать на нихъ, и только растворилъ ротъ, какъ собесѣдникъ его уже снова говорилъ:

— А я такъ предпринялъ переложить въ стихи всѣ псалмы Давида. Труда много, да я не боюсь его. Не хочу соперничать съ вами, и пишу только для прославленія Россійскаго слова. Какъ хотите, а мы съ вами уже не будемъ соперниками. Да вотъ, ровно годъ назадъ, вашъ и мой переводъ оды господина Руссо *На счастіе* былъ напечатанъ въ *Полезномъ Увеселеніи*. Чей лучше? Судить не мое дѣло, а признайтесь, что я перевелъ гораздо повѣрнѣе васъ. Я постигъ Французскихъ писателей, и лучше меня не будутъ переводить ихъ и чрезъ сто лѣтъ. Я еще недавно получилъ письмо отъ Г-на Вольтера.... Позвольте, оно, кажется, со мной....

Покуда Сумароковъ шарилъ въ карманахъ, Ломоносовъ отиралъ потъ, который высту-

пилъ на лицѣ его отъ досады на эту шутовскую сцену. Въ самомъ дѣлѣ, двухъ литературныхъ враговъ окружили многіе господа, и съ улыбкою смотрѣли на ихъ встрѣчу. Ломоносовъ бѣсился отъ этого и молчалъ, а Сумароковъ, не обращая вниманія ни на что, воскликнулъ:

—Какая досада! забылъ дома!... Ну да все равно. Вы повѣрите и на слово, что Г. Вольтеръ отдаетъ мнѣ полную справедливость. Онъ даже удивляется, какъ могу я писать трагедіи на Русскомъ языкѣ.

«Мнѣ однакожъ странно,» возразилъ Ломоносовъ, выведенный изъ терпѣнія этою болтовней, «странно, какъ Г. Вольтеръ берется судить о такомъ предметѣ, котораго не можетъ понимать. Вѣдь онъ не знаетъ по-Русски?

— Да я развѣ говорю, что онъ знаетъ? Напротивъ, онъ даже не вѣритъ, что на Русскомъ языкѣ можно писать трагедіи. А вы знаете,» прибавилъ Сумароковъ съ довольнымъ видомъ, «написалъ-ли я трагедіи, и каковы онѣ! Вы и сами дѣлали попытку; да вы не знаете театральныхъ эффектовъ; отъ того и трагедіи ваши не попали на театръ. За то ваша поэма единственна!

Сумароковъ продолжалъ говорить безпрестанно, покуда не позвали всѣхъ къ столу. Онъ хотѣлъ было сѣсть подлѣ Ломоносова, но

тотъ уклонился опъ этой тяжелой для него чести и сѣлъ по другую сторону стола. Сумароковъ и тутъ находилъ средство безпрестанно обращаться къ новому своему другу, который или не отвѣчалъ ничего, или отвѣчалъ какъ можно короче. Хозяинъ былъ чрезвычайно любезенъ со всѣми, но особенное вниманіе обращалъ на своихъ ученыхъ гостей. Замѣчая, что они худо сближаются, онъ старался завести общій разговоръ, гдѣ Ломоносовъ могъ-бы выказать свой умъ и свои познанія. Но поэтъ былъ угрюмъ. Тѣсно было его душѣ среди этого свѣтскаго, чуждаго для него общества; а всего больше досаждалъ ему Сумароковъ, навязываясь со своею дружбою.

Наконецъ пышный обѣдъ кончился и гости перешли въ другую залу. Сумароковъ уже былъ подлѣ Ломоносова, подчивалъ его табакомъ, и опять завелъ рѣчь о прежнемъ, то есть о своихъ стихахъ и литературныхъ успѣхахъ.

—Я стрáхъ сердитъ на Гг. Миллера и Тауберта! — сказалъ онъ между прочимъ. — Это, сударь, себялюбцы, непросвѣщенные люди, грубіяны. Вдругъ не стали имъ нравиться мои стихи! Да повѣрю-ли я этому? Вѣдь прежде они съ радостью принимали ихъ? Миллеръ печаталъ, а Таубертъ пропускалъ. Тутъ другая причина!... Да я и не нуждаюсь. Я живу въ такомъ кругѣ, гдѣ умѣютъ цѣнить дарованія.

Знаете-ли, Михайло Васильевичъ — прибавилъ онъ—что вамъ-бы не худо быть почаще въ нашемъ общественномъ кругѣ, то есть вотъ посѣщать-бы меня, познакомиться съ моимъ семействомъ. Право, пріѣзжайте ко мнѣ, и позвольте также нашимъ женамъ посблизиться. Я почту за честь познакомиться съ Г-жею Коллежскою Совѣтницею, не знаю имени и отчества супруги вашей. . . .

«Благодарю,» сказалъ Ломоносовъ. «Жена моя простая женщина, Нѣмка, и не привыкла обращаться въ свѣтѣ. Она всегда сидитъ дома!

— Но почему-же не развлекать себя иногда? Слава Богу, ваше званіе, ваше имя даютъ доступъ во всѣ лучшіе домы. А мы-бы съ вами между тѣмъ разсуждали о Россійской Словесности. Вотъ, батюшка, предметъ неистощимый! У насъ все новость. Я, напримѣръ, недавно изумилъ одно знатное общество. Утверждали, что на Русскомъ языкѣ не льзя писать нѣжныхъ стиховъ. Я заспорилъ, и въ доказательство, тутъ-же написалъ имъ сто двадцать двустишій, любовныхъ, пастушескихъ и всякихъ. Да, вѣдь вотъ что странно. Читали, восхищались Русскими стихами, а начали хвалить по-Французски!... Господа, сказалъ я имъ: развѣ у насъ нѣтъ своего, Русскаго языка? А они стали смѣяться. Жалкая, сударь, эта

страсть къ чужому языку, и она видимо усиливается.

Ломоносовъ совершенно потерялъ терпѣніе, и воспользовался первою удобною минутою убѣжать отъ несноснаго для него человѣка. Знатные господа усѣлись играть въ карты, Сумароковъ поймалъ какого-то гвардейскаго офицера и началъ ему читать наизустъ отрывки изъ новой своей трагедіи, а Ломоносовъ, тихонько, незамѣтно ни для кого, ушелъ, проклиная этотъ несчастный день.

«Что это дѣлаетъ со мною Иванъ Ивановичъ!» думалъ онъ. «Какъ ему не совѣстно связываться съ этимъ человѣкомъ, и еще сводишь насъ, миришь, какъ будто злыхъ собакъ! О, эти бояре!» Онъ невольно топнулъ. «Самый лучшій изъ нихъ останется вѣренъ своей кастѣ. Они почитаютъ все дозволеннымъ для себя. Они думаютъ, что имъ стоитъ только пожелать, и все исполнится. Нѣтъ, господа! вы ошибаетесь. Вамъ не помирить огня съ водой, человѣка съ дуракомъ, и Ломоносова съ Сумароковымъ!»

Въ страшной досадѣ возвратившись домой, онъ рѣшился выразить Шувалову всѣ свои чувства и тотчасъ исполнилъ это. Въ тотъ-же вечеръ написалъ и отправилъ онъ къ нему письмо, образецъ благородства и прямодушія. Не знаемъ ничего въ этомъ родѣ лучше слѣдующихъ строкъ:

«Никто въ жизни меня больше не изобидилъ,
« какъ Ваше Высокопревосходительство. При-
«звали вы меня сегодня къ себѣ. Я думалъ,
« можетъ быть какое нибудь обрадованіе бу-
« детъ по моимъ справедливымъ прошеніямъ.
« Вы меня отозвали и тѣмъ поманили. Вдругъ
« слышу: помирись съ Сумароковымъ! То есть
« сдѣлай смѣхъ и позоръ. Свяжись съ такимъ
« человѣкомъ, отъ коего всѣ бѣгаютъ и вы
« сами не рады. Свяжись съ тѣмъ человѣкомъ,
« который ничего другаго не говоритъ, какъ
« только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣд-
« ное свое рифмичество выше всего человѣче-
« скаго знанія ставитъ. Тауберта и Миллера
« для того только бранитъ, что не печатаютъ
« его сочиненій, а не ради общей пользы. Я
« забываю всѣ его озлобленія, и мстить не хочу
« ни коимъ образомъ, и Богъ мнѣ не далъ злоб-
« наго сердца. Только дружиться и обходить-
« ся съ нимъ ни коимъ образомъ не могу,
« испытавъ чрезъ многіе случаи, и зная каково
« въ крапиву..... Не хотя васъ оскорбить
« отказомъ при многихъ кавалерахъ, показалъ я
« вамъ послушаніе, только васъ увѣряю, что въ
« послѣдній разъ. И ежели, не смотря на мое
« усердіе, будете гнѣваться, я полагаюсь на
« помощь Всевышняго, который мнѣ былъ въ
« жизнь защитникомъ и никогда не оставилъ,
« когда я пролилъ предъ Нимъ слезы въ моей

« справедливости. Ваше Высокопревосходитель-
« ство, имѣя нынѣ случай служить отечеству
« споможествованіемъ въ наукахъ, можете луч-
« шія дѣла производить, нежели меня мирить
« съ Сумароковымъ. Зла ему не желаю; мстить
« за обиды и не думаю, и только у Господа
« прошу, чтобы мнѣ съ нимъ не знаться. Будь
« онъ человѣкъ знающій и искусный, пускай
« дѣлаетъ пользу отечеству; я по моему мало-
« му таланту также готовъ стараться. А съ
« такимъ человѣкомъ обхожденія имѣть не могу
« и не хочу, который всѣ прочія знанія позо-
« ритъ, которыхъ и духу не смыслитъ. И сіе
« есть истинное мое мнѣніе, кое безъ всякія
« страсти нынѣ вамъ представляю. Не токмо у
« стола знатныхъ господъ, или у какихъ зем-
« ныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но
« ниже у самого Господа Бога, который мнѣ
« далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ. Г. Сума-
« роковъ, привязавшись ко мнѣ на часъ, столь-
« ко всякаго вздору наговорилъ, что на весь
« мой вѣкъ станетъ, и радъ, что его Богъ
« отъ меня унесъ. По разнымъ наукамъ у меня
« столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ
« компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть
« дома, и не желаютъ съ комедіянтами обхож-
« денія. Я пустой болтни и самохвальства не
« люблю слышать. И по сіе время ужились мы
« въ единодушіи. Теперь, по вашему мирошвор-

« сиву, должны мы вступить въ новую, дурную « атмосферу. Ежели вамъ любезно распростране « ніе наукъ въ Россіи, ежели мое къ вамъ « усердіе не исчезло въ памяти, постарайтесь « о скоромъ исполненіи моихъ справедливыхъ « для пользы отечества прошеніяхъ, а о при « миреніи меня съ Сумароковымъ, какъ о мѣ « лочномъ дѣлѣ, позабудьте. Ожидая отъ васъ « справедливаго отвѣта, съ древнимъ высоко « почитаніемъ пребываю, и проч.

Послѣ такого письма, Шуваловъ, разумѣется, оставилъ свое намѣреніе примирить непримиримыхъ. Да и возможно-ли было это? Въ сердцѣ человѣческомъ много тайнъ, но одна изъ самыхъ непостижимыхъ — отвращеніе или привязанность, эти два чувства, равно могущественныя и непобѣдимыя. Ломоносовъ чувствовалъ рѣшительное отвращеніе къ Сумарокову и ко всей его партіи, приходилъ въ гнѣвъ при одной мысли сблизиться съ ними, и досадовалъ на Шувалова за самое намѣреніе его объ этомъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что Сумароковъ желалъ пріязни Ломоносова, и самъ сдѣлалъ первый вызовъ на нее. Можетъ быть, спанутъ обвинять нашего поэта, зачѣмъ отвергнулъ онъ этотъ *честный миръ*. Зачѣмъ! Таково было глубокое чувство его къ Сумарокову. Онъ не могъ видѣть его, не могъ слышать о немъ безъ досады, и основаніемъ это-

го конечно была совершенно-противуположная природа ихъ ума и сердца.

Но эта маленькая досада скоро миновалась, и Ломоносовъ по прежнему былъ въ своихъ любимыхъ трудахъ. Мозаическая, огромная картина Полтавской битвы была почти окончена, и уже заранѣе онъ радовался торжеству своему. Такъ много охуждали его мысль, такъ много испыталъ онъ препятствій при исполненіи ея, что, можетъ быть, ничего въ жизни не ждалъ онъ съ бо́льшимъ нетерпѣніемъ, какъ той минуты, когда превосходное произведеніе его торжественно займетъ свое мѣсто.

Это было въ концѣ 1761 года. Здоровье Императрицы давно возбуждало опасенія; но около этого времени усилились прискорбные слухи о ея жизни. Всѣ любившіе ее еще льстили себя надеждой; всѣ вѣрили, что грозныя предвѣстія пройдутъ какъ тяжкій сонъ. Провидѣніе опредѣлило иначе. Императрица скончалась въ самый день Рождества Христова....

Это было тяжкимъ ударомъ для многихъ; въ томъ числѣ и для Ломоносова. Онъ былъ пораженъ совершенно, потому что обожалъ Императрицу Елисавету, и, сверхъ того, предвидѣлъ, что она многое унесла съ собой въ могилу.

Глава XVI.

При новомъ Императорѣ дѣла приняли новое направленіе, и Шуваловъ тотчасъ увидѣлъ, что ему надобно удалишься отъ нихъ. Не занимая никакихъ важныхъ должностей оффиціяльно, онъ былъ силенъ только личною значительностью своею, и еще больше своихъ родственниковъ. Такимъ образомъ, ему было легко перейдши къ уединенной, независимой жизни. Съ нимъ вмѣстѣ потерялъ много силы и Ломоносовъ, которыи, можно сказать, жилъ и дышалъ имъ. Правда, у него оставался еще покровитель, Графъ Воронцовъ; но послѣ паденія Канцлера Бестужева, котораго занялъ онъ и мѣсто, Воронцовъ былъ обремененъ множествомъ дѣлъ, такъ что, въ послѣдніе годы, Ломоносовъ даже рѣдко видался съ нимъ. Теперь, когда вліяніе Шуваловыхъ, и вмѣстѣ съ ними Разумовскихъ, ослабѣло, у нашего поэта не оставалось почти никакого покровителя изъ сильныхъ вельможъ.

Воронцовъ, всегда бывшій приверженцемъ Петра III-го, сохранилъ мѣсто Канцлера, и пріобрѣлъ еще большую силу при Императорѣ; но мы уже упомянули, что ему не было досуга заниматься Ломоносовымъ.

Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства привели въ уныніе нашего поэта. Онъ прогремѣлъ лирой восшествіе на престолъ Императора, и ждалъ лучшихъ дней; но духъ его упалъ. Ему казалось, что со смертью Императрицы все для него кончилось. Особенно прискорбно было нравственное паденіе его: онъ больше прежняго сталъ предаваться своей несчастной страсти.

Но событія шли быстро. Царствованіе Императора было кратковременно, и престолъ Россіи заняла юная Императрица Екатерина II. Она умѣла вдругъ все оживить и привлечь къ себѣ. Самъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, въ первый день ея царствованія явился во дворцѣ, и Екатерина, увидѣвши его, сказала благосклонно: «Радуюсь, Иванъ Ивановичъ, что и вы съ нами!» Но Шуваловъ уже не могъ имѣть прежняго вліянія на дѣла. Онъ показывалъ готовность дѣйствовать, но оставался почти безъ дѣла.

Почти въ такихъ-же отношеніяхъ былъ и нашъ Ломоносовъ. Онъ зналъ, что новая Императрица обѣщаетъ славные дни своему Государ-

сиву; но уже лѣта, прискорбія, труды утомили сильную душу его. Онъ хотѣлъ быть только зрителемъ и спокойно окончить свое недовершенное поприще. Но можетъ-ли располагать своими одушевленіями поэтъ? Можетъ-ли онъ знать спокойствіе? Первый внезапный порывъ обстоятельствъ увлечетъ его съ собою.

Ломоносовъ написалъ оду на восшествіе на престолъ Екатерины, и черезъ нѣсколько дней получилъ приглашеніе явиться во дворецъ. Онъ встрѣтилъ тамъ неожиданный пріемъ: его какъ будто ждали и тотчасъ провели въ комнаты приближенной Штатсъ-Дамы, Екатерины Романовны Дашковой. Ломоносовъ видалъ эту знаменитую женщину ребенкомъ, потому что она была племянница Графа Воронцова. Въ домѣ его не разъ встрѣчалъ онъ умную, страстную къ ученью дѣвочку, и слышалъ послѣ, что она вышла за мужъ на 15-мъ году. Но замужство ея не было счастливо: на 18-мъ году она овдовѣла. Искренно преданная Великой Княгинѣ, она въ цвѣтущіе, розовые годы юности сдѣлалась одною изъ самыхъ близкихъ особъ при Императрицѣ.

Въ красотѣ и блескѣ явилась она Ломоносову.

—Я имѣю порученіе Ея Величества изъявить вамъ Высочайшее благоволеніе Ея—сказала она Ломоносову — и пользуюсь этимъ счастливымъ

случаемъ возобновить знакомство съ вами, Михайло Васильевичъ!

«Вы являетесь мнѣ покровительнымъ ангеломъ, какъ прежде являлись ангеломъ счастія для всѣхъ окружавшихъ васъ!» сказалъ признательный Ломоносовъ. «Извините, милостивая государыня!... Я не умѣю выразить вамъ благодарности, какою исполнено мое сердце.

— А я въ первый разъ испытываю теперь, какъ пріятно имѣть порученія земныхъ Властителей: ихъ щедроты и милости опражаются и на тѣхъ, кто въ этомъ случаѣ не больше какъ исполнитель. Впрочемъ — прибавила она улыбаясь — я буду стараться заслужить ваше доброе мнѣніе. Вы знаете, а можетъ быть и нѣтъ, что я всегда любила слушать васъ, всегда восхищалась вашими сочиненіями. Теперь, когда науки составляютъ все мое упѣшеніе, я гляжу на васъ съ новымъ чувствомъ, какъ благодарная почитательница ваша.

Свѣтскіе люди вообще не умѣютъ говорить комплиментовъ ученымъ и литераторамъ: Ломоносовъ испыталъ это не разъ; но тутъ онъ слышалъ новый языкъ, также условный, но вѣрный всѣмъ приличіямъ и пріятный для его самолюбія. Можетъ быть юность и свѣжесть собесѣдницы придавала всему этому новую цѣну; но поэтъ конечно чувствовалъ, что въ

словахъ прекрасной почитательницы его была и неподдѣльная искренность.

Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Дашкова имѣла случай показать свой умъ и обширныя познанія. Она казалась въ восторгѣ отъ Ломоносова, звала его къ себѣ на вечера, и даже принудила дать слово явиться по первому ея приглашенію. Осмнадцати-лѣтняя вдова, милая, образованная, близкая къ всесильной власти, имѣетъ въ себѣ много плѣнительнаго. Но старикъ Ломоносовъ былъ особенно очарованъ ея необыкновенными познаніями, и, можетъ быть, тѣмъ, что она какъ будто изучала всѣ его сочиненія. Не только стихи, но и ученые труды его были извѣстны ей совершенно.

Черезъ нѣсколько дней онъ получилъ приглашеніе отъ Дашковой. Она не говорила ему при свиданіи, что любитъ собирать у себя литтераторовъ, или по крайней мѣрѣ любителей Словесности, но онъ нашелъ ихъ у нея.

Кто-же были это? Люди, почти вовсе неизвѣстные Ломоносову, кромѣ молодаго Нѣмца Шлецера, люди, какъ говорится, новаго поколѣнія: Ѳедоръ Эминъ, Князь Щербатовъ, Новиковъ, Булгаковъ, Веревкинъ, Державинъ!

Надобно объясниться, кто были они.

Шлецеръ, почти за годъ передъ тѣмъ вызванный Миллеромъ изъ Гёттингена, сохранялъ еще весь первообразъ молодаго Нѣмецкаго ученаго,

только что оставившаго Университетскую скамью. Ему было едва-ли 27 лѣтъ, и онъ уже предвѣщалъ собою будущаго знаменитаго изслѣдователя Русской Исторіи. Но его суровый видъ, строгій характеръ и отрывистыя рѣчи не могли сблизить съ нимъ Петербургскихъ ученыхъ, такъ, что, проживши почти годъ въ нашей сѣверной столицѣ, онъ не зналъ почти никого изъ нихъ, и уже бранилъ всѣхъ безъ исключенія.

Совсѣмъ иное былъ Ѳедоръ Эминъ, Турокъ, Татаринъ, ренегатъ, Богъ знаетъ что такое. Онъ называлъ себя Русско-Польскимъ урожденцемъ, говорилъ на множествѣ языковъ Европейскихъ и Восточныхъ, былъ остроуменъ, даже любезенъ по своему, хотя не отличался хорошимъ обхожденіемъ, угождалъ всѣмъ и каждому, и за то его любили. Много разсказывали темныхъ преданій о его ренегатствѣ, о его приключеніяхъ, но самъ онъ смѣялся надъ этимъ и отдѣлывался шутками. Его молодыя лѣта казались опроверженіемъ безконечныхъ разсказовъ о его жизни.

Гораздо занимательнѣе былъ Князь Щербатовъ. Онъ испыталъ неудачу по службѣ при послѣднемъ Императорѣ, былъ отставленъ изъ гвардейскихъ Капитановъ, и теперь являлся какимъ-то *гонимымъ*. Строго соблюдая приличія свѣтскаго, лучшаго тона, онъ однакожь съ

презрѣніемъ говорилъ о службѣ, философствовалъ, и хотѣлъ представляться ученымъ и глубокомысленнымъ. Всѣ знали, что онъ занимается Русскою Исторіею.

Булгаковъ и Веревкинъ имѣли извѣстность людей *пишущихъ*, и въ самомъ дѣлѣ писали неутомимо. Это не часто встрѣчается у насъ и теперь. Впрочемъ, Булгаковъ пользовался еще славою умнаго молодаго чиновника, а Веревкинъ трудолюбиваго словесника, что и оправдалъ онъ послѣ, издавши въ свою жизнь томовъ сто трудныхъ переводовъ, большею частію хорошихъ книгъ.

Тутъ-же были два молодые солдата, Новиковъ и Державинъ, оба юноши лѣтъ по-осмнадцати, оба служившіе, по тогдашнему обычаю дворянъ, въ нижнихъ чинахъ Гвардіи, оба безсмертные именами въ Исторіи Русской Литературы. Новиковъ имѣлъ отъ природы самую счастливую физіогномію, и отличался необыкновеннымъ остроуміемъ и ловкостью. Умъ блисталъ въ его лицѣ и каждомъ поступкѣ. Державинъ, напротивъ, казался простякомъ, былъ неуклюжъ, неловокъ, но все это до перваго одушевленія: тогда показывалъ онъ сильный характеръ, умъ и душу.

Въ такомъ обществѣ явился Ломоносовъ, знаменитый своимъ именемъ. Отлично вѣжливый пріемъ милой хозяйки еще увеличилъ ува-

женіе къ нему гостей. Она представила ихъ ему, какъ корифею Русской Литературы, и добрая молодежь искренно изъявляла свои чувства этому удивительному человѣку. Только Шлецеръ, съ которымъ Ломоносовъ былъ уже знакомъ, отмалчивался и грызъ ногти. Больше всѣхъ гремѣлъ Эминъ.

— Вотъ счастливый случай! — сказалъ онъ Ломоносову. — Да-съ, счастливый, то есть для меня, потому что вы, Михайло Васильевичъ, не можете представить себѣ какъ я уважаю васъ.

«Очень благодаренъ вамъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ, « но могу взять вѣжливости ваши развѣ въ долгъ, и боюсь быть неисправнымъ должникомъ.

— О, Михайло Васильевичъ! Я видалъ свѣтъ, но подобныхъ вамъ людей не видывалъ.

« Да гдѣ-же вамъ было и видѣть ихъ?» проворчалъ Шлецеръ. «Вѣдь вы все жили въ Турціи.

Эминъ быстро повернулся къ нему и отвѣчалъ:

— Но я въ Европѣ научился уважать знаменитыя имена и гостепріимство. Въ Турціи люди грубы и умомъ и чувствомъ. Но, безъ шутокъ, и тамъ время мое прошло не безъ пользы. Я узналъ источники многаго, и теперь постараюсь употребить это въ дѣло. Я знаю двадцать семь языковъ.

«Поздравляю васъ,» замѣтилъ опять Шлецеръ, «но языковъ семь можно было-бы и откинуть: они лишніе.

—Вы все шутите, Г. Шлецеръ!—со смѣхомъ возразилъ Эминъ. — Но я точно пишу теперь книги о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: два романа, письма, но есть цѣлую кницгу писемъ, Изображеніе Оттоманской Имперіи, и еще Россійскую Исторію.

Шлецеръ всталъ, и сѣлъ подальше отъ него, подлѣ Дашковой, которой сказалъ онъ въ полголоса:

«Зачѣмъ вы принимаете къ себѣ этого безстыднаго лгуна?

Улыбка была отвѣтомъ на это странное замѣчаніе. Шлецеръ также замолчалъ.

Между тѣмъ живой споръ завязался у молодаго Новикова съ Ломоносовымъ. Первый утверждалъ, что съ любовью къ добру человѣкъ можетъ сдѣлать многое; другой говорилъ, что это не въ его власти, и что съ самымъ пламеннымъ желаніемъ всего труднѣе дѣлать добро.

«Молодой человѣкъ!» сказалъ наконецъ Ломоносовъ: «доживите до моихъ лѣтъ, и потомъ вспомните Ломоносова, который говоритъ вамъ послѣ горькой опытности.

—Не знаю, случится-ли мнѣ исполнить ваше порученіе,» отвѣчалъ Новиковъ, «но я и тогда

не перемѣню своихъ мыслей. Развѣ меня столкнутъ съ моего пути неудачи? Боже мой! да я опять вступлю на прежній путь, не на томъ, такъ на другомъ мѣстѣ.

Ломоносовъ качалъ головой.

— Да какъ-же, Михайло Васильевичъ! Воля человѣка побѣждаетъ все!

«Воля! Но что̀ значитъ она передъ волею тысячей? А страсти человѣческія? А отношенія? А зло, скрытое во многихъ сердцахъ?... Да что̀ и говоришь! Это выбьетъ васъ изъ самаго крѣпкаго сѣдла.

—Напротивъ, мнѣ кажется! Я употреблю въ пользу и страсти, и отношенія, и даже злобу людей для благой, вѣрной цѣли добра.

«Желаю, чтобы исполнились намѣренія ваши, благородный молодой человѣкъ!» сказалъ Ломоносовъ пожимая руку Новикова. «Но я предчувствую, что съ этимъ образомъ мыслей вы приготовляете себѣ много бѣдствій.

— Съ желаніемъ добра бѣдствія? Это невозможно, Михайло Васильевичъ!

«Что-жъ дѣлать?... Таковъ свѣтъ!...» сказалъ уныло собесѣдникъ его.

Князь Щербатовъ, который во все это время разговаривалъ по-тихоньку съ Дашковой, сказалъ, не обращаясь ни къ кому:

«Все мечта!... Если можно, такъ надобно сдѣлать что нибудь практическое, существенное для жизни.

—Князь подтверждаетъ мою мысль— подхватилъ Новиковъ.

Но Щербатовъ не удостоилъ его вниманіемъ, и обратился къ Ломоносову:

—Скажите, Г. Ломоносовъ, какъ подвигается ваша Россійская Исторія? Признаюсь, это мой любимый предметъ, и я очень интересуюсь имъ.

«Моя Исторія спитъ спокойнымъ сномъ,» отвѣчалъ Ломоносовъ, который не любилъ говорить объ этомъ предметѣ.

— Напрасно! — прибавилъ Щербатовъ садясь подлѣ него.—Я думаю, изданіе подобной книги принесло-бы вамъ много чести.

«Нѣтъ, Князь! Исторія требуетъ зрѣлости, до которой еще не высѣлъ мой трудъ.

— А я такъ удивляюсь, господа! — сказалъ Шлецеръ.— Вы, люди умные, занимаетесь вздоромъ!

«Какъ вздоромъ?» спросилъ почти изумленный Щербатовъ.

—Да, потому что какая можетъ быть Исторія, когда еще матеріялы не очищены, не обработаны критикой? Вамъ надобно, прежде

всего, критическое изданіе лѣтописей, а не Исторія, которая безъ нихъ ночно будетъ вздоромъ.

Щербатовъ уперся въ свое самолюбіе и не отвѣчалъ: только улыбнулся.

«Рѣзко, но справедливо,» сказалъ Ломоносовъ. «Впрочемъ, я занялся Исторіею не по собственному желанію, и къ тому-же развлеченъ множествомъ другихъ дѣлъ.

—Хороши историки!—сказалъ въ полголоса Шлецеръ.

«Господа!» сказала Дашкова. «Г. Эминъ хочетъ прочесть намъ отрывокъ изъ новаго своего сочиненія.

—Да-съ, если позволите!—прибавилъ Эминъ вынимая тетрадку.—Это будетъ чтеніе самое приличное въ обществѣ дамы: *Приключенія Лизарка и Сарманды.*

Шлецеръ всталъ, и сказавши нѣсколько словъ Дашковой вышелъ.

Эминъ уморилъ собесѣдниковъ тоской и скукой. Отрывокъ его былъ длиненъ, пелѣнъ, глупъ.

Послѣ него Булгаковъ читалъ отрывки своего перевода изъ Аріостова *Влюбленнаго Роланда*; а Веревкинъ отрывокъ изъ перевода *Записокъ Сюлли*. Оба эти собесѣдника мало вмѣшивались въ разговоры и споры, но все

шаки произносили хошь по нѣскольку словъ въ общихъ разговорахъ. Напротивъ Державинъ провелъ почти весь вечеръ безмолвно, сидя на одномъ мѣстѣ, и казался статуею. Онъ былъ такъ не ловокъ и мало увѣренъ въ себѣ, что не смѣлъ отважиться ни на какой разговоръ. Никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго *пѣвца Екатерины, Бога!*

Такъ окончился этотъ литтературный вечеръ у одной изъ образованнѣйшихъ дамъ своего времени. Онъ не оставилъ въ Ломоносовѣ пріятнаго впечатлѣнія. Напротивъ, съ грустью подумалъ онъ, разбирая въ умѣ видѣнныхъ имъ людей: «Бѣдные! Они, съ своими страстями, хотятъ сдѣлать *что-то!* Они надѣются дѣйствовать на поприщѣ жизни!

Уже такъ холоденъ былъ разсудокъ нашего поэта! Впрочемъ, онъ не могъ предвидѣть великаго дѣятеля въ Новиковѣ, трудолюбивыхъ людей во многихъ собесѣдникахъ своихъ, превосходнаго изслѣдователя въ Шлецерѣ. Въ Державинѣ трудно было-бы ему и угадать безсмертнаго поэта: онъ почти не замѣтилъ его.

«И вотъ что называютъ они ученымъ препровожденіемъ времени! Сберутся, скажутъ нѣсколько сарказмовъ, нѣсколько дурачествъ, или польстятъ пріятельскому самолюбію; наконецъ прочтутъ нѣсколько пустыхъ страницъ,

и довольны! Они провели вечеръ литературный, ученый!... Мнѣ уже опвратительны эти ученыя бесѣды!»

Онъ очень рѣдко послѣ этого ѣзжалъ къ Дашковой; впрочемъ, она скоро скрылась съ горизонта политическаго и уѣхала изъ Петербурга.

Между тѣмъ Ломоносовъ рѣшился издать свою Металлургію, которую сочинилъ онъ первоначально лѣтъ за двадцать, вскорѣ по возвращеніи въ отечество, когда у него были еще въ свѣжей памяти уроки Нѣмецкихъ Бергмейстеровъ; послѣ онъ безпрестанно дополнялъ ее и совершенствовалъ. Изготовивъ къ печати, онъ хотѣлъ посвятить свой многолѣтній трудъ новой покровительницѣ наукъ, Великой Екатеринѣ. Императрица благосклонно изъявила на это согласіе, и даже велѣла призвать Ломоносова къ себѣ. Въ назначенный день, онъ долженъ былъ явиться во дворецъ, и явился.

Въ передней залѣ встрѣтилъ его докладчикъ, и кто-же былъ это? Григорій Николаевичъ Тепловъ, прежній Адъюнктъ Академіи, а теперь важное лицо, Секретарь у принятія прошеній и вскорѣ Сенаторъ! 29 Іюня 1762 года онъ имѣлъ случай оказать услугу Императрицѣ и былъ за то осыпанъ ея милостями. Ломоносовъ обрадовался встрѣтивъ стараго товарища, который ни сколько не перемѣнился отъ

своего возвышенія. Онъ тотчасъ пошелъ съ докладомъ о Ломоносовѣ, и вскорѣ отворилъ передъ нимъ двери кабинета.

Екатерина была уже не въ первой молодости, когда Ломоносовъ увидѣлъ ее могущественною Императрицею; но черты лица ея оставались всегда прекрасны, и въ придачу четыре года она казалась еще очаровательна своею осанкою, взглядомъ и необыкновенно-благородною поступью. Вся юность ея протекла въ умственныхъ занятіяхъ, важныхъ и строгихъ, потому что Екатерина любила науки; и, долго живши въ удаленіи отъ покойной Императрицы, посвящала уединенные часы свои основательному ученію. Отъ того умъ ея былъ столько-же образованъ, сколько сердце опытно въ страстяхъ человѣческихъ, а душа готова на все великое.

Она встрѣтила нашего поэта ласковою улыбкою, позволила поцѣловать свою руку и сказала:

— Давно пора намъ, Г. Ломоносовъ, познакомиться съ вами. Я, правда, знаю васъ хорошо, но хочу чтобы и вы узнали меня лучше.

«Государыня!» отвѣчалъ Ломоносовъ. «Вы владѣете сердцами всѣхъ Россіянъ, которые имѣютъ счастіе быть вашими подданными.

— Вотъ видите-ли, Г. Ломоносовъ, что вы не знаете меня! Я увѣрена: всѣ добрые Русскіе

любящъ меня. И какъ имъ не любить той, которая безпрестанно думаетъ о ихъ счастіи? Но отъ васъ желала-бы я еще заслужить похвалу добраго учителя къ хорошей ученицѣ.

« Всемилостивѣйшая Государыня!» воскликнулъ Ломоносовъ; но Екатерина продолжала:

— Позвольте сказать мнѣ все: я учлась по вашимъ сочиненіямъ Русскому языку, и рада учиться изъ вашихъ наставленій многому. Какъ пріятно будетъ мнѣ услышать, что вы найдете меня для этого способною, и скажете, что я не даромъ провела время, покуда не занялась своимъ *маленькимъ хозяйствомъ*, Россіею. А для этого вы должны узнать меня, Г. Ломоносовъ!

« Государыня! Я знаю васъ, знаю вашу великую душу, ваши безсмертныя дѣла!

— Пожалуста не льстите мнѣ, Г. Ломоносовъ! — сказала съ высокимъ своимъ простодушіемъ Екатерина. — Царямъ и такъ много сжигаютъ лишняго ѳиміама. Отъ васъ хочу я слышать только истину. Оставимъ пышныя фразы для парадовъ.

Ломоносовъ невольно пришелъ въ умиленіе отъ этой простоты въ разговорѣ величайшей изъ земныхъ владычицъ, и съ чувствомъ промолвилъ:

« Признаюсь, Государыня! я имѣлъ высокую идею о власти, облекающей мудростъ; но вы

превыше всего, что̀ воображалъ я когда нибудь. Мнѣ остается только благоговѣть передъ Вами!... мой слабый умъ можетъ только удивляться Вамъ.

— А иногда и указать мнѣ что нибудь. Желала-бы я видѣть вокругъ себя побольше такихъ людей какъ вы! Я принуждена переписываться съ Французскими учеными, потому что мнѣ не съ кѣмъ изъ нашихъ отдохнуть умомъ. Вы, господа, такъ себялюбивы, что хранише свои сокровища только для самихъ себя. А между тѣмъ у васъ въ рукахъ важная часть народнаго блага: просвѣщеніе. Мы можемъ желать его, а вы должны сотворить.

«Вся жизнь моя посвящена этому, Государыня! Но что̀ могу я сдѣлать своими слабыми силами?

— А развѣ мало уже сдѣлали вы? Ваши прекрасныя сочиненія будутъ образцами и для потомковъ, не только для современниковъ нашихъ. Вашъ примѣръ пробудитъ много сильныхъ умовъ! Нѣтъ, Г. Ломоносовъ! я сказала вамъ, что знаю васъ.... Вы уже сдѣлали много для будущаго и для настоящаго. Но я желалабы придать вамъ еще больше силъ и средствъ. Довольны-ли вы своею участью?

Могъ-ли Ломоносовъ сказать что нибудь кромѣ словъ:

— Высочайшими щедротами вашими и вашихъ предшественниковъ, я совершенно обезпеченъ и вознесенъ выше слабыхъ заслугъ своихъ.

— Вы не хотите на первый случай сказать мнѣ всего. Но, нѣтъ нужды! Я сама знаю, что̀ надобно вамъ.

Императрица начала разговоръ о настоящихъ занятіяхъ Ломоносова, распрашивала его о прежней его жизни, и доказала между тѣмъ, что знаетъ ее очень хорошо. Съ новыми увѣреніями въ своей благосклонности, она отпустила наконецъ его, послѣ аудіэнціи довольно продолжительной.

Нужно-ли прибавлять, какъ былъ осчастливленъ Ломоносовъ этимъ событіемъ своей жизни? Онъ тотчасъ побѣжалъ къ Шувалову, пересказать свой разговоръ съ Императрицею, и въ восторгѣ сердца не находилъ словъ для похвалъ ей. Шуваловъ слушалъ его, какъ вельможа, упрашившій свою власть. Онъ, правда, не только не былъ въ немилости, но и пользовался особеннымъ расположеніемъ при Дворѣ, получалъ даже многія дѣла для исполненія, сохраняя свои мѣста. Но всѣмъ этимъ награждалъ его только умъ Екатерины, которая видѣла въ немъ полезнаго дѣйствователя. Онъ не имѣлъ уже никакой власти, никакого вліянія, и былъ просто исполнитель. Извѣстно, каково

бываетъ расположеніе падшихъ вельможъ. Онъ не возражалъ на похвалы Ломоносова, однако улыбался двусмысленно.

Около этого времени Ломоносовъ былъ принятъ въ Члены разныхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ, между прочимъ Академій Стокгольмской и Болонской.

Такимъ образомъ слава его начала распространяться и въ иностранныхъ государствахъ; но, къ несчастію, онъ упадалъ духомъ больше и больше. Милостивый взглядъ Императрицы оживилъ его на минуту, но вскорѣ онъ опять поддался грусти о своихъ утраштахъ, о своихъ неисполняемыхъ надеждахъ, о своемъ одиночествѣ на томъ огромномъ поприщѣ, которое указала ему судьба.

Таково было расположеніе его въ концѣ 1763 года, когда Екатерина пожелала, чтобы онъ написалъ оду на новый годъ. Онъ исполнилъ это съ обыкновеннымъ своимъ искуствомъ, и ода его была столько пріятна Императрицѣ, что она, по собственному побужденію, пожаловала ему, въ началѣ 1764 года, чинъ Статскаго Совѣтника. Ломоносовъ могъ видѣть, какъ отличаетъ его Императрица. Онъ былъ осыпанъ ея милостями; но ученая дѣятельность его почти совершенно прекратилась.

Уже болѣе года не писалъ онъ ничего, кромѣ немногихъ ученыхъ замѣчаній. Всѣ занятія свои оплагалъ онъ до другихъ, больше ясныхъ дней жизни.

Глава XVII.

Еще далекій отъ лѣтъ дряхлой старости, крѣпкій здоровьемъ, при всѣхъ способностяхъ ума, Ломоносовъ былъ невозвратно пораженъ своею страстью. Что̀ было причиной этого? Утомленіе жизни? Потеря милыхъ сердцу людей? Неудовлетворенная дѣятельность духа?... Не изслѣдывая, скажемъ только, что онъ уже не былъ прежній, мужественный, бодрый, могучій Ломоносовъ, герой каждой мысли, которая вшѣснялась въ его душу. Онъ проводилъ свои дни уныло, печально, или предавался грубому упоенію.

Но проницательный взоръ бодрствовалъ надъ нимъ. Императрица Екатерина знала цѣну своему поэту, и потому заботилась о немъ. Съ огорченіемъ услышала она о нравственномъ его состояніи, и рѣшилась ободрить, возвысить сильную его душу. Средство, которое избрала она для этого, достойно ея ума и просвѣщеннаго взгляда.

Однажды, въ прекрасный лѣтній день, она призвала къ себѣ И. И. Шувалова и сказала ему:

« Знаешь-ли куда мы поѣдемъ съ тобой? Къ твоему пріятелю Ломоносову. Я хочу сколько нибудь поддержать его, и надѣюсь, что мое посѣщеніе послужитъ для этого лекарствомъ.

Просвѣщенный вельможа съ радостью повиновался ея приказанію, и вскорѣ къ смиренному жилищу Ломоносова подъѣхалъ придворный экипажъ. Императрица послала сказать, могутъ-ли любопытные посѣтители видѣть Г-на Профессора Химіи и Физики.

Ломоносовъ ни сколько не предугадывалъ кто̀ будутъ эти посѣтители, велѣлъ просить ихъ къ себѣ, и между тѣмъ надѣлъ парадный кафтанъ.

« Папенька! Императрица здѣсь! » вскричала дочь Ломоносова, которая увидѣла ее въ окно, выходящую изъ кареты, и безъ памяти бросилась къ отцу своему.

— Какъ?... что ты вздоришь? — въ тревогѣ отвѣчалъ Ломоносовъ и едва успѣлъ броситься къ дверямъ, едва успѣлъ отворить ихъ, какъ передъ нимъ явилась Императрица; за нею шелъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ.

Ломоносовъ упалъ передъ нею на колѣни и преклонилъ голову.

Императрица улыбаясь протянула къ нему руку и сказала очаровательнымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Г. Ломоносовъ! Я пріѣхала къ вамъ какъ ученица къ учителю, и увѣрена, что вы не станете скрывать отъ меня вашихъ занятій. Покажите мнѣ свою лабораторію, свою фабрику; но прежде всего познакомьте меня съ своимъ семействомъ.

Это неожиданное посѣщеніе, эти милостивыя слова, все это смѣшало добраго поэта до такой степени, что онъ еще не могъ ничего выговорить; наконецъ слезы сверкнули на глазахъ его и онъ произнесъ:

« О Государыня!... Для чего не могу я раскрыть передъ вами своего благоговѣющаго сердца!...

— Я вижу его, Г. Ломоносовъ!... Но приведите мнѣ прежде всего ваше семейство.

Черезъ минуту смиренная Христина и молодая дочь Ломоносова были передъ Императрицею. Она тотчасъ узнала по выговору, что Христина Нѣмка, и заговорила съ нею по-Нѣмецки, спросила о мѣстѣ ея рожденія, хотѣла знать, помнитъ-ли она свою родину, счастлива-ли она, и сказала наконецъ, что какъ жена человѣка, который служитъ украшеніемъ Россіи, она конечно любитъ свое новое отечество. Христина отвѣчала на все это съ доб-

ротой и умиленіемъ, а такія чувства облагораживаютъ самыя простыя слова. Императрица, по видимому, была довольна, и обратившись къ Ломоносову сказала:

— Ну, Г. Ломоносовъ! Теперь покажите мнѣ ваши ученыя занятія.

«Умоляю Ваше Величество быть снисходительными къ моимъ слабымъ, ничтожнымъ трудамъ!

— Оставьте судить мнѣ, важны они или нѣтъ! Прежде всего желала-бы я видѣть ваши мозаическія работы.

Ломоносовъ просилъ Императрицу перейдти въ другую комнату, которая служила ему и ученымъ кабинетомъ и мастерскою. Тамъ онъ представилъ ей множество образцовъ мозаическихъ составовъ и разныхъ принадлежностей къ нимъ, такъ-же какъ начатыя и оконченныя работы; но этого казалось не довольно Императрицѣ. Она хотѣла видѣть самую плавильную печь его, и съ безпримѣрнымъ снисхожденіемъ осмотрѣла ее. При ней должны были произвести даже нѣкоторыя работы. Императрица любовалась всѣмъ, распрашивала съ умомъ и знаніемъ, такъ что это даже изумляло Ломоносова. Потомъ она обратилась къ его Физическому и Химическому кабинету. Тутъ опять показала она свои знанія, но съ такимъ искуствомъ, что Ломоносовъ долженъ былъ

объяснять многое и производить опыты, не для удовлетворенія одного любопытства, но для подтвержденія многихъ истинъ Науки. Любимая теорія его о теплотѣ и электрическихъ явленіяхъ служила поводомъ къ занимательному и продолжительному разговору, такъ что Ломоносовъ забывалъ присутствіе великой Императрицы: онъ видѣлъ только геніяльную женщину, и былъ онъ того еще краснорѣчивѣе, говорилъ еще увлекательнѣе. Такъ прошли два часа, достопамятные въ жизни Ломоносова. Императрица изъявила ему полное свое удовольствіе. Восхищенный Ломоносовъ не имѣлъ словъ благодарить ее, и испросилъ позволеніе поднести сочиненные имъ въ это-же время стихи. Императрица милостиво приняла ихъ и велѣла самому Автору прочитать вслухъ. Онъ читалъ:

Геройство съ кротостью, съ премудростью щедроты,
Соединенныя Монаршески доброты,
Въ благоговѣніи, въ восторгѣ зритъ сей домъ,
Рожденнымъ отъ наукъ усердствуя плодомъ.
Блаженства новаго и дней златыхъ причина,
Великому Петру во слѣдъ Екатерина
Величествомъ своимъ снисходитъ до наукъ
И славы праведной усугубляетъ звукъ.
Коль счастливъ, что могу быть въ вѣчности свидѣтель,
Богиня, коль твоя велика добродѣтель!

— Благодарю, благодарю за все, Г. Ломоносовъ! — сказала Екатерина. — Вы видите какъ я уважаю васъ? — сказала она.

«Государыня! чѣмъ могу я доказать вамъ свою безпредѣльную преданность и невыразимую благодарность?

— Я скажу вамъ это! — отвѣчала Екатерина съ большею важностью. — Храните сами себя! Теперь вы конечно увѣрены, что отъ меня можете ожидать всего; но я хочу, чтобы вы сами хранили себя! Это мое желаніе, Г. Ломоносовъ, и я увѣрена, что вы исполните его. Не правда-ли?

«Ваши слова для меня священны, Всемилостивѣйшая Государыня!» отвѣчалъ Ломоносовъ, который понялъ всю значительность словъ Екатерины.

Между тѣмъ она уже шла къ дверямъ и все семейство провожало ее. Она еще оборотилась къ Ломоносову и прибавила:

— Я всегда уважала васъ, Г. Ломоносовъ, но послѣ сегодняшняго посѣщенія уважаю еще больше. Будьте увѣрены въ моей милости, и помните, что вы имѣете во мнѣ внимательную покровительницу.

Императрица вошла въ карету, еще разъ милостиво кивнула головой Ломоносову, и блестящее явленіе исчезло.

Въ самомъ дѣлѣ, не вдругъ опомнился Ломоносовъ послѣ этого посѣщенія. Онъ не вѣрилъ чувствамъ своимъ, не вѣрилъ, чтобы смиренное его жилище было озарено присутствіемъ Императрицы. Въ восторгѣ, въ умиленіи сердца упалъ онъ передъ образомъ и молилъ Бога за великую Государыню!... Это облегчило его. Онъ спалъ вспоминать со своей женой и дочерью о малѣйшихъ подробностяхъ счастливаго для него событія, которое надолго осталось народнымъ преданіемъ во всей Россіи: *Екатерина* удостоила посѣщеніемъ *Ломоносова!* ...

Какъ-бы желая засвидѣтельствовать свою безпримѣрную снисходительность къ Ломоносову, Императрица велѣла напечатать описаніе своего посѣщенія, и любопытные могутъ видѣть это въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1764 года, Іюня 15-го.

Судьба какъ будто хотѣла порадовать Ломоносова въ это время его жизни. Вскорѣ онъ увидѣлъ другаго посѣтителя, не знаменитаго, но памятнаго его сердцу.

Онъ занимался въ своей мастерской, когда ему сказали, что какой-то старикъ пришелъ и хочетъ съ нимъ видѣться.

Не безъ досады оставилъ онъ рабочую комнату, и кого-же увидѣлъ въ своей маленькой пріемной?... Годы измѣнили это лицо, убѣлили эту голову, но Ломоносовъ тотчасъ узналъ

товарища своей юности, соученика и друга Виноградова!

— Ломоносовъ! — «Виноградовъ!» закричали друзья и крѣпко обняли другъ друга.

«Ты-ли это, Виноградовъ? Гдѣ ты былъ? откуда?» спросилъ наконецъ Ломоносовъ.

— Тебя-ли опять вижу я? — говорилъ въ свою очередь Виноградовъ. — Я все еще воображалъ тебя молодцомъ, а ты уже старикъ!

«А ты!... Гдѣ ты скитался?

Когда чувства ихъ нѣсколько поуспокоились, Виноградовъ разсказалъ старому другу приключенія двадцати пяти лѣтъ своей жизни, въ которыхъ впрочемъ не много было занимательнаго.

Онъ возвратился прежде Ломоносова въ Петербургъ, и его, какъ хорошо знающаго Горное Дѣло, отправили на Уральскій хребетъ. Тамъ прожилъ онъ много лѣтъ, ѣздилъ потомъ въ Сибирь, устроивалъ нѣкоторые заводы, возвратился опять на Уралъ, отыскивалъ, плавилъ, очищалъ руды, и такъ провелъ жизнь почти до старости, въ заботахъ, въ трудахъ, слыша иногда громкія вѣсти о своемъ другѣ, но не имѣя случая побывать въ Петербургѣ и увидѣться съ нимъ.

— Теперь я пріѣхалъ сюда по дѣламъ службы — прибавилъ онъ — и спѣшилъ прежде все-

го взглянешь на своего Михайлу! ... Извини, что я такъ называю тебя! ... Право, еще не отвыкъ отъ этого.

« Видно, не отвыкъ еще и церемонишься по старой привычкѣ!

— Нѣтъ, братецъ! Я гляжу на тебя съ почтеніемъ, хотя чувство дружбы и не остыло во мнѣ. Ты исполнилъ великую надежду свою...

« Полно, Виноградовъ! Тебѣ-ли говорить со мной этимъ языкомъ?

— Нѣтъ, дай мнѣ сказать все: ты великій человѣкъ, а я! ...

« Великій человѣкъ! ... Ты мало дорожишь этимъ словомъ, Виноградовъ, хотя я и увѣренъ, что слова твои отъ сердца.... Старый товарищъ! я не исполнилъ своихъ надеждъ!

— Какъ?... Да что-же тебѣ надобно? Твое имя гремитъ по всей Россіи, ты въ чинахъ, осыпанъ милостями. Сама Государыня удостоиваетъ тебя вниманія! ...

« Все это правда; но я еще далеко не исполнилъ своихъ надеждъ, еще не довершилъ ничего, хотя многое началъ. А между тѣмъ, видишь, наступаетъ старость! Я усталъ, утомленъ, измученъ.

Виноградовъ не понималъ его и въ старости такъ-же какъ въ юности. Глядя съ удивленіемъ на своего друга онъ промолвилъ:

— Видно, человѣкъ не бываетъ доволенъ ни чѣмъ! Я за счастіе почелъ-бы сдѣлать то, что̀ ты, и быть на твоемъ мѣстѣ.

« Всякому свой жребій. Я не неблагодаренъ къ судьбѣ; чувствую вполнѣ свое возвышеніе, не къ чину Статскаго Совѣтника, а къ нѣкоторому умственному совершенству. Но, я далекъ отъ цѣли, Виноградовъ!

— Да отъ какой-же цѣли? Я, право, не понимаю!... Впрочемъ, ты всегда говорилъ такъ! Это всегдашняя твоя пѣсня!

« Эта пѣсня сложена душой человѣческой! Совершенства нѣтъ на землѣ, и стремленіе наше всегда оканчется не конченнымъ.

— Гнѣвишь Бога, Михайло! Вспомни что̀ былъ ты, и что̀ есь! Но ежели грустишь ты о своей судьбѣ, то что-же думать мнѣ, когда я вспомню, что вотъ ужь мнѣ слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ, и я не только не сдѣлалъ ничего для будущаго, но и прошедшее мое цѣпь дрянныхъ, ничтожныхъ трудовъ! Я сталъ хуже нежели былъ прежде: я потерялъ теперь силы для труда, а обязанъ по прежнему рыться въ землѣ, и дѣлать завтра то-же что вчера, вчера то-же что завтра. Выводомъ жизни моей будетъ, что я работалъ для насущнаго хлѣба, и ты правду говаривалъ мнѣ въ молодости, что это тяжело, очень тяжело!... А ты,

высокій, прославленный Ломоносовъ, жалуешься на неуспѣхи!

«Виноградовъ! Судьба не дала тебѣ того безпокойнаго духа, котораго я не умѣю назвать, но который управлялъ мной во всю жизнь. На тебя не была возложена обязанность, грызущая сердце, лишающая покоя, какъ скоро она не исполнена. Ты можешь жалѣть, что не удалось тебѣ совершить ничего великаго, но ты спокоенъ въ самомъ сожалѣніи: на тебѣ не было и обязанности сдѣлать что нибудь. Но я.... я упрекаю себя, чувствую себя виновнымъ въ неуспѣхѣ! Мнѣ были даны большія средства, непреодолимое стремленіе, и я склоняюсь передъ неудачами!... Ты не знаешь этого ужаснаго чувства, какое терзаетъ меня, когда я вздумаю, что Богъ щедро наградилъ меня великими силами!... Да, я говорю съ тобой откровенно: *великими*. И что-же сдѣлалъ я?... Не могу указать ни на что. Россія точно удивляется мнѣ, прославляетъ меня, и я, какъ лицемѣръ, принимаю эти похвалы, кланяюсь за нихъ, благодарю, для того чтобы не увидѣли пустоты моей славы!

— Полно, братецъ! да одни твои стихотворенія дадутъ тебѣ безконечную славу.

«А я меньше всего надѣюсь на нихъ! Это были попытки; а онѣ никогда не бываютъ совершенны. Но что-же и во всѣхъ моихъ начинані-

ахъ. Можетъ быть, еще пятьдесятъ, даже сто лѣтъ и по смерти Ломоносова будутъ хвалить его, но наконецъ забудутъ, какъ безсильнаго борца, который палъ не кончивши боя! Ни что не будетъ напоминать обо мнѣ!

— А самый подвигъ твоей жизни?

« Да, вотъ одно, чѣмъ будетъ жить Ломоносовъ!... Странная судьба!... Я самъ вспоминаю съ участіемъ о своихъ дѣтскихъ усиліяхъ на родинѣ, о своихъ юношескихъ трудахъ въ школѣ, и своей борьбѣ съ жизнью въ зрѣлыя лѣта! Я показалъ по крайней мѣрѣ, что̀ можетъ сдѣлать человѣкъ съ сильною волею. Побѣждая трудности, я много утратилъ времени, и можетъ быть это-то помѣшало моимъ успѣхамъ!... Но за то, примѣръ мой вдохновитъ многихъ.

— Скажи Ломоносовъ: былъ-ли ты счастливъ? счастливъ-ли теперь?

« Твой вопросъ показываетъ какую-то неопытность сердца. Что̀ ты называешь счастіемъ? Для меня, счастіе полнота жизни, удовлетвореніе всѣхъ требованій, нравственныхъ и вещественныхъ. А возможно-ли это?... Голодный называетъ счастьемъ и то, когда ему подадутъ кусокъ хлѣба. Я, правда, уже давно не знаю что̀ такое бѣдность, голодъ. Ты видишь: меня окружаетъ довольство. Но счастье-ли это?... И какъ шатко все, что̀ выражаютъ

этимъ словомъ!... Сколько потерь испытываемъ мы въ жизни!... Нѣтъ, я зналъ минуты, а не полноту счастья!... Когда сынъ рыбака былъ помѣщенъ въ Заиконоспасскую Академію, онъ почиталъ себя на верху благополучія. Но вскорѣ онъ увидѣлъ грубость товарищей, невѣжество учителей, мелкость ихъ просвѣщенія. Монастырь казался ему тюрьмой, и онъ спѣшилъ въ настоящій міръ ученыхъ, въ Академію, въ Университетъ. Тамъ опять увидѣлъ онъ корыстныя побужденія, забвеніе своего высокаго сана, часто низость и униженіе. Самъ сдѣлавшись ученымъ, онъ плѣнился сильными земли, и въ ихъ обществѣ думалъ найдти совершенство. Новый обманъ! Тутъ столько-же мелкаго, относительнаго, какъ и вездѣ. Наконецъ онъ приблизился ко Двору; но и это не радуетъ его! Тутъ есть свои разочарованія. Мы такъ далеки отъ высокихъ лицъ, обитающихъ намъ, что можемъ только удивляться имъ!... Въ самомъ себѣ, другъ мой, надобно искать счастья. Но я не нахожу его и въ себѣ, потому что вижу слабость свою. Жизнь, которую видѣлъ и испыталъ я отъ хижины поселянина до Царскаго дворца, жизнь тяготитъ меня, и я чувствую, что не долго могу переносить это бремя!

Виноградовъ не соглашался съ нимъ, потому что не понималъ его.

Но Ломоносовъ говорилъ искренно своему старому товарищу и другу. Онъ тогда тяготился жизнью и чувствовалъ неполноту своихъ подвиговъ. Сверхъ того, разочарованіе его было совершенно. Чего не испыталъ этотъ человѣкъ, и въ чемъ не нашелъ онъ мгновеннаго, хотя иногда и блестящаго метеора! Любовь, дружба, слава, трудъ, все это было знакомо ему, и все являлось уже безъ розоваго покрова.

Онъ былъ однакожъ вѣренъ слову, которое далъ Императрицѣ, и послѣ ея убѣжденій оставилъ свою пагубную страсть. Но эта страсть до такой степени обладала имъ, что не удовлетворяя ея, онъ сдѣлался грустенъ, молчаливъ, неприступенъ, и какъ будто ждалъ случая совершенно погубить себя. Случай представился скоро.

Для единственной дочери его нашелся женихъ, прекрасный молодой человѣкъ, Константиновъ, бывшій придворнымъ библіотекаремъ. По Русскому обычаю, на радостномъ пиршествѣ надобно было выпить. Ломоносовъ удерживался, даже отказывался, когда его убѣждали выпить *одну* рюмку, но наконецъ не успоялъ противъ искушенія. За рюмкой шла другая, и несчастная страсть его загорѣлась съ новою силой: онъ уже не могъ противиться ей, и въ началѣ 1765 года былъ въ полномъ разгулѣ.

Почти каждый день оканчивался у него весельемъ, прискорбнымъ для свидѣтелей.

Между тѣмъ Императрица не переставала наблюдать за нимъ. Узнавши о новомъ приступѣ несчастной страсти, она рѣшилась пробудить его отъ усыпленія, и приказала ему написать стихотвореніе на какой-то торжественный случай, съ тѣмъ, чтобы онъ явился съ нимъ лично къ ней, въ назначенный день.

Ломоносовъ получилъ приказъ; но до срока оставалось еще нѣсколько дней, и онъ отложилъ свою работу. «Еще будетъ время, напишу!» сказалъ онъ, и проводилъ дни по прежнему. Наступилъ назначенный срокъ: Ломоносовъ не написалъ оды, и не могъ явиться къ Императрицѣ. Это огорчило ее, и она приказала ему явиться къ себѣ на другой-же день.

Поэтъ ужаснулся, когда его пробудили этимъ приказаніемъ. Мгновенно освободился онъ отъ чаду своего бурнаго веселья, и не спалъ всю ночь. Мысль, что онъ не исполнилъ воли своей высокой благодѣтельницы, поразила его не страхомъ, а угрызеніемъ совѣсти, стыдомъ. Онъ чувствовалъ презрѣніе къ самому себѣ.

Съ неизъяснимымъ чувствомъ вошелъ онъ во дворецъ. О немъ тотчасъ доложили, потому что объ этомъ было приказано напередъ. Им-

императрица велѣла позвать его въ свой кабинетъ, гдѣ была она одна.

Лицо его выражало все, что чувствовала душа, такъ что при первомъ взглядѣ Екатерина увидѣла это, и когда онъ упалъ передъ нею на колѣни, преклонивъ голову, она сказала:

— Г. Ломоносовъ! Я вижу, что вы сами вполнѣ чувствуете свой проступокъ. Хорошо! Я не стану упрекать васъ; только требую непремѣннаго слова, что вы откажетесь отъ своей страсти навсегда!

«Всемилостивѣйшая Государыня! Даю вамъ клятву, въ присутствіи Всемогущаго Бога!

— Я довольна этимъ, потому что увѣрена въ васъ. Встаньте!... И вамъ-ли, Г. Ломоносовъ, доводить себя до напоминаній!... На васъ обращены взоры цѣлаго отечества! Вы краса Русской учености, образецъ Русскаго ума. Вы будете послушны моему убѣжденію. Въ этомъ даю за васъ слово отечеству. Не введите-же меня въ нарѣканіе!

«Я не умѣю выразить своихъ чувствъ, Всемилостивѣйшая Государыня!... Позвольте мнѣ, виновному, оправдать милосердіе ваше будущими моими поступками.

— Я желаю этого, прошу васъ объ этомъ! Знаете-ли, что я дорожу вами не меньше нежели какою нибудь областью моихъ владѣній?

Будьте увѣрены, что я забочусь о васъ, и оправдайте мое вниманіе.

« Ваши неизрѣченныя милости, Государыня, не могутъ быть оправданы, если-бы даже я пролилъ за васъ всю кровь свою, до послѣдней капли. Но я сдѣлаю, что̀ только возможно для человѣка!

— Для Ломоносова! — прибавила Императрица. — Въ этихъ словахъ я узнаю прежняго Ломоносова. Нѣтъ, вы не обманете меня! Снова ручаюсь за васъ.

Аудіэнція кончилась; но она сдѣлала на Ломоносова глубокое впечатлѣніе. Онъ рѣшился свято исполнить свое слово, хотя и не предчувствовалъ, что это будетъ стоить ему жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, на другой-же день овладѣлъ имъ сильный недугъ, неизбѣжное слѣдствіе слишкомъ быстраго перелома. Черезъ нѣсколько дней болѣзнь усилилась и начала возбуждать опасенія. Объ этомъ донесли Императрицѣ.

Узнавши причину его болѣзни, она приказала сказать, что разрѣшаетъ его отъ даннаго слова, и что онъ долженъ слушаться только совѣтовъ медика.

Вблизи постели Ломоносова сидѣлъ пріятель его Штелинъ, когда пришли отъ Императрицы. Услышавши волю Ея, Ломоносовъ сказалъ:

«Изъявите всю мою признательность Всемилостивѣйшей Государынѣ, но доложите вмѣстѣ съ тѣмъ, что я не воспользуюсь ея позволеніемъ. Я не достоинъ жизни, если эта жизнь должна поддерживаться снисхожденіемъ къ моимъ слабостямъ. Да теперь уже и поздно: смерть въ груди моей!

— Но Императрица желаетъ, чтобы употреблены были всѣ средства для пособія вамъ — сказалъ посланный.

«Благодарность мою за Ея попеченія уповаю къ престолу Всевышняго! Но я не житель міра сего!... Скоро все для меня кончится.

Опечаленный придворный ушелъ, а Ломоносовъ, видя что въ глазахъ старика Штелина блистаютъ слезы, сказалъ улыбаясь:

«О чемъ грустишь ты, пріятель? Неужели о моей смерти?

Штелинъ отвѣчалъ, собравшись съ духомъ:

— Я еще надѣюсь на Бога, что вы останетесь жить, Г. Ломоносовъ.

«Нѣтъ, я вижу, что мнѣ скоро умереть. На жизнь смотрю равнодушно, и сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить, что̀ началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести Академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.

У Ломоносова было не много друзей при жизни, но явилось много почитателей, когда оканчивалась эта многотрудная, блестящая, славная жизнь!... Зрѣлище было поучительно и прекрасно. Богатые экипажи останавливались передъ жилищемъ Ломоносова, и великолѣпные господа выходили изъ нихъ изъявить свое участіе славному соотечественнику, сами не подозрѣвая, что отдаютъ этимъ дань умирающему генію, котораго не умѣли они чтить при жизни его.

Императрицѣ доставлялись ежедневныя извѣстія о состояніи Ломоносова, котораго, можетъ быть, лучше всѣхъ понимала она.

Другъ Виноградовъ уже не отходилъ отъ постели больнаго, и вмѣстѣ съ женою и дочерью его заботился о немъ какъ нѣжный братъ. Но ни попеченія дружбы и любви, ни желанія почитателей, ни что не могло перемѣнить рѣшенія судьбы. Ломоносовъ скончался, на третій день Пасхи, 4 Апрѣля 1765 года.

Смерть всякаго человѣка представляетъ зрѣлище знаменитое, часто величественное и грустное. Но смерть человѣка геніяльнаго — зрѣлище высокое и превосходное, больше нежели мистерія Среднихъ вѣковъ, больше нежели Шекспирова драма! Какія чувства должны были волнишься въ душѣ тѣхъ, кто стоялъ надъ бездыханнымъ тѣломъ Цезаря, Петра Великаго, Наполеона? Въ своемъ родѣ, Ломо-

посовъ былъ геній первостепенный, и даже близкій направленіемъ своимъ къ тремъ, названнымъ нами великимъ людямъ. Въ немъ также господствовали необычайная сила воли, непобѣдимое упорство въ достиженіи къ предназначенной цѣли, и поэтическій взглядъ на свое поприще, гдѣ оставилъ онъ цѣлый рядъ подвиговъ безпримѣрныхъ. Зачѣмъ повторять или исчислять намъ эти подвиги, когда мы видѣли постепенное увеличеніе ихъ, наблюдали шагъ за шагомъ нашего поэта, съ грустью прошли послѣднее время его упадка, и теперь стоимъ надъ гробомъ великаго человѣка?

Смерть Ломоносова пробудила въ современникахъ его глубокое чувство. Они еще были поражены, ослѣплены блескомъ этого лучезарнаго свѣтила, этого метеора, съ громомъ пролетѣвшаго на зарѣ просвѣщенія Русскаго, и вдругъ услышали, что величественная драма его жизни кончилась. Спокоенъ и величественъ лежалъ передъ ними въ гробѣ Ломоносовъ. Они не могли, какъ мы, постигнуть его умомъ своимъ, но постигали чувствомъ; а чувство современниковъ едва-ли не сильнѣе нашего одушевленія. Строгое, неподвижное лицо; глаза впадшіе, какъ-бы отъ глубокой тоски и задумчивости; мысль, что кипящая дѣятельность человѣка прекратилась, что насталъ конецъ всѣмъ его думамъ, чувствамъ, желаніямъ и

Уральская областная

и надеждамъ, конецъ всему, и навсегда.... О, никакой геній, никакое краснорѣчіе и поэзія не вдохнутъ въ насъ этого изъ холодной книги, изъ темныхъ воспоминаній! . . .

Въ день, назначенный для погребенія, съ утра начали сбираться въ жилище Ломоносова всѣ, знавшіе его больше или меньше. Императрица, изъявляя участіе о смерти человѣка, украшавшаго ея царствованіе, приказала отпустить значительную сумму на его похороны, которыя и были устроены великолѣпно. Главнымъ распорядителемъ при этомъ былъ неизмѣнный покровитель поэта, И. И. Шуваловъ. Слезы невольно выступали на глазахъ его, когда онъ отдавалъ разныя приказанія — вблизи гроба своего друга! Множество знатныхъ присутствовало при этомъ, и можно сказать, что все блестящее и великолѣпное, бывшее тогда въ Петербургѣ, собралось отдать послѣдній долгъ знаменитому согражданину. Наконецъ, длинный поѣздъ потянулся въ Александро-Невскую Лавру, и въ числѣ идущихъ за гробомъ былъ видѣнъ — Сумароковъ. Онъ безпрестанно обращался къ шедшимъ вмѣстѣ съ нимъ и повторялъ: «великій человѣкъ былъ, милостивые государи! великій человѣкъ. Онъ нашихъ странъ Малербъ, онъ Пиндару подобенъ!»

— И изъ какого званія! — сказалъ одинъ наслѣдственный Князь.

« Да-съ! дослужился до Статскаго Совѣтника! » прибавилъ Сенатскій Оберъ-Секретарь.

Виноградовъ, безмолвный, нѣмой отъ горести, пошелъ пише, чтобы отстать и не слышать этихъ разсужденій. За знатью шли многіе изъ просвѣщенныхъ людиновъ, знакомцы Ломоносова. Иные изъ нихъ добродушно, но съ чувствомъ изъявляли свою печаль. Между прочимъ мастеръ Соколовъ, которому Ломоносовъ обыкновенно заказывалъ разныя машины, воскликнулъ, послѣ долгаго молчанія: « Оставилъ насъ, батюшко Михайло Васильевичъ! . . . оставилъ! . . . Отецъ былъ нашей брашьи! . . . Такой головушки не скоро дождется Россія! »

Великолѣпная процессія достигла Александро-Невскаго монастыря, и тамъ въ дверяхъ церкви встрѣтилъ ее Митрополитъ — Димитрій Сѣченовъ! «Такъ-ли думалъ я встрѣтиться съ тобой?» почти вслухъ сказалъ Митрополитъ; но онъ запалъ свое чувство, и началъ отправленіе службы, вмѣстѣ съ Петербургскимъ Архіепископомъ и со всѣмъ знатнѣйшимъ духовенствомъ.

Когда наступила минута вѣчнаго разставанія, многіе зарыдали искренно; всѣ чувствовали, что видятъ въ послѣдній разъ ликъ необыкновеннаго человѣка, и стенаніе сдѣлалось почти общимъ; но при новыхъ молитвахъ и пѣніи духовенства все смолкло. . . . Тихо опустился въ могилу гробъ Ломоносова. . . .

И не стало его!... Но не все кончилось и въ здѣшней жизни для человѣка, озареннаго справедливою славою. Только послѣ смерши его начали понимать, какую потерю сдѣлала Россія. Сама Императрица грустила нѣсколько времени, и это отразилось на вельможахъ ея, которые впрочемъ сами уважали и любили славнаго своего современника.

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ выпросилъ у вдовы Ломоносова всѣ оставшіяся послѣ него бумаги, велѣлъ Г. В. Козицкому привести ихъ въ порядокъ, и заперъ въ особомъ покоѣ своего дома. Гдѣ теперь онѣ, эти бумаги, законное наслѣдіе потомства?... По временамъ появляются у разныхъ лицъ отрывки сочиненій, письма Ломоносова; но вполнѣ ихъ нѣтъ ни у кого.

Канцлеръ Графъ Воронцовъ, при жизни Ломоносова бывшій покровителемъ его, хотѣлъ засвидѣтельствовать свое уваженіе къ нему и послѣ его смерши. Онъ велѣлъ Шпелину сдѣлать рисунокъ памятника (на подобіе видѣнныхъ Графомъ въ Италіи), и сочинить надгробную надпись. Памятникъ заказали въ Ливорно, изъ бѣлаго Каррарскаго мрамора, и когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, его поставили надъ могилою Ломоносова, на Александро-Невскомъ кладбищѣ, на лѣво при входѣ въ монастырь. Такимъ образомъ сохранилось для насъ

мѣсто, гдѣ погребенъ нашъ великій соотечественникъ. Безъ этого, можетъ быть, мы не знали-бы могилы его, какъ не знаемъ гдѣ покоится прахъ многихъ нашихъ великихъ людей.

Минуло семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Ломоносова. Академія Наукъ издала въ это время главныя сочиненія его (далеко не всѣ), подъ заглавіемъ *Полнаго Собранія*. Впереди ихъ приложена, съ чувствомъ написанная, біографія его. Вотъ все, что̀ сдѣлано для ознакомленія потомства съ геніяльнымъ человѣкомъ.

Мнѣ казалось, что лучшею, истинною поэмою, какую завѣщалъ намъ первый Русскій поэтъ, была собственная жизнь его. Эта мысль заставила меня сообразить матеріялы, какіе представляютъ намъ сочиненія и письма его, замѣтки современниковъ и преданія нашихъ отцовъ. Тщательно изучая жизнь великаго человѣка, я изучалъ вмѣстѣ и вѣкъ его, и людей, имѣвшихъ вліяніе на его судьбу. Все это образовало наконецъ для меня величественную картину, которой слабый очеркъ представляю читателямъ. Да, я не умѣлъ выразить въ книгѣ того, что̀ такъ свѣтло, ярко, вѣрно было въ душѣ моей. Обыкновенная участь всего написаннаго! Впрочемъ, бѣденъ писатель, довольный

трудомъ своимъ! Глубоко убѣжденный въ этомъ, я откровенно сознаюсь, что мнѣ удалось нарисовать лишь слабый очеркъ. Поймутъ-ли изъ моей книги эту могущественную волю, это смѣлое исполненіе ея, эту огромность подвиговъ, свершенныхъ въ краткую жизнь человѣка? Узнаютъ-ли истинный образъ самого Ломоносова, и его вѣка, его друзей, враговъ, покровителей, современниковъ? Не смѣю надѣяться, и желаю только, чтобы мои страницы, отъ души писанныя, нѣсколько ближе познакомили соотечественниковъ съ этимъ истиннымъ Русскимъ геніемъ, бурнымъ и неукротимымъ какъ Сѣверъ, но и смѣлымъ, безтрепетнымъ, непобѣдимымъ, какъ Русская душа. Скажутъ, что я прибавлялъ многое отъ себя, и на ряду съ истиною помѣстилъ вымыслы. Признаюсь, я вообще мало вѣрю истинѣ подробностей въ лѣтописныхъ и историческихъ разсказахъ; а описывая жизнь Ломоносова, я имѣлъ все право дополнять многое отъ себя. Я писалъ не романъ и не Исторію, а разсказъ о жизни Ломоносова, и если онъ неправиленъ, вы скажете: «Да, конечно таковъ былъ нашъ Ломоносовъ!» Впрочемъ, и не льзя иначе описывать его жизни, если не хотите составить простаго послужнаго списка. Я желалъ только чтобы вѣрна была идея, и воображая себѣ Ломоносова въ каждомъ положеніи удивительной,

поэтической его жизни, описывалъ подробности, какъ *могли* быть онѣ въ дѣйствительности. Онѣ *могли быть* таковы: этого оспорить не льзя. Но, замѣчу наконецъ: во всей книгѣ нѣтъ ни одной изъ главныхъ чертъ и почти ни одной подробности, для которой я не могъ-бы указать источника или не имѣлъ-бы основанія. Желательно, чтобы это могъ сказать всякой историкъ.

КОНЕЦЪ КНИГИ.